

1923-2002

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

**ГРАНИ ЯЗЫКА
ГРАНИ ТЕКСТА
ГРАНИ ПЕРЕВОДА**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
Международной конференции
к 100-летию со дня рождения А. Д. Швейцера

Москва, 8–9 декабря 2023 года

УДК 81'25(063)
ББК 81.18я431
Г-771

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Научный план 2024 г., поз. 6

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук *Е. А. Похолкова*
кандидат филологических наук *А. М. Дементьева*

Ответственный редактор
старший преподаватель *Ю. П. Уварова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Н. Л. Огуречникова* (МГЛУ)
доктор филологических наук, профессор *К. В. Лифанов*
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Г-771 **Грани языка. Грани текста. Грани перевода :** тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А. Д. Швейцера. Москва, 8–9 декабря 2023 года / редакционная коллегия: кандидат филологических наук *Е. А. Похолкова*, кандидат филологических наук *А. М. Дементьева*, ответственный редактор старший преподаватель *Ю. П. Уварова*. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. – 181 с.

ISBN 978-5-00120-518-0

В сборнике печатаются тезисы докладов международной конференции «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» к 100-летию со дня рождения А. Д. Швейцера, состоявшейся 8–9 декабря 2023 года в МГЛУ. Сборник посвящен проблемам перевода, социолингвистике и варьированию в языке, а также дидактическим аспектам перевода. В сборнике тезисов представлены исследования, затрагивающие различные языковые группы: германские языки, романские языки, славянские языки, семитские языки, тюркские языки и пр. Тезисы, представленные в сборнике, выполнены с привлечением новейшего языкового материала и затрагивают самые разные области знания.

УДК 81'25(063)
ББК 81.18я431

ISBN 978-5-00120-518-0

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проявлением глубокого уважения к Александру Давидовичу Швейцеру и безусловного признания его академического наследия современным поколением отечественных и зарубежных лингвистов и переводоведов является приуроченная к 100-летию ученого совместная Международная конференция переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета и Института языкознания РАН. Конференция, открывшаяся в день рождения ученого – 8 декабря – носила название «Грани языка. Грани текста. Грани перевода» и имела целью обобщить фундаментальные труды советского и российского классика, продемонстрировать актуальное прочтение его концепций, положений и идей в современных лингвистических изысканиях.

Программа конференции, наполненная многообразными по тематике докладами, наглядно свидетельствует о том, что сегодняшним англистам, американистам, теоретикам, практикам и преподавателям перевода, социолингвистам и представителям других востребованных лингвистических дисциплин и направлений есть, что вынести на обсуждение коллег, собравшихся для актуализации работ классика-юбиляра.

Особенно знаменательным представляется тот факт, что, помимо предсказуемого английского языка и его американского варианта, на конференции памяти Александра Давидовича звучали примеры самых разных языков – от германских и романских до славянских, скандинавских и персидского. Много последователей ученого, который более полувека назад подробно описавшего американский вариант английского языка в своей докторской диссертации «Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка» (1966) и в двух монографиях «Очерк современного английского языка в США» (1963) и «Литературный английский язык в США и Англии» (1971), а позднее в работе «Социальная дифференциация английского языка в США» (1983), нашлось, проиллюстрировали положения его сравнительно-сопоставительного подхода применительно к широкому ряду других языков. Это обстоятельство подтверждает наличие достойной смены и наглядно подчеркивает неувядающую академическую традицию.

Уместно вспомнить, что еще в начале 1970-х годов в своей монографии «Перевод и лингвистика» (1973) А. Д. Швейцер отмечал, что общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, но тесно связанным с сопоставительным языкознанием,

психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой и лингвистической географией. И сейчас, более 50 лет спустя, прозорливость данного мнения подтверждается новыми подходами и методами анализа, продемонстрированными участниками международной конференции.

Традиционная для переводоведения проблематика обоснованно не сходит с повестки дня. Среди прочих, в нее входят следующие проблемы: художественный перевод в аспекте полижанровости и интерсемиотики; перевод английской военной поэзии; варьирование на разных языковых уровнях в разных языках мира и его значение в переводе; параметры текста, детерминирующие тактику перевода; единицы перевода в текстах, не являющихся продуктом общелитературного языка; стратегии в синхронном переводе американских политиков; перевод ономастической лексики; трансляция культурных концептов и фразеологических единиц, включая паремический фонд, а также дидактика перевода и другие нестареющие переводческие темы.

Наряду с названными темами, участники конференции рассматривали проблематику, которая продиктована профессиональной переводческой деятельностью в сегодняшних усложнившихся дискурсах и формирующихся новых реалиях. Здесь можно выделить следующие, но далеко не исчерпывающие всего диапазона переводческих проблем: эволюция видов перевода и поиск переводческих стратегий; статус английского как *lingua franca*; мультиэтнологеты в урбанистической среде; цифровые технологии и искусственный интеллект в межъязыковом переводе; отраслевые языки и порожденные ими терминологические дилеммы в междисциплинарных дискурсивных пространствах, включая публицистический и медийный дискурс, спортивную журналистику; локализация мультимедийных продуктов, аудиовизуальных СМИ и видеоигр; песенный дискурс и порождаемая в нем социальная дифференциация языка; лексикографическая кодификация динамически развивающихся языков и многие другие.

Выступления участников прошедшей международной конференции служат еще одним подтверждением справедливости мнения юбиляра, высказанного им в конце 1990-х годов, о переводе как объекте сложного, междисциплинарного анализа и неизбежности смены его общей парадигмы в наступившем, новом, столетии. Выступая в 1999 году на факультете перевода в Институте международных исследований (Монтерей, США) с докладом «Перевод и лингвистика: эволюция связей», А. Д. Швейцер во многом преопределил основные тенденции развития переводоведения и направления переводческой деятельности. В частности, ученый отмечал, что дальнейшее развитие перевода в XXI веке с большой вероятностью будет учитывать широкие социально-технологические тенденции, растущую диверсификацию и компьютеризацию коммуникативных процессов. Данный процесс не сможет не отразиться на типах документов, подлежащих переводу, породив новые «гипердокументы», которые, в свою очередь, изменят сам характер перевода и его национально-культурную локализацию. Кроме того, А. Д. Швейцер указывал на радикальную смену парадигмы перевода, которая повлияет на

характер людей, занимающихся переводческой деятельностью, а также неизбежно повлечет за собой изменения в характере их подготовки с учетом новых задач нового столетия.

Прошедшая в МГЛУ конференция убедительно подтвердила актуальность и востребованность теоретического наследия доктора филологических наук, профессора А. Д. Швейцера, жизнеспособность его идей. Не вызывает сомнений, что прошедший научный форум также подчеркнул творческий потенциал нового поколения ученых.

*Светлана Викторовна Власенко,
кандидат филологических наук, доцент
Переводческий факультет
Московского государственного
лингвистического университета*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В ПОИСКАХ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Алпатов Владимир Михайлович

доктор филологических наук, профессор, академик РАН
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
v-alpatov@iling-ran.ru

Нередко считают, что безэквивалентной лексики не бывает. Если слово одного языка без потери или добавления информации нельзя перевести на другой язык одним словом или фразеологизмом, то можно перевести его «описательно». Однако такой перевод может быть крайне неудобным и неэкономным, не подходящим стилистически, и какие-то компоненты значения могут потеряться или наоборот, добавиться. Часто приходится транскрибировать иноязычное слово и вводить в язык новую заимствованную единицу.

Но иногда и это не помогает. В японском языке огромное количество звукоподражательной и образоподражательной лексики с достаточно дифференцированными значениями. В русском языке эквивалентов нет, иногда создают окказионализмы, но они обычно не закрепляются в языке. Система так называемых японских форм вежливости (точнее, форм этикета), во-первых, богаче и разнообразнее русской, во-вторых, часто требует обязательного выражения этикетного значения, что не всегда есть в русском языке.

Вопрос о переводимости может также приобретать идеологическое и политическое значение. Уже более полувека он обсуждается на примере японского слова *амаэ*. Оно обозначает инстинктивное отношение маленького ребенка к матери, включающее и ласку, и желание защититься от внешних воздействий. Но стала популярна идея о том, что в раннем детстве *амаэ* есть у каждого человека, но лишь японцы сохраняют его на всю жизнь; на этой основе японцы строят отношения между собой, избегая конфликтов и агрессии по отношению к «своим». Тем самым обосновывается особая «гармония» японского общества. Это, по меньшей мере, спорно, но перевести данное слово на русский или английский язык затруднительно.

Отсутствие эквивалентов между русским и японским языком. Одна из японских глагольных категорий образуется сочетанием деепричастной формы глагола со служебным словом *симау*. Обозначается существенное и необратимое или с трудом обратимое изменение состояния, обычно нежелательное для лица, обозначенного подлежащим. В одном романе мать говорит выходящей замуж дочери, что после свадьбы (в японском языке *жениться* и *выходить замуж* передаются одним словом *кэккон-суру*) женщина *кэккон-ситэ симау*, всё в ней меняется, а мужчина лишь *кэккон-суру*, наполовину оставаясь холостяком. Как это перевести на русский язык без потери информации?

Часто причина отсутствия эквивалентов лежит на поверхности. Не имеющая параллелей в русском и многих других языках дифференциация лексик часто связана со спецификой жизни народа. Отсюда большая дифференциация названий морских просторов или морских животных в японском языке. Но многое здесь не поддается простым объяснениям. Вероятно, дело в специфике национальных картин мира, которые сейчас активно изучаются, но пока здесь не существует строгого исследовательского метода.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Челышева Ирина Игоревна

доктор филологических наук, профессор
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
chelirin@gmail.com

Оригинальный текст, который становится объектом переводческой деятельности, может не только принадлежать иной культуре, но и принадлежать иной эпохе. Тексты, хронологически удаленные, всегда ставили перед переводчиком целый ряд проблем, которые по-разному решались в зависимости от избранной стратегии перевода. Эти проблемы на наш взгляд, можно разделить на три группы: во-первых, надо было сделать понятными для читателя незнакомые факты и реалии иных эпох; во-вторых, создать текст перевода, приемлемый с точки зрения формы (жанр, тип текста) и, в какой-то степени, содержания (соответствие принятым этическим и эстетическим нормам) и, в-третьих, подобрать для переводного текста языковые средства, соответствующие с точки зрения переводчика и потенциальной аудитории эпохе оригинала.

В истории переводов на романские языки этот аспект особенно интересен в приложении к переводам с латыни, которые сыграли существенную роль в формировании литературной нормы мира. Осознание исторической дистанции при переводе стало проявляться, начиная с XVI века, когда сложилось современное понимание переводческой деятельности. До этого не разделялись задачи автора, переводчика, комментатора, компилятора. Соответственно прошлое, отраженное в тексте, переносилось в настоящее и как таковое воспринималось. Персонажи Античности приобретали черты героев рыцарских романов и куртуазные добродетели. Перевод часто представлял собой переложение источника, которое должно было вписаться в существовавшую систему жанров и типов текста (черты рыцарского эпоса в переводе книг Ветхого Завета). В переводной текст добавлялись элементы, отражавшие представление о «правильной» с точки зрения феодальной иерархии структуре общества: например, в окситанском переводе Библии (XV век) при упоминании праведников добавляется *noble* – «благородный», *de linhage rial* – «королевского рода». На переводимый текст проецировалась система ценностей, характерная для той эпохи, когда создавался перевод,

и разделяемая самим переводчиком. Так, епископ Николь Орем, переводя в третьей четверти XIV века с латинского перевода «Никомахову Этику» и «Политику» Аристотеля, ввел во французский язык слово *comédie* для перевода лат. *comedia*, но сопроводил заимствование дополнением: *villains jeux ou vilaines chansons* «недостойные игрища или неприличные песнопения».

Выбор языковых средств для воссоздания ощущения исторической дистанции в любую эпоху осложнялся тем, что динамика изменений в разных языках существенно различна и найти подходящие средства архаизации изложения достаточно сложно.

ЗООМЕТАФОРА КАК ОСНОВА ОБРАЗНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА, ИЛИ ПЕРЕВОДЧИК В СТРАНЕ ОШИБОК

Терехова Евгения Викторовна

доктор филологических наук, доцент
главный специалист
профессор научно-педагогического отдела обучения в аспирантуре
Национальный научный центр морской биологии имени А. В. Жирмунского
Дальневосточное отделение РАН, Владивосток, Россия
evgeniavlada@gmail.com

Прошина Зоя Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
факультет иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
proshinazoya@yandex.ru

В докладе анализируются особенности использования и перевода зооморфной метафоры (зоометафоры) в политическом медиа- и интернет-дискурсе. Зоометафора при этом рассматривается как один из наиболее эффективных способов выявления схожих черт поведения человека и животного. Если сущность собственно метафоры – это ассоциативное отождествление, которое делает возможным соотносить явления разных предметных областей посредством их простого сравнения, то зоометафора способна наделять образ различных животных (сухопутных и морских), птиц (хищных и домашних) антропоморфными свойствами, с одной стороны, а с другой – проецировать этот образ на человека, которому приписываются те или иные зооморфные характеристики.

По утверждению А. Д. Швейцера, перевод подобных проекций не может не вызывать затруднений, «...поскольку в выборе определенного варианта переводчик исходит не только из внутриязыковых, но и из некоторых

внелингвистических критериев, включая дискурсивный контекст или ситуацию. Необходимо, чтобы как те, так и другие нашли своё место в модели, претендующей на реалистическое отражение процесса перевода».

Важной задачей становится формирование у читателя такого представления о мире, ситуации или отдельном человеке, чтобы эмотивность дискурса не потерялась при переводе. К сожалению, *элементы образности и эмотивности* нередко остаются за рамками перевода.

Наши рассуждения находят своё подтверждение в сравнительной аналитике как собственно метафор, так и интересующих нас зоометафор. Последние стали активно употребляться «...при оценке главных субъектов газетных статей. Зоонимных персонажей подобных сравнений легко распознать, особенно когда на них уже спроецирован образ какого-либо животного». Вместе с тем трактовка образов животных и их символика могут отличаться от культуры к культуре.

Каким образом можно в таком случае осуществить адекватный перевод подобных языковых средств? Попытка дать определение такому сложному явлению прямо указывает на его глубину и многослойность. Эта сфера деятельности, или называемая нами *парадигма перевода*, непременно будет сопряжена со сложной полифункциональной деятельностью. Сначала в ней задействован автор, затем наступает очередь переводчика, которая требует от него высоких профессиональных умений, навыков и междисциплинарных знаний.

Мы предлагаем рассмотреть перевод зоометафор сначала на примере англоязычной притчи об осле, тигре и льве, разберем символику представленных в притче образов, покажем семантическую структуру слов, участвующих в создании зоометафор в английском и русском языках, сопоставим их участие в образовании фразеологизмов и их смыслов, а также посмотрим, как представлены данные образы в английском политическом дискурсе и какие проблемы они представляют для переводчиков на русский язык.

«ГЛАЗАМИ ПЕРЕВОДЧИКА»:

А. Д. ШВЕЙЦЕР О СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ КАК ПРИЗВАНИИ

Никуличева Дина Борисовна

доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт языкознания Российской академии наук
профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nikoulitcheva@yandex.ru

Чем больше времени проходит, тем больше стираются черты живой личности ученого, сколь значительной бы она ни была, и выступают на первый план заслуги, связанные с его – становящимися все более

«классическими» – научными работами. Разумеется, А. Д. Швейцер – это теория перевода, контрастивная стилистика, социальная дифференциация языка – и многое другое, что дало название секционным рубрикам нынешней юбилейной конференции. Но как человек, которому посчастливилось работать вместе с А. Д. Швейцер в Институте языкознания, я хочу сделать мой доклад как можно менее формальным. Хочу показать, что за всем тем, что было по-настоящему важным для А. Д. Швейцер, стояла его недюжинная и разносторонне одаренная личность.

Я познакомилась с Александром Давидовичем в начале 1980-х. Он – главный научный сотрудник, ученый с мировым именем, книги которого печатают в самых престижных лингвистических издательствах мира, я – сначала аспирантка, а затем младший научный сотрудник сектора германских языков, только начинающая свой путь в науку. Но наши столы одно время стояли рядом. И каждый день с восхищением я наблюдала за ним. Всегда безупречно одетый, подтянутый, с молодежавшей походкой и импозантной «итальянской» сединой на висках. Его речь была спокойной и, тембр голоса и правильность речи – как у диктора центрального телевидения. Во всех научных обсуждениях он безошибочно схватывал самую суть и давал неизменно четкие и точные формулировки. Чувствовался навык синхронного переводчика экстра-класса с его профессиональным умением схватывать самую суть и выжать ее точно и лаконично.

Именно о личности А. Д. Швейцера как переводчика-синхрониста мне бы хотелось поразмышлять в этом докладе. Ценный материал на эту тему дает его автобиографическая книга «Глазами переводчика». Эту книгу он задумал как возможность рассказать о том, что «позиция переводчика как наблюдателя уникальна» и что эта позиция «дает возможность подмечать многое из того, что ускользает из поля зрения других участников международных встреч».

Однако в рамках предлагаемого доклада я сосредоточусь не на поражающих своими масштабами и значимостью общественно-политических форумах, которые довелось переводить А. Д. Швейцер, не на тех ключевых фигурах в истории XX века, с которыми он был лично знаком, благодаря работе синхрониста первого эшелона, а на разбросанных по тексту книги ремарках о специфике работы синхронного переводчика и о том, как в этой работе отразились основные черты характера А. Д. Швейцер.

Говоря от труда синхронного переводчика, А. Д. Швейцер неоднократно подчеркивал, что «это труд самой высокой квалификации: он требует глубокого знания и исходного языка, и языка перевода, автоматизированного навыка нахождения языковых соответствий, способности выдерживать длительную нервную нагрузку, мгновенной реакции, находчивости, умения прогнозировать дальнейший ход событий в зале заседания». Книга «Глазами переводчика» служит убедительной иллюстрацией этого тезиса.

В докладе я остановлюсь на том, какие качества в людях вообще и в синхронных переводчиках в частности, особенно ценил А. Д. Швейцер. Это интеллигентность, человеческое достоинство, стрессоустойчивость,

умение сохранять присутствие духа в критических ситуациях и мгновенно принимать решения, чувство ответственности и профессионализм, чувство юмора, переводческая находчивость, умение «перевоплощаться в разных участниках встреч», умение при необходимости «улучшать оригинал», глубокое владение родным языком и языком перевода, аутентичность звучания на всех рабочих языках. Всеми этими качествами в полной мере владел и сам А. Д. Швейцер.

Книга убеждает в виртуозном мастерстве А. Д. Швейцер как синхронного переводчика, изобилуя примерами тех переводческих решений, которые он принимал в сложных ситуациях, преодолевая «множество ловушек», подстерегающих переводчика-синхрониста при переводе пословиц, поговорок, крылатых слов, цитат и т. п.

Та любовь и теплота, с которыми А. Д. Швейцер вспоминает своих коллег-синхронистов, свидетельствует о его бесконечной преданности профессии, потому что «синхрон – это не только нелегкий труд, но и приносящее удовлетворение состязание в мастерстве, и, что самое главное, это праздник, который всегда с тобой, переносающий тебя из атмосферы будничной повседневности в совершенно другой мир».

ЭТИКА ТЕЛОДВИЖЕНИЙ В ДИДАКТИЧЕСКОМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Горшкова Вера Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры перевода и переводоведения
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
gorchkova_v@mail.ru

В силу сложившихся обстоятельств большое распространение в мире политики, науки и образования получает видеоконференцсвязь как относительно новый способ дистанционного общения, при котором достаточно весомую роль, наряду с такими семиотическими ресурсами, как вопросы и комментарии в чате, выставляемые на экран изображения, вербальные объяснения преподавателя, играет жестикуляция последнего. Специфика такого «экранного взаимодействия» преподавателя с обучающимися требует от обеих сторон определенных усилий как в плане овладения технической стороной процесса, так и в плане использования соответствующих семиотических ресурсов, не последнюю роль среди которых играют положение тела преподавателя, наклон головы, выражение лица, направление взгляда, отражающие искреннюю вовлеченность преподавателя в общение. Как правило, находясь перед веб-камерой, преподаватель более активно использует жестикуляцию, включающую, помимо спонтанных жестов, произвольно сопровождающих речь человека, так называемые «педагогические жесты», цель которых

закljučается в информировании, активизации и оценивании в процессе дидактического дискурса. Эти жесты используются более осознанно и служат для облегчения постижения обучающимися смысла сказанного на иностранном языке. При этом и ручные жесты, и выражение лица преподавателя выполняют различные педагогические функции, среди которых различают когнитивную, эмоционально-аффективную и организационную функции.

Отдельного разговора заслуживает невербальное поведение социального переводчика (*interprète en service public*), осуществляющего свою деятельность в самых разных структурах – юридических, медицинских, детских, миграционных, полицейских и т. д. В отличие от переводчиков конференций, нередко скрытых от непосредственного наблюдения стенами переводческих кабин, социальный переводчик все время «на виду», его видят, его слышат и отслеживают производимые или воспроизводимые им невербальные сигналы. Соответственно, осознанно или неосознанно, понимание достигается, среди прочего, через посредство телодвижений и выражения лица переводчика, играющих важную роль для передачи необходимой информации и смысла сказанного, в целом. И если социальный статус того или иного лица, которого он переводит, нередко отражен соответствующей униформой (белый халат и фонендоскоп, мундир полицейского или таможенника), то переводчик предстает перед коммуникантами как личность, а не как анонимный представитель некоего социального института. Его задача – установить отношения доверия, некоей эмпатии, даже если это может оказаться довольно рискованным.

ПЕРЕВОД И ЕГО КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Нестерова Наталья Михайловна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Россия
nest-nat@yandex.ru

Монография Александра Давидовича Швейцера «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты», увидевшая свет в 1988 году, действительно, определила статус теории перевода как самостоятельной лингвистической дисциплины, тогда еще находившейся на стадии становления. Сегодня наука о переводе – это признанная отрасль гуманитарного поля исследований, носящая не узко лингвистический, а междисциплинарный характер.

Монография за прошедшие 35 лет не раз переиздавалась и остается, несомненно, очень ценным источником для понимания и осмысления пути развития науки о переводе, формирования ее современного статуса.

В авторском предисловии к первому изданию своей книги А. Д. Швейцер обратил внимание читателя на начавшуюся в то время «значительную активизацию научного поиска в области изучения перевода». Начавшийся поиск был направлен, прежде всего, на понимание самой сущности перевода, на выявление тех конституирующих признаков, которые обуславливают специфику переводческого процесса и текста перевода как результата этого процесса, отличают его от других видов межкультурной коммуникации. А. Д. Швейцер называет два таких признака: вторичность перевода и установка «на замещение (репрезентацию) исходного текста в другой языковой и культурной среде».

Несомненно, вторичность перевода является его онтологическим свойством, которое в последнее время все больше привлекает внимание исследователей. В более ранних работах перевод оценивался как вторичный *ex definitione*. Сегодня уже очевидно, что вторичность перевода далеко не так однозначна и требует специального изучения ее природы, выявления ее соотношения с определенной первичностью, присутствующей в той или иной степени в переводе. Данное соотношение, как указывал А. Д. Швейцер, является величиной переменной. Относительная вторичность перевода подчеркивается и переводчиками, и теоретиками перевода. Хорошо известны слова S. Bassnett о том, что миф о вторичности перевода «должен быть развеян». Однако, чтобы развеять этот миф, необходимо найти критерии для определения соотношения вторичности и первичности в тексте перевода. Представляется, что это является одной из задач современного переводоведения.

Второй признак перевода, названный А. Д. Швейцером (установка на репрезентацию иноязычного исходного текста в принимающей культуре), более чем очевиден: переводы входят в новую языковую и культурную среду, вписываются в новое текстовое пространство, создают в нем свои интертекстуальные связи и даже становятся прецедентными.

СЕКЦИЯ 1 В ПОИСКАХ LINGUA FRANCA

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК LINGUA FRANCA В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. НЕРКАГИ

Белякова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
i.e.belyakova@utmn.ru

Дрожащих Наталия Владимировна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.drozhashchikh@utmn.ru

Предлагаемое исследование посвящено изучению русского языка как лингва франка в условиях поликультурности и многоязычия Российской Федерации. В связи с внешними геополитическими вызовами современности усиливается необходимость сохранения лингвистического многообразия народов, проживающих на территории нашего государства, а также изучения и популяризации литературного наследия полиэтнических регионов, созданного и создающегося на русском языке.

Цель исследования – выявить характерные особенности языка художественных произведений ненецкой писательницы А. Неркаги как русского лингва франка.

В общепринятом понимании лингва франка – это упрощенное средство общения для решения конкретных коммуникативных задач, главным образом, в сферах ведения бизнеса и туризма. В таком варианте коммуникации избегают двусмысленностей, культурного подтекста, любых культурных реалий, которые могут осложнить понимание.

При этом русский язык в произведениях национальных авторов функционально отличается от общепринятого представления о лингва франка. В нем на первом месте стоит актуализация культурных смыслов как в семантической структуре слов, так и на уровне текста в целом. Их описанию и систематизации посвящена наша работа.

LINGUA FRANCA: ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОБИЗНЕСА

Клюковкина Наталья Алексеевна

преподаватель кафедры английского языка № 6
факультет управления и политики
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
nataliya.klyukovkina@gmail.com

В годы пандемии и в постпандемический период общество стало активнее обращаться в онлайн-пространство в поиске ответов и для решения проблем. В связи с этим большой интерес вызывает тема заимствований из *lingua franca*, которым на данный момент по-прежнему является английский язык. А также влияние данных заимствований на лексический состав других языков.

С развитием инфобизнеса волна заимствований вышла на новый уровень. Сам инфобизнес, как деятельность, подразумевающая продажу той или иной информации (*information marketing*), пока малоизучен с научной точки зрения, но это явление оказывает сильное влияние и на язык в том числе.

Исследования позволяют предположить, что большая часть англо-язычных заимствований приходит в язык-реципиент путем транскрипции и передается буквами русского алфавита («виральность контента», «генерация лидов», «кликабельность» и т. д.). В отдельных случаях лексические единицы могут претерпеть грамматические изменения, например, перейти в другую часть речи или приобрести аффиксы, типичные для русского языка. Есть основания заключить, что активнее всего в язык-реципиент заимствуются существительные. Представляется интересным дальнейшее изучение заимствований в различных профессионально-ориентированных интернет-ресурсах, блогах, Telegram-каналах, на специализированных веб-сайтах.

Подобные исследования имеют практическую ценность, так как позволяют внедрить полученные результаты в практику лингвокоммуникативного сопровождения клиента в инфобизнесе, в частности, в аспекте грамотного и корректного объяснения довольно сложными и непонятными неспециалисту понятий. К целевой аудитории практического применения результатов можно отнести и тех, кого интересует приобретение знаний и опыта грамотного ведения инфобизнеса на практике.

ЭМОДЗИ – LINGUA FRANCA?

Лепенышева Анна Александровна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры английского языка 1
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
a.lepenysheva@inno.mgimo.ru

Мнения относительно того, насколько широк спектр использования эмодзи среди интернет-пользователей по всему миру, расходятся. Большинство лингвистов придерживаются позиции, что эмодзи добавляют эмоциональности, экспрессии тексту, влияют на его интерпретацию, дают возможность творчества и самовыражения, но не могут самостоятельно передавать смысл без привязки к естественному языку, реализуя конкретное значение через повторяющийся контекст. Это вызывает разночтения их элементов и сочетаний. Вместе с тем ряд ученых отмечает потенциал эмодзи как *lingua franca* в интернет-коммуникации, так как эмодзи могут использоваться для создания более сложных «синтаксических конструкций» и подвергаться «морфологическим изменениям».

Целью данного исследования является определение границ использования языка эмодзи, его синтаксиса и морфологии, и степени его понимания участниками интернет-общения в условиях опоры в процессе восприятия только на иконические элементы. В качестве материала для опросников были взяты высказывания в соцсетях двух типов: 1) состоящие сугубо из эмодзи, и 2) содержащие эмодзи в роли заместителя синтаксических элементов. Корпус высказываний на «языке эмодзи», русском, английском, французском и китайском языках составил 80 единиц.

50 испытуемым из Китая, Франции, Великобритании и России было предложено «перевести» на родной язык все высказывания первого типа, затем второго с вкраплениями языка, которым участники эксперимента не владели, что выяснялось до начала эксперимента. «Переводы» оценивались по критерию «понимание сообщения» в процентном соотношении, где 100 % обозначало полное совпадение семантики «переводов» для отдельного высказывания у всех участников опроса, а низкий процент понимания получал «перевод», элементы которого отличались от «переводов» большинства испытуемых.

Анализ показал, что понимание высказываний, полностью написанных на языке эмодзи, представляющих собой историю из жизни или диалог, близко к 81 %, вне зависимости от языкового сегмента происхождения «текста». В то же время, понимание европейцами подобных высказываний, повествующих о сюжете книги, фильма, опубликованных на европейских платформах, а китайцами на китайских достигает 52 %, а в случае перевода «текстов» из «чужого» сегмента – лишь 34 %. Понимание всеми участниками текстов,

содержащих помимо эмодзи слова и фразы на незнакомом для испытуемых языке, сравнимо с пониманием сюжетов литературы популярных в другой части света – 32 %. Несмотря на то, что иконические элементы заменяли собой большинство существительных, прилагательных и некоторые глаголы, были отмечены флексиями и деривационными аффиксами, этого оказалось недостаточно, чтобы передать основной смысл высказывания.

Таким образом, можно заключить, что важную роль в использовании эмодзи в качестве *lingua franca* играют общий жизненный опыт коммуникантов и их понимание контекста ситуации общения. Синтаксическая и морфологическая нагруженность сообщения элементами эмодзи не обеспечивает достаточный уровень понимания. Вместе с тем применение эмодзи без элементов человеческого языка для повседневного интернет-общения на социально-бытовые темы может быть эффективным для коммуникации представителей самых разных языковых культур.

ЛИНГВА ФРАНКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Медведев Юрий Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков
факультета гуманитарных и социальных наук

Российский университет Дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
medvedev-yus@rudn.ru

Среди сфер научного интереса Александра Давидовича Швейцера была социалингвистика. В своих работах он исследовал объект, предмет, типологию и методы социалингвистики. Так согласно А. Д. Швейцеру «метод корреляции языковых и социальных явлений является одним из важнейших методов социалингвистического исследования».

Но давайте рассмотрим такой языковой феномен как «лингва франка» не как языковое явление, а через призму структурных составляющих общества в их исторической ретроспективе. Ключевыми составляющими, на наш взгляд, тут являются: территория, экономика, как показатель уровня развития общества, внешняя и языковая политика.

Римская империя, распростершая свое влияние о Британии до Ближнего востока и северной Африки, несмотря на свое падение, оставила латинский язык как своеобразный «лингва франка» религии и науки до наших дней. Пришедшая ей на смену в Средние века империя франков, занявшая большую часть Западной и центральной Европы, являлась мощнейшим из варварских государств Европы. И подарила сам термин «лингва франка» – как язык, который используется для общения не носителями языка, для общения во всем мире.

Формирование колониальных империй в XV–XIX века обусловили появление своеобразных «региональных» лингва франка: Английского,

Испанского, Французского и Португальского. С экономическим ростом Великобритании и развитием США английский язык вышел на господствующие позиции в международной коммуникации.

В XX веке, с появлением и развитием СССР, для советских республик, таким «лингва франка» становится русский язык.

Со второй половины XX века, с установлением гегемонии США в значительной части мира распространение английского как языка международной коммуникации пошло особенно масштабно.

Л. Б. Никольский и А. Д. Швейцер дали определение языковой политики, реализация которой для бывших метрополий стала особенно актуальной с падением колониальной системы, а для русского языка – с распадом СССР.

В настоящее время происходит изменение экономического и политического миропорядка. Региональные лингва франка останутся, изменится уровень их влияния. Рост значения языка как лингва франка будет возможен в тех странах, которые покажут экономический рост и социальную стабильность.

ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES ДЛЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА КАК LINGUA FRANCA

Стрембицкая Наталия Сергеевна

старший преподаватель
кафедры языка, литературы и социолингвистики
Институт филологии
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия
natstremb@mail.ru

Стрембицкая Лилия Игоревна

обучающаяся 1-го курса магистратуры
кафедры сервис-дизайна в индустрии туризма и гостеприимства
факультет «Высшая школа индустрии гостеприимства, впечатлений
и социального креатива»
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
strembitskaya2002@mail.ru

Лингва франка (от итал. *lingua franca*) – это функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов. Термин, изначально возникший для обозначения языка, используемого в качестве средства коммуникации в сферах торговли и дипломатии, лингва франка широко используется во многих сферах деятельности.

Английский язык называют лингва франка современного международного общения. Язык стал одним из основных инструментов профессионала,

двигателем карьерного роста, являясь для представителей неанглоговорящих стран неотъемлемой частью профессиональной деятельности. Стремительное развитие индустрии туризма и гостеприимства может значительно повлиять на развитие английского языка как лингва франка в XXI веке.

Международный туризм способствует развитию английского языка как глобального. Языки неизбежно связаны с туризмом: лингва франка обеспечивает коммуникативный спрос при взаимодействии между туристами и местным населением. Являясь международным лингва франка, английский язык – один из наиболее используемых в индустрии туризма.

В современном мире пользователи английского языка изучают его не с целью овладения основными стандартами и кодами, а для осуществления коммуникации с другими представителями социума. Для них английский язык – это «мультиязыковой микс», они заинтересованы в грамотном, контекстно ориентированном его использовании. Подобные изменения в требованиях и ожиданиях обучающихся были исследованы и концептуализированы в рамках парадигмы английского как лингва франка (English as a Lingua Franca – ELF), которая тесно связана с английским для специальных целей (English for Specific Purposes – ESP). В данном случае на передний план выходит результат общения, а не наличие в репликах «ошибок» и несоответствий некоему стандарту.

Данный подход привел к изменениям в концепции преподавания английского языка в вузах. «Мы видим слияние English for Specific Purposes (английский для особых целей), English for Occupational Purposes (английский для профессиональных целей) и English for Academic Purposes (английский для академических целей), English for Tourism Purposes (английский для сферы туризма) с General English (общим английским). Данный подход помогает студенту получать надпрофессиональные навыки, повышать свои наукометрические показатели, овладевать навыками межкультурной, межличностной, профессиональной коммуникации, считает С. Ю. Рубцова.

Э. Френдо описывает термин «деловой английский как лингва франка» (ДАЛФ). По аналогии можно говорить о таком понятии как «английский для туризма как лингва франка», который мог бы использоваться в отношении общего, нейтрального средства коммуникации в том смысле, что ни для одного из собеседников он не является родным языком. По всему миру он используется для осуществления коммуникативных актов различного уровня в сфере туризма.

СЕКЦИЯ 2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЕ

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ИХ ДЕРИВАТОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (на примере русского и английского языков)

Ачаева Марина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Елабужский институт
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабуга, Россия
marinachaeva@mail.ru

Параметрические прилагательные, выступая в качестве репрезентантов пространства, могут быть отнесены к классу достаточно активно используемых номинаций. В докладе содержится анализ некоторых прилагательных с семантикой параметра на материале английского и русского языков в аспекте их метафорической номинации.

Среди исследуемых параметрических прилагательных наличествуют лексические единицы с фразеологизированным типом семантики: *wide fellow* – ловкач, *wide females* – непотребные женщины; *the narrow house* – тесное жилище (о могиле). В обоих языках существующие различия в культурной значимости понятий пространственного плана отражаются в корпусе устойчивых словосочетаний с указанными словами: *товары широкого потребления* достаточно привычно для русского языкового сознания, о чем явно свидетельствует его английский эквивалент: *consumers' goods* (букв. 'потребительские товары').

Параметрические прилагательные могут описывать человека в целом, а также отдельные качества его личности, свойства и характеристики: *широкий специалист, широкий кругозор*; прилагательное *широкий* в данном случае означает то, что кто-то или что-то лишено ограниченности, определенной узости: *широкий взгляд на вещи, в широком смысле слова; широкий* соизмеряется с проявлением чувств: *широкая душа, широкая натура*. Стоит отметить, что в английском языке некоторые прилагательные будут обладать похожей семантикой: *a man of vast soul* – человек большой души; *vast interests* – широкий круг интересов (букв. *vast* 'обширный, огромный'); данные значения могут наследоваться и производными прилагательных размера: *a width of mind* – широта взглядов.

Часто английские номинативные единицы не имеют аналогов в русском языке в силу метафоричности своего значения: *narrow circumstances* – стесненные обстоятельства; *narrow majority* – незначительный перевес голосов,

незначительное большинство; *narrow means* – ограниченные средства (букв. ‘узкие’); *narrow choice* – ограниченный выбор; *to have a narrow escape* – спастись, избежать гибели (букв. ‘чудом избежать гибели’); *narrow victory* – одержать победу с незначительным, небольшим преимуществом («узкая победа»). В некоторых случаях глагольные лексемы в английском языке подтверждают наличие особого способа, который применяется для концептуализации пространственных отношений: *to narrow one's lids* – прищуриться (букв. ‘сузить веки’); *to narrow the enemy* – теснить противника; *to narrow down the dispute* – свести спор к нескольким (существенным) вопросам (букв. ‘сузить’). Отсюда следует, что в семантике указанных единиц можно наблюдать метафорический перенос свойств физических параметров на отвлеченные параметры.

Следует отметить, что прилагательные с номинативным значением параметра в русском и английском языках в процессе речевой деятельности достаточно активно подвержены метафоризации, в рамках которой они утрачивают свои объемно-пространственные признаки, а их дериваты могут актуализировать различную комбинацию смыслов.

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ В ПАРЕМИОЛОГИИ (на материале русского и испанского языков)

Глухова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
факультет лингвистики и журналистики
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия
olga_glukhova@mail.ru

Исследование посвящено изучению особенностей трансляции и адаптации противопоставленных культурных концептов, вербализованных в русских и испанских поговорках и основывается на положении лингвокультурологии о том, что язык есть продукт культуры, а также как фактор формирования культурных концептов. Трансляция культурных концептов одного языка на другой представляет собой сложную задачу и требует тщательного лингвокультурологического анализа. В процессе перевода имеет место не только взаимодействие культур, но и взаимный обмен представлениями о мире, смыслами и идеями.

Паремиологические единицы, вербализующие концепты, отражают несоответствие значений и смыслов в различных культурах. Это накладывает на переводчика ответственность за поиск ресурсов, гарантирующих достижение эквивалентности в заданных иными культурами условиях.

Настоящее исследование направлено на описание, анализ и интерпретацию перевода некоторых наиболее распространенных паремиологических единиц в русском и испанском языках, путем выявления компонентов, составляющих семантическую структуру культурных концептов, вербализованных в них и способов их прагматической адаптации при переводе.

Проблема является актуальной как с точки зрения решения общетеоретических задач переводоведения и лингвокультурологии, так и с точки зрения решения практических задач успешной коммуникации между представителями русской и испанской лингвокультур.

Целью исследования является описание культурных концептов русской и испанской паремиологии в аспекте перевода. В связи с обозначенной целью в исследовании решаются следующие задачи: определяется понятие концепта культуры как базовой категории лингвокультурологии, описывается структура и типы культурных концептов; обосновывается понятие паремиологической картины мира и представляются способы ее описания; определяется роль и место культурного концепта в паремиологии; описываются возможности выявления культурных концептов в поговорках русского и испанского языков; предлагается методика поиска эквивалентности поговорок при трансляции на целевой язык; описываются особенности культурной адаптации и трансляции поговорок, актуализирующих концепты русской и испанской культур.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ОТПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН-КОНВЕРСИВОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Голубкова Екатерина Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
katemg@yandex.ru

Захарова Анастасия Григорьевна

кандидат филологических наук, преподаватель,
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
un_bello_gesto@mail.ru

Отпрецедентные имена – яркие, образные номинации, уже несколько лет находятся в поле нашего внимания. Они подразделяются на аффиксаты (*Winnie-the-Poohesque, Spongebobian*), конверсивы (*to robin hood, to Benjamin Button*), бленды (*Spinderella, smurfboarding*) и композиты (*the Dorian Gray syndrome, the Snow White syndrome*). Однако мы ни разу не обращались к проблеме перевода подобных окказионализмов на русский язык, что и хотели бы сделать в настоящем сообщении, возможно, завязав

дискуссию с профессиональными переводчиками. Мы сузили материал до конверсивов – единиц, воплощающих уникальную способность современного английского языка модифицировать значение имени существительного при смене его парадигмы на глагольную.

В процессе перевода отпрецедентных конверсивов происходит не только смена частеречной парадигмы, но и проецирование отдельных признаков «сценария» прецедентного имени на конверсив. Именно поэтому первичной задачей переводчика становится «расшифровка» семантики конверсива с точки зрения так называемого распределения внимания или фокусировки на выборочно проецируемых признаках имени. Например, отпрецедентный конверсив *to Benjamin Button* в следующем контексте: *For instance, what if we Benjamin Buttoned? That is, wouldn't you want to be born old and with the mind of an infant, then get physically younger as you matured?* (COCA). Здесь содержится аллюзия на главного персонажа фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», который родился стариком, но молодел с каждым днем. Данный конверсив скорее всего будет переведен с помощью целого предложения, поскольку слушающему необходимо передать весь объем знаний о герое фильма и приключаящихся с ним событиях. В контексте *We've totally Benjamin Buttoned the entire nation and sent them back to their teens* (NOW Corpus) отпрецедентная номинация функционирует как переходный глагол и в данном случае ее можно перевести с помощью одного слова «омолодили», так как вторая часть предложения указывает на прецедентный сценарий.

Таким образом, при переводе отпрецедентных конверсивов каждый раз полезно опираться на мнение А. Д. Швейцера о том, что «перевод – это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур».

СЕМАНТИКА СЛОВА *FRED* В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ ДАТСКОГО ЯЗЫКА

(на материале современной периодики и прозы)

Гордеева Ксения Владимировна

преподаватель кафедры 36 (германских языков)
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
kseniagordeeva@yandex.ru

В настоящем исследовании анализируется употребление слова *fred* (мир) в устойчивых словосочетаниях датского языка. Под устойчивыми словосочетаниями понимается воспроизводимая языковая единица, характеризующаяся ограничением в выборе переменных, но обладающая выводимостью значения. Материалом послужили художественные произведения, публицистика, периодика, корпус текстов. Устойчивые словосочетания со словом *fred* были отобраны по Словарю датского языка. Всего проанализировано восемь

устойчивых сочетаний и 200 контекстов. В рамках данного исследования представлялось интересным выявить связь слова *fred* в сознании носителей датского языка с другими понятиями, была предпринята попытка определить круг понятий, связанных с *fred* в датской языковой картине мира.

Среди устойчивых словосочетаний со словом *fred* выделяются словосочетания, которые употребляются в разговорной речи, но не характерны для публицистического стиля, большая часть выражений стилистически не маркирована, встречается в художественных текстах и газетных статьях. Например, *fred og ingen fare* (не о чем беспокоиться) употребляется как в текстах общественно-политической направленности: *Er kernevåbnene ikke med til at sikre, at der er fred og ingen fare?* (Petersen) (Разве ядерное оружие не призвано обеспечивать мир?), где оно употребляется в контексте политики безопасности, так и в художественных текстах: *Rumle? Ja, indtil videre er der fred og ingen fare* (Grue). (Румле? Пока что беспокоиться не о чем).

Устойчивые выражения со словом *fred* употребляются в религиозном контексте, например, *fred være med* [nogen] (мир вам / тебе / им!): *Johannes fortæller, at Jesus ... sagde: Fred være med jer!* (Kristeligt dagblad) (Иоанн повествует, что Иисус... произнес: «Мир вам!»). Данный контекст восходит к глубинному смыслу слова *fred* (мир, покой). Помимо религиозного контекста выражение *fred være med det* (да Бог бы с этим!) встречается в нейтральном контексте, граничащим с разговорным стилем: *...det var en dårlig oplevelse sidste gang, du var til reception. Fred være med dét!* (Sally) (...вы испытали неприятные эмоции, когда были последний раз на приеме. И Бог бы с этим!).

Контекст употребления устойчивых словосочетаний, содержащих слово *fred*, очень широк. В рамках общественно-политической повестки понятие *fred* ожидаемо противопоставляется понятию войны. В религиозном контексте интересно отметить употребление выражения *fred være med ham* (миру) после упоминания пророка Мухаммеда и прочих пророков. Ряд выражений со словом *fred* употребляется в разговорной речи для убеждения собеседника в незначительности происходящего.

ШВЕДСКИЕ НАРЕЧИЯ-ИНТЕНСИФИКАТОРЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Жильцова Елена Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
el-zhilc@yandex.ru

В шведском языке одним из основных средств усиления значения слова являются усилительные наречия, или наречия-интенсификаторы, указывающие на высокую степень проявления качества, выраженного прилагательным или другим наречием.

Цель доклада – определить, каким образом высокая степень проявления признака и часто сопутствующая ей экспрессивность, выражаемые рассматриваемыми наречиями, передаются при помощи выразительных средств русского языка. В качестве материала для исследования были использованы примеры, взятые из двух романов современных шведских писателей Стига Ларссона и Лизы Марклунд и их переводов на русский язык.

В ходе анализа было выделено несколько способов перевода на русский язык шведских наречий-интенсификаторов, во многом зависящих от того, какие дополнительные нюансы значения, помимо интенсивности проявления качества, имеет наречие, иными словами, к какой семантической группе оно относится.

Шведские усилительные наречия разных семантических групп могут переводиться:

1) соответствующими им русскими эквивалентами: *Det här är en **extremt** komplicerad historia.* (Это **чрезвычайно** запутанная история);

2) наречием *очень*: *Det var **alldeles** mörkt.* (В спальне было **очень** (букв. ‘**со-всем, совершенно**’) темно). В этом случае в русском переводе выражается только высокая степень проявления качества. Дополнительные же семантические нюансы, в данном примере – полнота проявления признака, утрачиваются;

3) наречием *страшно*, наиболее экспрессивным среди наречий-интенсификаторов в русском языке: *Nina såg **våldigt** trött ut.* (Было видно, что Нина **страшно** (букв. ‘**колоссально, гигантски**’) устала;

4) одним эмоционально окрашенным прилагательным, которое становится эквивалентом шведского сочетания усилительного наречия с прилагательным, нейтральным в эмотивном плане: ***Jävla bra** grej med polismördaren som talar ut.* (**Отличная** (букв. ‘**чертовски хорошая**’) статья с интервью убийцы полицейского. Таким способом чаще всего переводятся сочетания прилагательных с наречием *jävla / jävligt* (чертовски, дьявольски), самым экспрессивным наречием-интенсификатором в современном шведском языке.

СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Королев Сергей Владимирович

кандидат филологических наук
старший преподаватель секции кафедры английского языка № 6
факультета управления и политики
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
Одинцовский филиал, Одинцово, Россия
s.korolev@odin.mgimo.ru

В докладе рассматривается особая подсистема фразеологического фонда современного английского языка, которую составляют языковые единицы с сочинительной структурой, например, *aid and abet, sooner or later*. Фразеологизмы (ФЕ), входящие в состав этой группы, образованы, как правило, двумя или более грамматически равноправными словами, соединенными сочинительной связью и выражающими семантически соотносимые понятия.

В данной фразеологической подсистеме, в частности, можно выделить группу так называемых «парных синонимов». Переводу данных сочетаний уделено определенное внимание в учебниках (Левицкой, Фитерман, 1973; Бархударова 1975; Слеповича, 2011), как правило, в связи с рассуждениями о приеме опущения в переводе, а также об избыточности-компрессии информации в тексте. В частности, во всех трех упомянутых изданиях приводится пример с устойчивым сочинительным сочетанием (УСС) *null and void*: *The treaty was pronounced null and void*. Принимая использование приема опущения для перевода сочинительных сочетаний, не входящих в систему языка (*pique and petulance, bold and courageous*), не можем согласиться с подобной квалификацией действий переводчика в случаях, когда перед нами фразеологизм, т. е. языковая единица. УСС *null and void* зафиксировано в толковых и фразеологических словарях.

Перевод фразеологизмов данной группы – более сложный акт, чем просто опущение одного из синонимов. В английском языке необходимо различать языковые и речевые парные синонимы (и в целом отграничивать фразеологизмы с сочинительной структурой) для более точной передачи на русский язык с использованием подходящих в конкретном случае приемов: поиск фразеологического аналога, перевод нефразеологическим сочетанием или отдельным словом и т. д.

ПЕРЕВОД ЛОКАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТИТУЛА: ВЕНГЕРСКОЕ *VITÉZ* И ЕГО ПЕРЕДАЧА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Кресан Яна Юрьевна

преподаватель факультета иностранных языков
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ
старший преподаватель
Высшие курсы иностранных языков
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
janakresan@yandex.ru

Решетников Кирилл Юрьевич

кандидат филологических наук
старший преподаватель факультета иностранных языков
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ, Москва, Россия
cyrilreshe@yandex.ru

Наиболее очевидными и распространенными способами иноязычной передачи редкого, локального или исторического титула являются, во-первых, перевод с помощью лексемы целевого языка, имеющей аналогичную функцию и схожий социальный смысл, и, во-вторых, прямое фонетическое воспроизведение в целевом языке. Ср. русское *князь* и его английский перевод *prince*, но, с другой стороны, исландское *goði* и его передачу в виде *годи* и *goði* или *godí* в русском и английском соответственно.

Существуют, однако, случаи, когда способ перевода титула оказывается отличным от обоих названных выше. В докладе рассматривается фактически наблюдаемая и, очевидно, вполне устоявшаяся практика русскоязычной передачи венгерского титула *vitéz*, которая, как нам кажется, представляет определенный переводоведческий и общелингвистический интерес.

В качестве элемента общей лексики венгерское слово *vitéz* означает «витязь» и «богатырь», а также «храбрый, отважный». Вместе с тем *vitéz* имеет и довольно интересную историю как титул: слово стало употребляться в этой функции в 1920 году по отношению к членам рыцарского ордена, основанного регентом Венгрии Миклошем Хорти и функционировавшего как привилегированное сообщество людей, которые, по мнению регента, имели особые заслуги на военном или гражданском поприще. Производное от слова *vitéz* фигурировало и в самом названии институции *Vitézi rend* (*rend* в данном случае значит «орден»).

Обращаясь к русским переводным соответствиям венгерских имен, имеющих приставку-титул *vitéz* на основании принадлежности их обладателей к вышеупомянутому ордену эпохи Хорти, мы видим, что данный лексический компонент передается по-русски словом *витязь*. Аналогичным образом название *Vitézi rend* переводится на русский как «Орден Витязя».

Очевидно, что здесь мы не можем говорить ни о прямом воспроизведении иноязычного слова, ни об использовании в целевом языке титула-аналога. Русская лексема *витязь* близка по смыслу и стилю к венгерскому существительному *vitéz* в его базовом значении (см. выше), однако в качестве титула она стандартно не используется. Строго говоря, в рассматриваемом контексте она приобретает новое специфическое значение «член венгерского ордена, учрежденного Миклошем Хорти».

Такое переводческое решение обусловлено, очевидно, не только подобием между исходной семантикой венгерского слова и значением русского, но также тем, что венгерская и русская лексемы схожи фонетически. Сходство неслучайно: *vitéz* – заимствование из южнославянского источника, этимологически связанного с русским словом.

Русская интерпретация венгерского титула показательно контрастирует с подходом, представленным в западноевропейских языках, где при передаче соответствующих венгерских имен *vitéz* просто воспроизводится в исходном виде. Можно сделать предварительный вывод, что при наличии определенных историко-этимологических связей между исходным и целевым языком, пусть даже опосредованных, в целевом языке могут появляться нетривиальные ресурсы для перевода «трудной» культурно окрашенной лексики.

В порядке продолжения данного переводческого «сюжета» мы также рассматриваем перевод венгерского титула на другие славянские языки.

FREE TRANSLATION OF AN AUTHOR'S TEXT AS A DISCURSIVELY MANIPULATIVE GAME

(based on the novel «Camera Obscura» / «Laughter in the Dark» by V. Nabokov)

Lebedev Leonid Vladimirovich

Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Senior Lecturer of the English Language Department Institute of Social Sciences
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
leoneedlebedev@gmail.com

Everything deep is also simple and can be reproduced simply
as long as its reference to the whole truth is maintained.
But what matters is not what is witty but what is true.

Albert Schweitzer

The problem of translatability of texts is a key issue in translation theory. Researchers from different countries debate the principle of translatability or untranslatability of texts, based on linguistic, socio-linguistic, and linguistic-cultural

aspects. In cases where a text is untranslatable, a translator may employ various methods, including free translation.

The relevance of this study is dictated by the examination of the phenomenon of free translation as a phenomenon of discursive-manipulative games, where the author and translator are represented by one person. In our case, this figure is V. Nabokov, who is known for using language games when translating his own works, which was prompted not only by his love of language, but also by his desire to preserve the originality and beauty of the work.

In the modern translation paradigm, discursive-manipulative games refer to cases where a translator masks «untranslatable» fragments of a text by using various translation techniques, such as complete or partial substitution, searching for equivalent alternatives (in cases of idiomatic or established phrases and expressions), as well as fragments of free translation.

Consider the following example from the work «Камера обскура» (Camera obscura) and its official translation «Laughter in the dark»: The expression «Ты что, с Луны, что ли, свалилась?» in the English version is transformed into «Just dropped from the moon?». Here, a reduction of words has occurred due to the use of more concise expressions in English-speaking culture. The introductory phrases «ты что» and «что ли» were omitted, as they did not carry any semantic load. However, the English version added the lexeme «just», which is responsible for the temporal organization of the expression. The necessity of using translation transformations of omission and addition is primarily due to discursive, rather than linguistic requirements: both in Russian and English linguistic cultures, there exist semantically similar equivalents: «свалиться с Луны» and «drop from the Moon» meaning «to not know something; to not follow common rules». Thus, the English discourse is more concise and requires indicating spatial-temporal relationships, while the Russian language, especially in its colloquial form, tends to extensively use introductory and clarifying words and constructions, which can be seen in the author's style.

The task of translation is to convey the communicative and non-communicative meanings inherent in a language immersed in culture, using relevant methods for the target audience, which entails the use of discursive-manipulative games. Their task is to make the text understandable and attractive to the end recipient (the reader who is not proficient in source language), while preserving and transmitting not only the form, but also the content of the text.

In conclusion, it is important to refer to the following words of A. D. Schweitzer on the «rules» of the language game from his conversation with his «student» S. V. Vlasenko: «How simple it would be if translation could be equated to a game of chess, where a strict algorithm of actions is assigned to each piece. Then translation as a process would be predictable, and as a result – precise in both the main and minor aspects» (our trans).

ОПИСАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДЕ (на материале норвежского и русского языков)

Ливанова Александра Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
a.livanova@spbu.ru

Для изучения средств и способов обозначения пространственных отношений в естественных языках используются тесты в виде картинок с изображением объектов на местности или в помещении. Описания подобных сцен встречаются и в художественной литературе, где использование возможностей языка не ограничено условиями языкового эксперимента. Описание – «тип текста, вербализующий параметры пространственного размещения объектов, наблюдаемых в определенный момент времени» (Варфоломеева).

А. Д. Швейцер отмечал, что «многие переводческие трансформации... восходят в конечном счете к функционально-структурным расхождениям между «сталкивающимися» друг с другом в процессе перевода языками» и что «теория перевода нуждается в контрастивной лингвистике как в источнике исходных данных» (Швейцер). Верно и обратное: сравнение оригинального текста и его перевода помогает выявить, в чем состоят эти расхождения.

В работе, посвященной датским наречно-предложным сочетаниям и их переводу на русский язык, подчеркнуто, что «ориентация в пространстве универсальна для Homo sapiens» (Никуличева). Однако и в этой сфере наблюдается «избирательность языка по отношению к признакам внеязыковой действительности» (Швейцер).

В нашем исследовании использованы описания пространств из текстов норвежских писателей и их переводы на русский язык, а также из текстов русских авторов в норвежском переводе. Переводчики принимают разные решения «относительно тех аспектов оригинала, которые должны быть в первую очередь отражены в переводе» (Швейцер), а какими можно пожертвовать.

Анализ описаний позволяет сделать выводы, касающиеся инвентаря средств выражения пространственных отношений в норвежском языке.

THE CHALLENGE OF TRANSLATING PERSONAL PRONOUNS INTO CANADIAN ENGLISH IN THE ERA OF “BILL C-16”

Onyeka Ezeh

PhD (Philosophy)
Lecturer at the Faculty of Humanities
University of Waterloo, Waterloo, Ontario, Canada
onyeka.ezeh@uwaterloo.ca

One of the known characteristics of any language is its ability to evolve with the society, in which it is being used. Since June 2017, the Canadian parliament passed as a law the Bill C-16, which an act to amend the Canadian Human Rights Act and the Criminal Code. This law added the words gender identity or expression, and this essentially makes it illegal to intentionally use the wrong pronoun to address a person. This law creates a challenge for translators to provide the exact equivalent of gendered pronouns when translating from Canadian English to Russian language and vice versa.

Political correctness has taken a central position in discussions on inclusive communication in massively diverse societies. One of such is Canada. PC, as it is generally referred to, advocates for changes in the lexical system of a given language to influence the consciousness of the speakers to use more inclusive language that does not hurt the feeling and dignity of an individual, as well as infringe on an individual's human rights. However, some scholars oppose the notion of political correctness. For example, during the XVIII annual meeting of the Valdai International Discussion Club in 2021, the President of Russia, Vladimir Putin called PC and gender fluidity 'crimes against humanity' and he opines that Russia, and by extension, the Russian language should maintain its 'spiritual values and historical traditions'.

According to A. D. Shveitser, "one of the requirements put forward by the theory and practice of translations for a long time is the requirement of equivalence of the texts – the source text and the target text" (Швейцер). However, It is my opinion that Russian language does not have a lot of flexibility for gender fluidity. In Canadian English, the third person plural pronoun they is used by gender fluid individuals in place of the third person singular pronoun he or she. Nonetheless, in Russian language, the pronoun они is consistently plural grammar-wise and will be a deviation from the norm and may not be an equivalent of the gendered they in Canadian English. This begs the question: What should translators do? How do teachers of Russian language and translators in Canada provide adequate equivalence in translation for gendered pronouns in the era of Bill C-16?

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ПИЩЕВОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «ЧЕШСКИЙ – РУССКИЙ» (на материале параллельных корпусов)

Пинхасик Ирина Евгеньевна

старший преподаватель
кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
fablecraft@gmail.com

В последнее время в лингвистике возрос интерес к изучению предметно-бытовой лексики, поскольку она дает представление о важных аспектах жизни и деятельности людей и позволяет изучить их научные знания и наивные представления об окружающем мире. Пищевая лексика широко представлена в славянских языках и вызывает большой интерес как источник информации об образе жизни и традиционной культуре народа. Материалом исследования являются лексические единицы русского и чешского языков, которые хотя бы в одном из значений называют блюда и продукты и могут быть элементами меню или рецептов либо использоваться в разговорной речи образованных городских жителей. Проводится анализ современной лексики, источником которой послужили словари, корпусы текстов, кулинарные книги, базы рецептов, кулинарные блоги.

Цель исследования – анализ и описание на материале русского и чешского языков номинаций семантического поля «Пища» и их семантико-мотивационных связей, а также изучение переводных эквивалентов указанной группы лексики, для чего используются корпусный и контрастивный методы. Данная лексико-тематическая группа представляет собой совокупность многочисленных и разнообразных номинаций, она активно развивается как за счет сохранения исконных единиц, так и вследствие интенсивного процесса заимствования, которое отражает влияние на национальные пищевые традиции не только культур соседей, но и глобальных тенденций. При фиксации обозначений пищи в словарях возникает ряд проблем в составлении словарных статей, которые отчасти решаются обращением к корпусам:

- способность к развитию регулярной и нерегулярной, внутри- и межъязыковой многозначности;
- образование коннотаций той или иной степени устойчивости;
- возникновение региональных вариантов названий блюд;
- переход собственных наименований блюд в нарицательные.

Многие наименования блюд в русском и чешском языках заимствованы, причем процессы адаптации в языке-реципиенте и развития многозначности происходили у них по-разному: некоторые лексемы приобрели новые значения, другие заимствовали значения из языка-донора и не развили новых, третьи же переняли в языке-источнике лишь отдельные значения

либо сохранили некоторые значения из языка-источника и развили новые в языке-реципиенте. С помощью параллельных чешско-русского и русско-чешского корпусов в работе прослеживаются способы и особенности перевода безэквивалентных наименований пищи в данной языковой паре, анализируются ошибки, допущенные переводчиками в процессе передачи лексем данной тематической группы, предлагаются варианты решения переводческих проблем, возникающих в связи с передачей исследуемой лексико-семантической группы.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЖАНР (к постановке исследовательской задачи)

Полубоярова Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
кафедра переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mvp1410@gmail.com

Таунсенд Ксения Игоревна

доктор филологических наук, доцент
кафедра переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
townsendX@yandex.ru

Рассматривая предмет теории перевода, А. Д. Швейцер полагает в основу своей концепции антропоцентрическое измерение, когда говорит о ключевой роли социальных, культурных и психологических детерминантов, поскольку перевод «осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» (Швейцер). Такой подход означает включение в сферу научных интересов переводоведения самого переводчика, а именно его профессиональных, языковых и мировоззренческих установок, влияющих на процесс и результат перевода.

Несмотря на объективные сложности в изучении внутренних ориентиров переводчика, наиболее доступным для наблюдения и очевидным их проявлением выступает предисловие к переводу, написанное самим его составителем. Предисловие – это метатекст, предваряющий собственно перевод и обращенный к читателю от лица переводчика. По характеру и функциональной направленности этот текст представляет собой программный пролог, излагающий видение его автором прагматических параметров конкретной ситуации перевода, и на этом основании такое предисловие можно отнести к метапереводческому дискурсу.

На настоящий момент мы располагаем фундаментальным научным описанием предисловий и послесловий в старопечатных славянских книгах

и рукописях XVI – начала XVIII веков, где с позиций литературоведения и славистики изучены около тысячи русских, белорусских, польских, украинских текстов. На материале переводческих предисловий и послесловий к художественным текстам написана диссертация, посвященная изучению механизмов порождения метатекста, где с позиций когнитивной лингвистики рассматриваются 234 предисловия, опубликованные в журнале «Иностранная литература» за период с 1990 по 2015 год. Если говорить об исследовательском охвате интересующих нас текстов, принадлежащих к промежутку с начала XVIII века по 1990 год, то мы обнаружим лишь отдельные статьи, затрагивающие конкретные переводческие предисловия, например, к переводу «Метаморфоз» Овидия. Как следует из данного обзора, наибольшее количество лагун в научных исследованиях приходится на предисловия к переводам, выполненным в течение почти трех столетий, хотя именно этот период является наиболее интересным с точки зрения зарождения, развития и формирования метапереводческого дискурса.

Из этого можно констатировать, что перед современной наукой о переводе стоят задачи разного плана по изучению предисловий переводчиков. Это, во-первых, практические задачи по сбору материала на каждом историческом отрезке времени, по его систематизации и классификации по критериям первичности / вторичности текста, специального / художественного перевода, социального статуса и других характеристик переводчика. Во-вторых, это задачи методологического порядка по выработке параметров описания, отличных от литературоведческих, но отвечающих целям переводоведческого анализа.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ НА СТЫКЕ КУЛЬТУР И ДИСКУРСОВ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Привалова Елена Павловна

старший преподаватель
кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
Московский государственный лингвистический университет
преподаватель
Департамент иностранных языков и межкультурной коммуникации
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
privalova.ep@yandex.ru

Прецедентные тексты вызывают интерес как с точки зрения теории текста, так и в рамках переводческой проблематики. Они представляют собой явления национальной концептосферы и соотносятся с таким понятием, как реалия, что обуславливает наличие лагун в других культурах и языках. Как отмечает Г. Г. Слышкин, «прецедентный текст всегда формирует концепт».

Серия книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере не только ознаменовала новый глобальный виток развития жанра «фэнтези», но и стала источником комплекса прецедентных феноменов. Восприятие таких прецедентных феноменов, например имен, в русской культуре определено существующим переводом. Переводческие трудности возникают тогда, когда данные прецедентные феномены опосредуются третьим языком. Апелляция к упомянутой серии книг используется, среди прочего, в кулинарном дискурсе. Особенность кулинарной книги П. Мильде «Zauberhafte Weihnachten wie bei Harry Potter» («Волшебное Рождество как у Гарри Поттера») заключается в двухуровневой апелляции к прецедентным феноменам: с одной стороны, происходит апелляция к серии книг о Гарри Поттере, с другой – актуализируются реалии британской культуры, в частности, традиционной британской кухни. Сложность для переводчика состоит в том, что такие прецедентные феномены опосредованы немецким языком и индивидуальным авторским сознанием. А. Д. Швейцер говорит о детерминантах перевода, которые «образуют цепочку фильтров, определяющих выбор окончательного варианта» (Швейцер).

В случае с переводом анализируемого текста возникает вопрос о выборе фильтров. С одной стороны, в тексте перевода должны быть узнаваемы прецедентные феномены, источником которых служит серия художественных произведений. С другой – переводчик должен учитывать центральное коммуникативное устремление автора познакомить читателя с явлениями британской кухни. При этом некоторые названия блюд в переводе на немецкий язык сохраняют свою двойственную апелляцию, а в существующем русском переводе книг ее не имеют. Особый интерес представляют собой случаи языковой игры, основанные на прецедентных феноменах. Например, названию «греники» в немецкой кухне соответствует образное название блюда «Arme Ritter» (букв. 'бедные рыцари', в кулинарной книге по мотивам серии о Гарри Поттере это блюдо называется «Arme Zauberer» («бедные волшебники»).

Таким образом, прецедентные феномены представляют собой многослойные явления, которые в процессе прохождения через языки и культуры вбирают новые смыслы. В процессе переводческой деятельности необходимо учитывать множественные апелляции прецедентного феномена.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ

Ревуцкая Елена Алексеевна

докторант кафедры белорусского языка и литературы
Минский государственный лингвистический университет
Минск, Республика Беларусь
e.a.revutskaya@yandex.by

Поэзия представляет собой особый способ понимания мира, и поэтический перевод несводим к стихосложению, но движим стремлением «пережить вновь» и «переложить по-своему» (Д. Самойлов). Творческая

интуиция переводчика поэзии нередко преобладает над поиском соответствий, приводя в действие диалог между двумя поэтическими системами.

Концептуальная метафора – регулярное соположение сущностей из разных сфер опыта – является универсальной формой мысли (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Поэтому нетривиальный характер поэтической метафоры обусловлен не изобретением новых, но «творческим преобразованием» имеющихся в сознании обывателя концептуальных метафор (Semino, Steen). Модуляция – изменение точки зрения на описываемую ситуацию (Делиль и соавт.) – представляет собой образец переводческого сотворчества.

В докладе сообщаются итоги сопоставительного изучения метафор о городе в лирических стихах польской поэтессы М. Павликовской-Ясножевской и их русских переводах, созданных мастерами поэтического слова – Д. Самойловым, Н. Астафьевой, В. Акоповым, А. Эппелем. Цель исследования – выявление переводческих преобразований оригинальных концептуальных метафор. На основе идентифицированных образных словоупотреблений (Pragglejaz GROUP) определены концептуальные метафоры, осмысляющие пространства родного и чужих городов; сопоставлены языковые реализации метафорических моделей в оригинале и переводе.

Когнитивный подход к переводу метафоры предписывает рассматривать образность не как последовательность языковых тропов, но как принцип авторского мышления, имманентную часть авторского видения действительности (Schäffner). В соответствии с гипотезой когнитивного перевода (Cognitive Translation Hypothesis), возможны два магистральных способа перевода метафорических смыслов:

1. Аналогичное метафорическое проецирование (Similar Mapping Conditions – SMC), т. е. сохранение оригинальной концептуальной метафоры.

2. Иное метафорическое проецирование (Different Mapping Conditions), т. е. поиск иной концептуальной метафоры (Mandelblit). Очевидно, что первый вариант подразумевает возможность различной лексической реализации оригинальной концептуальной модели.

В то же время, анализ поэтического перевода показывает, что нередко случаи создания концептуальных метафор, отсутствующих в оригинале. Так, творческая активность переводчика, не «предусмотренная» гипотезой когнитивного перевода, явствует из следующего сравнения:

Gdzie znajdziesz taki obszar, zdany w upominku / Ludności? Błonia... kwadrans piechotę od Rynku... (И толпы горожан, прелестных, как картинка... / На Блоньях... в двух шагах от Ратуши и Рынка...) (перевод Н. Астафьевой). Как видим, концептуальная модель «Краков – картина» отсутствует в оригинале, но является творческим решением переводчицы.

Результаты сопоставительного анализа показали, что концептуальная метафора представляет собой инвариант, направляющий творческую активность переводчика. Модуляция, составляя более половины переводческих решений в исследуемом корпусе, обогащает толкование оригинальной метафорической модели:

*Eiffel, jak rozkraczone **zjawisko z sabatu**, / grzyb grzechu, tryska zewsząd groźna i ponura* (Эйфель, **исчадье ада**, вонзив кривые корни / растет, как грех, повсюду, на черный гриб похожий) (перевод В. Аколова). Это свидетельствует об обусловленности переводческой метафоры собственно концептуальной моделью, а не ее оригинальной языковой реализацией.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РОМАНА ВЯЙНЕ ЛИННА «НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ» НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Столярова Анастасия Григорьевна

старший преподаватель
кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anastasia.stolyarowa@gmail.com

Дементьева Александра Максимовна

кандидат филологических наук
заведующий кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
aleksandra.dementieva@gmail.com

Проблема перевода текста с учетом специфики регионального варианта для плюрицентрических языков до сих пор остается малоизученной в переводоведении. В настоящей работе данная проблема рассматривается на примере шведского перевода романа Вайнё Линна «Неизвестный солдат». Роман был переведен с финского языка на шведский Н.-Б. Стормбомом уже через год после выхода в свет (1955). Шведский язык существует в двух литературных вариантах, используемых на территории Швеции и Финляндии, перед переводчиком стоял непростой выбор. Стремясь сохранить локальный и временной колорит и в то же время сделать текст романа понятным для широкой аудитории, переводчик прибегает к своеобразному «компромиссу» между обоими вариантами, о чем он сам сообщает в предисловии. «Компромиссный» характер перевода проявляется, в частности, при передаче военной терминологии, сленговых единиц и диалектных особенностей.

1. Военная терминология.

Ряд военных терминов в финляндском варианте шведского языка отличается от соответствующей шведской терминологии: финл. шв. *maskingevär* – лит. шв. *kulspruta* – пулемет; финл. шв. *maskinpistol* – лит. шв. *kulsprutepistol* – пистолет-пулемет и т. п. В романе «Неизвестный солдат» финляндско-шведские термины сохраняются в прямой речи героев, тогда как в авторской речи используются их шведские аналоги.

2. Сленговые слова и выражения.

Сленговые единицы встречаются преимущественно в прямой речи; источником большинства подобных единиц является лексика финского языка, например: *alík* – младший сержант (образовано путем усечения основы от фин. *alikersantti*), *kessu* – табак кустарного производства и др.

3. Диалектные особенности персонажей.

В оригинальном романе диалект героя являлся важнейшим средством создания его речевого портрета. В переводе от передачи диалектных особенностей пришлось отказаться; однако для двух персонажей, речевая характеристика которых играет важную роль в создании образа, было сделано исключение. Тем не менее в шведском переводе оба героя вынуждены «изменить место жительства»: уроженец Карельского перешейка Рокка становится носителем западного диалекта области Остроботния (*Österbotten*, фин. *Похъянмаа*), а уроженец запада Финляндии сержант Хиетанен – носителем нюландского говора (область *Nyland*, фин. *Уусимаа*): фонетические черты обоих говоров находят отражение в прямой речи героев.

Таким образом, язык шведского перевода романа «Неизвестный солдат» объединяет в себе черты обоих вариантов шведского языка. Финляндско-шведские языковые особенности представлены в прямой речи героев; к ним относится региональная военная терминология, сленговые слова и выражения, а также диалектные черты финляндско-шведских говоров.

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКА В РЕДАКЦИЯХ ПЕРЕВОДА РОМАНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА», СОЗДАННЫХ К. И. ЧУКОВСКИМ¹

Уржа Анастасия Викторовна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры русского языка
филологический факультет
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
english2@yandex.ru

В докладе представлены результаты изучения истории создания и редактирования К. И. Чуковским русского перевода романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Начав работать с текстом в качестве редактора версии З. Журавской в 1919 году, Корней Чуковский подготовил и в 1935 году издал первый вариант собственного перевода книги. Этот «Новый полный перевод К. Чуковского», действительно, представлял совершенно иную переводческую стратегию и иной набор стилистических и лексико-грамматических решений задач, связанных с интерпретацией

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

известного романа. Однако уже в 1936 году К. Чуковский публикует новую редакцию своего перевода. Кардинальной переработке текст подвергается в 1945 году. В дневниковой записи писателя от 17 октября 1955 года находим замечание: «Надо писать о Блоке, а я как идиот перевожу заново «Тома Сойера» и не могу выкарабкаться из этой постылой работы». В 1958 году К. Чуковский выпускает финальную редакцию, которая во многом представляет собой «заново переведенный» текст.

Почему же один из выдающихся мастеров перевода так настойчиво возвращался к роману Твена и продолжал редактировать свой текст? Какие черты его стратегии сразу наметились и сохранились во всех редакциях перевода, а какие появились позже? Кратко перечислим основные результаты исследования, представленные в докладе.

Среди специфических черт романа Марка Твена, делающих повествование ярким, но усложняющих работу переводчика, выделим следующие: текст ориентирован одновременно на детскую и взрослую аудиторию; в романе соседствуют субъективированные фрагменты, представляющие точку зрения Тома, и пассажи от лица ироничного автора – создается своеобразное двуголосие; диалоги персонажей наполнены элементами разговорной речи, диалектизмами и жаргонизмами – подобрать к ним русские переводные эквиваленты сложно; многие реалии были незнакомы советским детям.

Для каждой из задач К. Чуковский подобрал оригинальное решение. Яркие черты речи героев воссозданы за счет использования частиц, экспрессивного синтаксиса – однако функционирование этих элементов быстро изменяется, что и потребовало повторного редактирования. Чуковский следил за сохранением приемов субъективизации и драматизации повествования, иногда акцентируя их. От издания к изданию формы прошедшего времени чаще заменялись на настоящее историческое, задействовались дейктические слова. Перевод был снабжен занимательными комментариями-сносками, которые также редактировались.

В целом история правки перевода романа К. Чуковским – это наглядный пример формирования и развития переводческой стратегии вкупе с внимательным отношением к изменениям в языке перевода.

МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА И НАРЕЧИЕ VÄL: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Филинова Юлия Владимировна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yulia.filinova@mail.ru

Односложное слово *väl* в шведском языке относят к двум классам одновременно – классу наречий и классу модальных частиц. Определение

частеречной принадлежности *väl* обусловлено просодическими, синтаксическими, стилистическими и прагматическими факторами.

Цель доклада – разграничить употребление *väl* в качестве наречия и модальной частицы, выявить функции, которые *väl* может приобретать в различных контекстах и проанализировать способы перевода этой языковой единицы. В качестве материала исследования были использованы примеры, взятые из параллельного шведского корпуса Национального корпуса русского языка. В ходе анализа было выявлено, что как наречие, так и частица *väl* имеют несколько значений.

1. Наречие *väl* – *хорошо* может выражать признак действие и употребляться с глаголами или в качестве первого компонента в составе причастий первого и второго типа (в конструкциях со значением успешно выполненного действия). *Är allt väl?* (Все хорошо?) *Han är välförberedd.* (Он хорошо подготовлен).

2. Наречие *väl* – *слишком* имеет усилительную функцию: *Hon är väl för ung.* (Она слишком молода).

3. Наречие *väl* – *зато* усиливает уступительно-противительные отношения в предложении: *Han såg inte NN men väl hennes syster.* (Он не видел НН, но [зато] видел ее сестру).

4. Наречие *väl* со значением результативности представляет особую трудность при переводе. Одним из устоявшихся эквивалентов является деепричастный оборот: *Väl framme tar hon hissen upp till femte våningen och försöker låsa upp dörren till lägenheten.* (Добравшись до дома, она поднялась на лифте на пятый этаж и попыталась отпереть входную дверь). Иногда наречие не удается сохранить в переводе: *Väl tillbaka i Paris gör hon bara två saker: sover och gråter.* (В Париже она только спит и плачет).

5. Частица *väl* может употребляться для выражения неуверенности говорящего в истинности сообщаемого им. В таком случае возможными эквивалентами являются модальные слова *наверное, вроде, кажется, может быть, видимо*: – *Nu är ni väl glada, säger hon.* (Теперь-то вы, наверное, радуетесь, – сказала она). Употребляя частицу, говорящий снимает с себя часть ответственности за истинность пропозиции, оставляет за собой право на ошибку.

6. Частица *väl* может усиливать высказывание и реализовывать экспрессивную функцию – выражать надежду, досаду, раздражение говорящего. В таких контекстах частица чаще всего передается с помощью русских модальных частиц *ведь, же*, которые тоже имеют усилительную функцию: *För det är väl det som händer. Han gillar väl mig. Väl?* (А ведь именно это сейчас и происходит. Ведь я ему нравлюсь. Так ведь?).

ЭКВИВАЛЕНТЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *PERFECT* НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Филясова Юлия Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английской филологии и перевода
гуманитарный факультет
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия
phill.yield@gmail.com

Английская лексема *perfect* относится к числу иноязычных заимствований, которые не имеют однозначных эквивалентов в русском языке, несмотря на то, что дериват *perfectionism* (перфекционизм) прочно вошел в терминосистему таких научных дисциплин, как психология и социология. Цель данного исследования – определить концептуальное поле лексемы *perfect* в русском языке на основе совокупности переводческих эквивалентов в результате коммуникативно-прагматической адаптации. Актуальность исследования определяется неопределенностью концепта *perfect* в русском языке, который является ключевым для понимания производного термина *perfectionism* (перфекционизм). Лингвистический анализ является эффективным способом определения концептуальных значений заимствованных понятий. Практическая ценность работы заключается в определении спектра приближенных эквивалентов лексемы *perfect* для перевода на русский язык. Материалом исследования стали эквиваленты, отобранные с помощью поисковой системы PROMT. Методы исследования включали семантический анализ, классификацию, сравнение и обобщение.

Общее число контекстуальных употреблений составило 1387, из них 1318 адъективных и 69 глагольных лексем. Семантическое ядро переводческих эквивалентов прилагательного *perfect* на основе критерия частотности составляют две трети от общего числа употреблений, к ним относятся: *идеальный* (536), *совершенный* (123), *прекрасный* (88), *отличный* (85), *безупречный* (44), *абсолютный* (25), *превосходный* (19), *удачный* (6). В числе периферийных 461 употреблений (33 %) можно выделить около 40 прямых эквивалентов и широкий круг лексико-грамматических трансформаций, нацеленных на сохранение смыслового соответствия между текстом оригинала и перевода. Эквивалентами глагола *perfect* оказались: *совершенствовать* (39), *усовершенствовать* (23), *оттачивать* (7).

Эквиваленты адъективных лексем разделены на две группы:

- **Рациональные значения** – *точный, качественный, разумный, рациональный, чёткий, полный, полноценный, гармоничный, полезный, подходящий, полезный, благодатный, благоприятный, чистый, очевидный, круглый, правильный, истинный, настоящий.*
- **Эмотивно-оценочные значения** – *высший, лучший, наилучший, хороший, великолепный, шикарный, отменный, блестящий, великий, отменный,*

максимальный, достойный, расчудесный, сказочный, роскошный, идиллический, красивый, замечательный, безукоризненный.

Несмотря на то что среди периферийных употреблений число эквивалентов с рациональным и эмоционально-оценочным значениями одинаково, семантический акцент прилагательного *perfect* смещается в сторону эмоционального значения, учитывая ядерные эквиваленты перевода. Эквиваленты глагольных лексем характеризуются рациональным значением.

Таким образом, основными способами перевода английской лексики *perfect* на русский язык являются приближенный перевод и лексико-грамматические трансформации, которые направлены на передачу, главным образом, экспрессивно-оценочных компонентов значений единиц языка оригинала.

СЕКЦИЯ 3 ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЖАНРА ХАЙКУ

Дацко Дарья Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Западный филиал, Калининград, Россия
datsko-da@ranepa.ru

В докладе будут рассмотрены основные поэтические особенности традиционного жанра японской поэзии, трансформировавшегося из лирической эпиграммы в серьезное философское произведение, – хайку, которые вызывают ряд трудностей при переводе.

Как показал анализ соответствующих источников, основная сложность заключается в краткости данного жанра. Если японские хайку содержат в среднем 17 слогов, то для немецкоязычных хайку эта цифра варьируется от 10 до 19 («Ihre // Sms // Fliederduft»). Большинство переводчиков придерживаются позиции, в соответствии с которой «ограничение в языке оригинала не должно означать свободу в тексте перевода», поэтому для регулирования слоговой структуры в тексте перевода прибегают к эксплетивным словам (Füllwörter) – междометиям или союзам: «Ach, wie begrenzt sind / des Lebens Mußestunden / und es wird Spätherbst»; а также созданию авторских неологизмов (Wortschöpfung): «Tuschstein», «Wandlung» и др. К сожалению, иногда выполнение условия об ограничении количества слогов в тексте перевода может привести к определенным смысловым неточностям или лексической неоднозначности (см. текст перевода хайку И. Кобаяси «Bei meiner Klausur / der Teichfrosch von Anfang an / vom Alter quarte», в котором возникает ряд аналогичных ситуаций: например, неоправданное использование лексемы «Teichfrosch» и др.).

Семантический центр не всегда связан с временами года: в классическом хайку («Herbstsonne –// an den Bäumen entlang// über die Schatten springen» [Börner]) основная сюжетная линия изображается через призму природы, в то время, как пространство современных произведений, созданных в этом жанре, структурируется преимущественно посредством лексем бытового дискурса: «SMS –// mit dem Finger die Lüge // wegdrücken» [Beau].

Экспликация авторской интенции в текстах хайку сегодня реализуется посредством прагмем, в частности, авторы отдают предпочтение лексемам с ярко выраженной аксиологической составляющей: *heimtrotten*, *glitzern*, *qualmen*, *rosten* и др., что также должно быть отражено в тексте перевода.

Наконец, современные немецкоязычные хайку обладают специфическими чертами: для них свойственен прагматизм («Zoom-Konferenz... // heute wird er fertig // der Wollschal», вербализирующий за счет набора соответствующих лексем, а также адаптация, выражающаяся в аккомодации сюжетов к современным западноевропейским реалиям и аксиологическим доминантам («die vierte Welle // beim Schwimmkurs // nur Libellen»).

Таким образом, проведенное исследование является актуальным в связи со спецификой жанра хайку, а также возрастающим интересом к изучению особенностей поэтического дискурса на базе различных языков.

СРЕДСТВА АРХАИЗАЦИИ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ В. ГАУФА «ЛИХТЕНШТАЙН» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Денисова Евгения Павловна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории обучения иностранным языкам
и немецкой филологии
факультет иностранных языков и международной коммуникации
Тверской государственный университет, Тверь, Россия
denisova.ep@tversu.ru

Исторический роман В. Гауфа «Лихтенштайн» (1826) стал настоящей литературной сенсацией своего времени. Успех этот объяснялся целым рядом факторов. Важную роль играет явно выраженная региональная окраска этого произведения, создаваемая автором за счет использования лексических единиц, относящихся к швабскому диалекту (одному из диалектов alemannского наречия немецкого языка, распространенного в Баден-Вюртемберге и Швабии). В качестве второй причины может быть названа живость и красочность описания непосредственного места действия романа: вюртембергских окрестностей, со многими из которых читатели были лично знакомы. Однако куда более значимой, по замечаниям критиков, является точная передача патриотического настроения героев романа, живших в начале XVI века. Настроение это было очень близко читателям, пережившим на собственном опыте непростые события немецкой истории первой трети XIX века.

В. Гауф уделяет особое внимание созданию духа эпохи, в которую развивается действие его романа, обращаясь при этом к приему архаизации, представляющей собой «историческую стилизацию», «подражание средствам (приемам, способам) выражения, типичным для прошлых исторических эпох развития общества и языка». Многие из этих архаичных средств он вкладывает в уста своих героев, как реальных исторических, так и вымышленных. Таким образом, эти единицы создают не только образ исторической эпохи, но и речевой портрет персонажей. Используемые автором

лексические единицы и архаические грамматические формы могут быть рассмотрены с точки зрения их диалектальной окраски, временной отнесенности и степени понятности как читателями XIX века, так и нашим современникам.

Непростая задача по подбору эквивалентов, способных должным образом создать дух эпохи и передать характер персонажей, стояла перед известной переводчицей художественной литературы Э. И. Ивановой. Анализ предложенных ею соответствий, безусловно, представляет большой интерес.

Мастерство переводчика должно, в первую очередь, помочь создать перевод реалистический, о ценности которого говорил И. А. Кашкин: «Реалистический перевод предполагает тройкую, но единую по существу верность: верность подлиннику, верность действительности, верность читателю». Переводческие решения Э. И. Ивановой могут быть также сопоставлены с приведенными в работе А. Д. Швейцера «Теория перевода (статус, проблемы, аспекты)» стратегиями воссоздания исторического колорита, именно об этом и пойдет речь в докладе.

ЭКВИВАЛЕНТЫ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХ ИМЕН В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ПЬЕСЫ ШЕКСПИРА «МЕРА ЗА МЕРУ»

Калашников Александр Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
доцент школы иностранных языков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия
remkas@mail.ru

В докладе анализируются способы перевода характеристических имен в пьесе «Мера за меру». Внимание будет сосредоточено на именах, упомянутых в списке действующих лиц, в частности, *Overdone*, *Elbow*, *Pompey*. В исследовании показано, что большинство эквивалентов характеристических имен были успешно переданы. Обращено внимание на сложности, с которыми столкнулись переводчики. Были изучены переводы пьесы на русский язык: П. Альберта, Н. Х. Кетчера, П. А. Каншина, А. Л. Соколовского, Ф. Б. Миллера, Т. А. Щепкиной-Куперник, М. А. Зенкевича, О. П. Сороки. Выявлены компоненты значения имен, требующие передачи, в частности из-за повтора слова, представленного как имя собственное, например *Elbow* в контексте *he's out at elbow*, *Overdone* с репликой *Overdone by the last*, связь с отсылками к истории – *Pompey the Great*. Толкование имен для изучения соответствия эквивалентов дано по изданиям оригинала Cambridge Shakespeare, исследованиям имен у Шекспира: Г. Смита и других авторов. Результаты исследования показывают, что переводчики пьесы на русский язык успешно справились с выбором эквивалентов. В отдельных

случаях заметно расхождение в стилистической окраске нарицательных основ. Следует отметить, что при передаче имени из античной истории *Pompey the Great* иногда в ранних переводах не учитывалась заглавная буква заменявшаяся на строчную: возвеличивающее прозвище *the Great* – Помпей великий. Из успешных вариантов эквивалентов можно отметить: *Elbow* – Локоть; *Overdone* – Переспела, Перезрела и др. При многообразии вариантов следует отметить как один из лучших способов передачи характеристических имён, собственных, представленный в первом полном переводе пьесы, выпущенной под именем П. Альберт. В этом переводе были предложены эквиваленты *Локоть, Перезрела, Помпей Великий*. В то же время важно выделить особенности передачи имен собственных, обусловленные игрой слов.

ГЕОМЕТРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Криворучко Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермь, Россия
annaigor08@mail.ru

Выделяют различные модели / теории перевода, приходящие друг другу на смену или функционирующие самостоятельно бок о бок: ситуативно-деготативная, теория уровней эквивалентности, трансформационная модель перевода, семантическая модель перевода, интерпретативная теория перевода и многие др.

В рамках данной работы предпринимается попытка анализа процесса перевода с точки зрения анализа его геометрически упорядоченного пространства. Мы опирались на следующие работы:

1. «Матричная модель перевода: новый взгляд на структуру когнитивного моделирования в переводоведении» (Ремхе, Нефедова, 2016);
2. «Визуализация моделей перевода и их сопоставительный аспект» (Сылко, 2021);
3. Некоторые теоретические положения из работы «Мнимости в геометрии» (Флоренский, 1991);
4. Положение из работ по современному искусству Николя Буррио (Nicolas Bourriaud): “...*géométrie de la traduction: la topologie ... Elle renvoie au mouvement, au dynamisme des formes, tout en désignant la réalité comme un conglomérat de surfaces et d’objets transitoires, potentiellement déplaçables*” (Bourriaud, 2009). – “...геометрия перевода: топология ... Она отправляет к движению, динамизму форм, в то же время обозначая действительность как конгломерат пространств и временных, потенциально переходящих объектов” (пер. наш. – А. К.).

В ходе анализа теоретических постулатов мы пришли к следующему выводу: геометрию перевода можно рассматривать в широком смысле как структурно (геометрически) упорядоченную парадигму постоянных переменных данного процесса: адресата, адресанта, отношений между оригиналом и переводом, контекста, восприятия, анализа, интерпретации. В более узком смысле геометрию перевода можно интерпретировать как некую конкретную топологию объектов, свойств, отношений, обладающих структурой и связанных пространственно-временными отношениями в матрице индивидуального переводческого пространства.

Проанализируем кратко отрывок поэтического перевода, выполненного М. Ясновым, с точки зрения его структурно-графической организации:

Сказань (René de Obaldia)

Как много кругом детей,
Всё мелочь - куда ни глянь!
Вырасти бы скорей,
Отправится бы в Сказань!

В Сказани всё время снег,
Сугробы до облаков.
В Сказани который век
Охотятся на волков.

<...>

Не знаю, кого там больше, –
Принцев или принцесс.
Сказань - это где-то в Польше,
А может, и дальше в лес...

Все предметы, образы в данном переводе объединены в единое «матричное» пространство: «форма – путешествие», но его компоненты находятся не в единичном времени: они относятся и к прошлому, и к будущему, и к настоящему. Установка переводчика – создать единый, «экспоненциально» растущий образ далекой, прекрасной страны, в которой автор хочет побыстрее оказаться. Каждая пространственная и временная грани в данном отрывке перевода поэтического текста имеют свои смысловые координаты, образуя «объемный каркас» переведенного произведения.

ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПЕРЕВОДА: СПЕКТАКЛЬ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ПЬЕСЫ

Логинова Елена Георгиевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры германских языков и методики их преподавания
Институт иностранных языков
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.loginova@365.rsu.edu.ru

Суть перевода, как ее понимал А. Д. Швейцер, состоит не столько в том, чтобы найти соответствия отдельным единицам перевода, сколько в продуцировании текста, адекватно заменяющего оригинал в иной культуре, иной коммуникативной ситуации и ином языке. Если обратиться к переложению пьесы на язык театра, обнаруживается предмет для более глубоких размышлений, отсылающий к проблеме межсемиотических отношений (также "transmutation" (1959); "transcodification" (2002); "intersemiotic transposition" (2014); "intersemiotic translation" (2015); "transcreation" (2007) и др.).

Можно ли говорить о театральном режиссере как о переводчике? Сводится ли его роль к подбору и организации знаковых систем с целью переложения содержания или же к поиску выразительных средств с целью интерпретации содержания, чтобы высветлить то, что, возможно, скрыто от самого драматурга?

Ю. М. Лотман описывал театральную постановку как «один из труднейших видов художественного перевода». Такой перевод, по замечанию А. Д. Швейцера, представляет собой индивидуальный творческий процесс, как правило, с установкой на целостное переосмысление оригинала. У. Эко, ссылаясь на П. Фаббри, говорит о различных материях (субстанциях) выражения, которые не способны «один в один наложиться» друг на друга, например, при переходе от словесного языка к зрительному. Обращается внимание на то, что переход к одной материи к другой «вынуждает навязать» зрителю или слушателю некую интерпретацию, занять «критическую позицию», в чем и состоит «самый сок операции трансмутации». Сходную мысль о реинтерпретации и переизобретении исходного содержания при его переводе в другие культурные формы, высказывает Л. Венути.

В случае театральной постановки, когда имеет место последующее гетеросемиотическое означивание, сконструированные драматургом ментальное и художественное пространства переосмысляются, проецируя на зрителя модифицированные версии исходных концептов. И здесь вновь возникают вопросы: Какова степень свободы режиссера при объективации ключевых концептов пьесы? Где граница между «допустимой» вариативностью интерпретации и полным искажением оригинала?

Следуя принципам качества перевода, как их описывал А. Д. Швейцер и другие представители отечественной переводческой школы, режиссер

может отойти от способов выражения денотативного и коннотативного содержания, которые есть в исходном тексте, но остаться верным оригиналу на уровне прагматики. Также возможны разного рода прагматические модуляции, которые регулируются интердискурсивными отношениями.

Режиссер спектакля выступает переводчиком-интерпретатором исходного содержания, одновременно являясь создателем нового текста культуры, который выполняет функцию контекста, позволяющего уточнить содержание драматургического произведения, а сам процесс интерсемиотического перевода выполняет функцию зонда, который проникает в концептосферу оригинала с целью наиболее полно раскрыть художественный замысел.

МЕЖДОМЕТИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В КОМИКСАХ И КНИЖКАХ-КАРТИНКАХ (на примере переводов со шведского на русский язык)

Матыцина Ирина Витальевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры германской и кельтской филологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
imatits@gmail.com

Текстам детских книг и комиксов свойственны эмоциональность и экспрессивность. По мнению Л. Г. Бабенко, чувства только тогда приобретают значение для лингвиста, когда выражаются при помощи языковых средств. Одним из таких средств являются междометия, многие из которых не имеют национальных границ и понятны в любом языковом коллективе (ср. шв. *fū* и рус. *фу*, передающие значения неудовольствия и отвращения). Несмотря на это передача междометий при переводе требует наличия специальных знаний, поскольку в отличие от спонтанных выкриков, они являются конвенциональными средствами, значение которых известно членам соответствующего языкового коллектива (ср. шв. *usch* и рус. *фу*). Междометия бывают однозначными и неоднозначными, то есть обладающими диффузной семантикой, прояснить которую позволяет контекст и интонация (например, шв. *aj* и рус. *ай*). В художественном произведении значение междометия раскрывается либо в следующей за ним реплике персонажа, либо в поясняющих словах автора, либо в предшествующей реплике, значение которой они как бы обобщают.

Звукоподражания (изобразительные слова, ониматопы) также обладают яркой экспрессией, однако, в отличие от междометий, не выражают определенных чувств или волеизъявлений. Их семантика не зависит от интонации и понятна без контекста и вне речевой ситуации. По семантике среди звукоподражаний выделяется:

- 1) группа звуков неживой природы (*pla(da)sk* – плюх, *knirr* – скрип, (*klingeli*) *klang* – дзень (дзень);
- 2) группа звуков, издаваемых людьми (*klunk* – звук глотания);
- 3) группа звуков, издаваемых животными (*kvi(de)livitt* – чик-чирик, *ku ku* – ку ку).

Состав звукоподражаний в разных языках очень сильно различается и зависит от особенностей культуры и среды обитания (*nöf nöf* – хрю-хрю, *klävitt* – ух (уханье неясности); нередко сходные по звучанию лексемы сильно различаются по значению (*kra kra* – кря-кря (утка, а не ворона), *tik tik* – стукстук (звук печатной машинки, а не часов). Количество звукоподражаний в каждом конкретном языке является открытым: наряду с общепринятыми и зафиксированными в словарях, имеется большое количество окказиональных онома-топов для обозначения различных звуков окружающего мира. Для передачи междометий и звукоподражаний, как отмечали в своих работах Ю. В. Кушнarenко и Ю. В. Филинова, в переводе могут использоваться:

- 1) прямые соответствия: *Knack knack knack* – Тук, тук, тук (стук в дверь), *Sch, det är en hemlighet* – Ш-ш-ш, это секрет!;
- 2) контекстуальные / функциональные соответствия: *Hönorna? Nähä du!* – Кур? Скажешь тоже; *Dunk – knirr – dunk – knirr – dunk – knirr* – Дрынь – хрясь – дрынь – хрясь – дрынь – хрясь.

Способность междометий в компактной форме передавать действия, события и чувства персонажей является неоценимым ресурсом для книжек-картинок и комиксов.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ БОЛГАРСКОГО ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА Б. РАЙНОВА «ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ»

Михайлова Елена Сергеевна

преподаватель кафедры германских языков
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
franky@mail.ru

В докладе рассматриваются способы передачи фразеологизмов из болгарского детективного романа «Что может быть лучше плохой погоды» Б. Райнова в переводе на русский язык А. Собковича. Произведение повествует о работе болгарского разведчика в период холодной войны. При отборе материала использовался метод сплошной выборки, всего было выявлено более 100 фразеологизмов.

А. Собкович зачастую прибегал к использованию относительных фразеологических эквивалентов – словосочетаниям, компоненты которых в языке перевода незначительно отличаются от исходного словосочетания: *ям си*

нервите – трепать себе нервы), с две думи – словом (букв. 'в двух словах'). В переводе романа встречаются и полные фразеологические эквиваленты: убивам времето – убить время, губя време – терять время.

Наиболее распространенный прием – описательный перевод. Например, *нищо и половина – круглый нуль, ничто переводчик предпочитает передать нефразеологическим способом: Три месеца, а толку никакого.*

Такое решение переводчика позволяет придать речи персонажа живость: подобные разговорные выражения привычно звучат для носителей русского языка. Фразеологизмы, напротив, в спонтанной речи не всегда уместны и естественны. *Изплювам камъчето – проговариваться (букв. 'выплевывать камешек')* в оригинале претерпевает авторскую трансформацию и предстает в усеченном виде, утрачивая прямое дополнение *камъчето*. Переводчик переводит фразеологизм описательно, делая выбор в пользу того, чтобы высказывание звучало как можно привычнее для читателя: – *Видите ли, Роллан, с чего бы вы ни начали, вам придется **выложить всё**. Нямам думата – не иметь права на слово*, также переводится нефразеологическим способом: *Впрочем, **решать не мне** (букв. 'слово не за мной')*.

Проведенный анализ также позволяет составить речевой портрет главного героя: чаще всего в тексте романа (24 раза) встречается фразеологическая единица *давам вид – делать вид*. Персонаж давно служит в разведке, поэтому частое использование такого фразеологизма неслучайно: *ему по долгу службы часто приходится притворяться самому и отмечать про себя, когда притворяются окружающие.*

ПОЛИЖАНРОВОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕВОД ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: МЕМУАРЫ Т. Э. ЛОУРЕНСА В ПАРЕ ЯЗЫКОВ «АНГЛИЙСКИЙ – РУССКИЙ»

Мухин Никита Андреевич

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Институт иностранных языков имени Мориса Тореза
преподаватель кафедры английского языка
кафедры перевода французского языка
переводческий факультет
Московский государственный лингвистический университет, Москва
muhaniksan@gmail.com

В докладе рассматривается влияние полижанровости на перевод литературных произведений в паре языков английский – русский на материале мемуаров Т. Э. Лоуренса. Отмечается, что жанровые формы, выбираемые автором для своего творчества, являются важным фактором, влияющим на формирование идиостиля. Однако при создании произведения, в котором автор делится широким спектром опыта, требуются разные способы

изложения, что приводит к использованию автором средств разных жанров в отдельных фрагментах текста. В результате особенности идиостиля, наблюдаемые в рамках одного жанра, при его смене могут частично видоизменяться. При этом теоретические трудности могут принимать практическую форму в случае перевода жанрово-сложного произведения.

В качестве примера рассматривается произведение Т. Э. Лоуренса «Seven Pillars of Wisdom» и его перевод на русский язык. Опыт, описанный в данных мемуарах, является экзотичным не только для современного русскоязычного читателя, но и для соотечественников и современников Лоуренса. Осознание этого факта приводит Т. Э. Лоуренса к необходимости написания историко-географического обзора в качестве вступления к собственным мемуарам. Данный отрывок имеет значительные жанровые и стилистические отличия от остального текста произведения, что и послужило основанием выбора именно его для анализа.

Делается вывод о важности учета возможной жанровой неоднородности переводимого произведения и связанных с этим изменений в идиостиле автора для достижения наибольшей эквивалентности. Особое внимание следует уделять коммуникативным целям, которые преследовал автор при написании того или иного отрывка.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале песен Zecchino d'oro)

Никитюк Александр Георгиевич

старший преподаватель кафедры романской филологии
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
nikitukag@mgpu.ru

Данилова Василиса Андреевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель
кафедры романских языков и лингводидактики
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
Danilova-418@mgpu.ru

При осуществлении стихотворного перевода акцент делается на передаче формальной организации поэтического произведения – его ритмических, жанровых и структурно-композиционных характеристик.

Сущность переводческих трансформаций заключается в формально-семантических изменениях, призванных обеспечить сохранение передаваемой информации.

При переводе поэтических текстов возникают трудности с воссозданием системы образов, ассоциаций и эстетического эффекта оригинального текста; с сохранением размера и передачей ритмических особенностей подлинника; с выделением трансляционно-релевантной информации и передачей особенностей национального мышления.

Поэтические тексты отличаются высокой степенью семантико-стилистической и образной концентрации. При переводе текстов для детской аудитории представляется целесообразным стремиться к воссозданию эмоционального состояния и художественного впечатления, аналогичных эффекту оригинала, для чего уместно применить стратегию доместикации: она позволяет добиться эквивалентности при передаче национально-культурных особенностей, обусловленными лингвистическими и экстралингвистическими факторами на различных языковых уровнях.

Выбранная нами стратегия перевода песен Zecchino d'oro с итальянского языка на русский направлена на сохранение эквивалентности метра и рифмы оригинала, а также на сохранение сюжета, образов и эстетического эффекта, для чего используются ряд переводческих трансформаций (по В. Н. Комиссарову). В рамках исследования был выполнен перевод песен *Torrero Camomillo, Volevo un gatto nero, Popoff, Il caffè della Peppina, La forchetta Giulietta, Il gatto puzzolone, Il coccodrillo come fa*. При его осуществлении были применены:

- лексико-семантические замены: конкретизация, генерализация, смысловое развитие;
- грамматические замены: замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, замена типа предложения, членение предложения, объединение предложений;
- комплексная лексико-грамматическая трансформация: экспликация;
- технические приемы перевода: перемещение, добавление, опущение.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ

Оболенский Алексей Александрович

аспирант кафедры иностранных языков
филологический факультет
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия
alex.i.obolenskiy@yandex.ru

XX век был периодом больших изменений для всего мира. Но, в отличие от предыдущих эпох, XX век – столетие, породившее две мировые войны.

Английская литература остро отреагировала на мировые конфликты. Тема войны затронула множество различных направлений искусства, но поэзия стала одним из самых главных источников отображения мнения современников на происходящие боевые действия.

Тем не менее существует множество англоязычных авторов, которые остаются неизвестными русскоговорящему читателю. Их работы до сих пор являются недоступными для прочтения и именно поэтому возникает потребность в переводе их произведений.

Как отмечает в своей работе С. Ф. Гончаренко, существует поэтический, стихотворный и филологический переводы. Однако именно поэтический перевод является одним из самых сложных видов перевода и единственным способом для поэтической коммуникации между автором и читателем. В связи с этим хотелось бы предложить рекомендации по переводу поэтических военных произведений.

1. Перевод военных терминов и заголовка.

Прежде всего, стоит обратить внимание на перевод военной лексики. Правильный перевод таких слов позволит погрузить читателя в атмосферу боевых действий.

Не менее важным является перевод заголовка. Правильная интерпретация названия произведения поможет получить определенную информацию о стихотворении, а также заинтересовать потенциального читателя.

2. Перевод реалий.

Подобного рода затруднения проявляются, когда в языке перевода отсутствует слово, словосочетание или оборот, которые присутствуют в языке источника, но это не является фактом невозможности перевода. В своих работах Влахов С.И. отмечал, что основой реалии является ее колорит. Его передача при переводе является одной из проблем при работе с произведением. И, несомненно, при этом реалия является частью источника, поэтому необходимо передать ее смысл для адекватного перевода.

3. Передачи эмоций и чувств автора.

В военной поэзии преобладают такие чувства, как горе, досада и обреченность. Основная задача переводчика – это передать всю боль, все чувства, которые закладывал в свое произведение автор. Поэзия должна оказывать влияние на образы и эмоции, и переводчику надо тщательно провести переводческий анализ и подобрать такие трансформации, которые максимально передадут всю полноту чувств и переживаний поэта.

Поэтический перевод – это не только передача с одного языка на другой стихотворений о любви. Это и перевод трагичных произведений о горе, потерях и ужасах войны. Именно поэтому перевод военной поэзии является актуальным направлением для работы и изучения.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЖЕНСКОЙ РИФМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Пальванова Елена Михайловна

преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
palvnova.elena@mail.ru

Многие переводоведы считают, что при переводе поэзии важно достичь эквивалентности на трех уровнях: семантическом, прагматическом и структурном. Одна из задач, с которой сталкивается переводчик поэзии с русского языка на английский, стремясь достичь эквивалентности на структурном уровне, – воспроизведение женских рифм.

В русской поэзии традиционно чередуются мужские и женские рифмы. В английской же поэзии используются в основном мужские, поскольку «для “женского” окончания строки в английском языке существует сравнительно мало рифм».

Некоторые переводоведы, например С. Озерс, рекомендуют заменять при переводе женские рифмы мужскими или вовсе обходиться без рифмы, оставляя первую и третью строки не зарифмованными. Свою точку зрения Э. Озерс аргументирует тем, что «рифма чаще встречается в русском языке, где флективность способствует наличию множества открытых слогов, а потому рифма более естественна для русского, чем для английского».

Однако мы полагаем, что использовать женские рифмы при переводе с русского языка на английский необходимо, поскольку иначе утратится важная черта, отличающая русскую поэзию, и перевод не будет считаться адекватным. Ниже перечислены способы упрощения подбора женских рифм.

Во-первых, точные рифмы могут быть заменены на ассонансные (*Latin-smattering*) и консонансные рифмы (*Lyudmila-fellow*). Такие рифмы уже давно используются в английском языке и хорошо воспринимаются читателями.

Во-вторых, при передаче женских рифм допустимо использовать дифтонги и трифтонги. Английские исследователи не пришли к единой точке зрения, считать ли дифтонг одним слогом или двумя. Таким образом, переводчики при передаче женской рифмы могут рассматривать слова, содержащие дифтонги (*share*) и трифтонги (*empire*) как состоящие из двух и более слогов. Кроме того, можно использовать «лёгкие» рифмы. В этом случае рифмуются только конечные безударные слоги при несовпадении ударных слогов (*also-ditto*).

Необходимо упомянуть, что, хотя женских рифм в английском языке сравнительно мало, существуют группы слов, которые состоят из двух и более слогов и рифмуются между собой. Так, это слова, оканчивающиеся на *-tion* (*domination*), *-ly* (*lively*), *-ed* (*worried*) и *-ing* (*doing*). Переводчик может помещать в конец строки слова, входящие в эти группы, что облегчит его задачу.

Необходимо упомянуть, что некоторые переводоведы выступают против частого использования данных слов, так как, по их мнению, это отдаляет перевод от оригинала. Тем не менее иногда использование рифм такого рода – единственный способ сохранить оригинальную рифмовку (например, при передаче сквозной рифмы).

Итак, мы перечислили основные способы передачи женской рифмы при переводе с русского языка на английский. Представляется, что они помогут достичь адекватности перевода на структурном уровне и, следовательно, сделать перевод адекватным в целом.

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРЕВОДА ПЕСЕН ЗРИТЕЛЕМ НА ПРИМЕРЕ ДИСНЕЕВСКИХ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ

Полуэктова Татьяна Дмитриевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель
кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного
Северного государственного медицинского университета, Архангельск, Россия
t.d.poluektova@gmail.com

Полуэктон Антон Андреевич

кандидат философских наук, доцент
научный сотрудник
Союза Кинематографистов Архангельской области, Архангельск, Россия
anton.a.poluektov@gmail.com

Киноккомпания Дисней с самых ранних его мультипликационных фильмов уделяла большое внимание музыкальному сопровождению видеоряда. Начиная с третьего периода «диснеевских принцесс», количество песен в мультфильмах в значительной степени увеличивается, яркими примерами чего становятся «Холодное сердце», «Принцесса Лягушка» и мюзиклы «Геркулес», «Тайна Коко», «Энканто». Таким образом, песенный материал обретает все более тесную связь не только с изображением, но и с сюжетными линиями. Перед современными переводчиками возникает необходимость учитывать не только смысл переводимого материала, его фонетические и лексические особенности, но и визуальный ряд, характер персонажа, которому принадлежит песня, как высказывание, этнические особенности героев и особенности языка, на который осуществляется перевод. В сочетании со стилистическими особенностями музыкального первоисточника (ритмом, музыкальным жанром, темпом и т. д.) это создает многогранный полимтсест – головоломку, решение которой зависит от знаний переводчика, его таланта и чутья. Причем как языкового, так и музыкального.

За более чем столетнюю историю существования кинематографа сложилось три основных способа перевода фильмов: субтитры, синхронный перевод и дублированный перевод. Последний из которых чаще всего становится прецедентным текстом, максимально приближенным по смыслу, звучанию, стилистике музыки и речи к оригиналу. «В отличие от субтитрования дубляж подразумевает создание иллюзии, что текст создан на языке перевода». В статье проводится сравнительный анализ различных типов переводов в анимационных фильмах компании Дисней «Белоснежка» и «Энканто».

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РЕАЛИЙ В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА

Пушкина Анна Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия
pushkina_av@rudn.ru

Кривошлыкова Людмила Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия
krivoshlykova_lv@rudn.ru

Переводчик имеет дело с особым пластом языка, лексические единицы которого не имеют эквивалентных соответствий в языке перевода по причине отсутствия того или иного понятия или явления с тем же объемом значения, которые имеются в исходном языке. В переводоведении такая лексика получила название *безэквивалентная лексика*.

Каждый язык обладает культурно маркированными знаками, выраженными безэквивалентной лексикой, в которых заключена культурная информация, отражающая специфический уклад жизни, характерный для данной нации, ее нравы, обычаи и традиции, ее историческое прошлое. По мнению Е. О. Опариной, «культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные коннотации и культурные концепты». Согласно Л. С. Бархударову, к безэквивалентной лексике относятся: имена собственные, географические наименования, названия учреждения и т. д.; реалии и случайные лакуны.

Рассмотрим перевод реалий, а именно – наименований зданий и помещений, на примере перевода «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина,

выполненного Л. Зеликофф. Нас интересует, какие переводческие приемы способствовали достижению эквивалентности и адекватности перевода данных лексических единиц.

Методом сплошной выборки было зафиксировано семь наименований помещений / зданий: светлица, сени, златоглавые церкви, терем, изба, палата. При переводе реалий *светлица* и *сени* переводчик прибегнул к лексическому опущению. Другие лексические единицы получили следующие варианты перевода: *златоглавые церкви* – *churches tall, with golden domes* (описательный перевод); *терем* – *stately home* (аналоговый перевод); *изба* – *hut* (аналоговый перевод); *палата* – *mansion* (аналоговый перевод).

Подробнее рассмотрим перевод слова *терем*. В Древней Руси под «теремом» понималась верхняя часть какого-либо здания в виде башни или дом такой же формы. Для терема характерна высокая угловая крыша, украшенная резьбой. В. И. Даль определяет терем как «замок боярский», «дворец, барский дом». Английское словосочетание *stately home* имеет следующее значение: *a large, impressive house that is occupied or was formerly occupied by an aristocratic family*, т. е. большой, красивый дом, в котором проживают или проживали аристократы. Так как в английском эквивалент данной реалии отсутствует, переводчик использует аналоговый перевод – передает функциональное назначение жилого помещения, но при этом теряется национально-культурный колорит, в частности особенности архитектуры.

Таким образом, при переводе слов-реалий переводчик должен уметь вычленять их в тексте и, учитывая национально-культурную специфику реалии, выбирать переводческую стратегию. Подчеркнем, что при переводе поэтического текста задача усложняется необходимостью сохранить ритм и рифму произведения, не утратив особенности культурной информации.

ПЕРЕВОД ПОЭТА ПОЭТОМ И КОНЦЕПЦИЯ «ВИДИМОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА»

Устинова Татьяна Викторовна

доктор филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации
факультет иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
utanja@mail.ru

А. Д. Швейцер подчеркивал следующее: «...личность переводчика находит свое проявление в художественном переводе порой даже вопреки декларируемой им установке на полное перевоплощение в автора, на полное подчинение авторскому замыслу и самоотрешение». Наиболее ярко

личность переводчика проявляется в случаях перевода поэта поэтом, которые являются ценным иллюстративным материалом для рассмотрения концепции видимости переводчика в новом ракурсе.

Традиционно научная дискуссия о видимости и невидимости переводчика опирается на теорию Лоуренса Венути, который ввел в научный оборот эти понятия, чтобы описать отличающиеся друг от друга подходы к трансферу инокультурных ценностей и соответствующие переводческие стратегии форенизации и доместикации. Сегодня в переводоведении наблюдается переосмысление объема содержания этих понятий. Так, например, операционализация понятия видимости переводчика становится необходимым этапом анализа проявлений лингвокреативности в принятии переводческих решений.

Рассматривая перевод поэта поэтом как форму речетворческого посредничества, мы исходим из того, что ПТ в данном случае представляет собой результат интериоризации поэтического смысла, заключенного в ИТ, элитарной языковой личностью, которая не может не испытывать влияния собственного творческого метода как сложившейся системы художественного познания окружающей действительности.

Коммуникативные установки поэта-переводчика, приступающего к созданию вторичного текста, могут быть различными. Поэт может следовать установке «верности оригиналу» или стремиться к диалогу и со-творчеству с иноязычным поэтом, предлагая вариант адаптивного транскодирования ИТ. В любом случае перевода поэта поэтом субъективная «идиопроекция» текста-источника характеризуется специфической интенциональностью художественного посредничества и его идиостилевой воплощенностью. Соответственно, видимость переводчика в ПТ, созданном элитарной языковой личностью, можно описать не только с точки зрения индивидуально маркированного подбора текстовых эквивалентов или креативных переводческих решений, но и с точки зрения реализации стратегий творческого посредничества, укорененных в собственной индивидуально-авторской системе концептуальных, композиционных и ситуативных метатропов как доминант стиля поэта, сложившегося в рамках исходного языка и исходной культуры.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЕРЕВОДЕ (на материале романа Д. Киза «Minds of Billy Milligan»)

Шабунина Виктория Николаевна

обучающийся 4-го курса кафедры межкультурной коммуникации и перевода
Институт иностранных языков
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
shabuninav33@gmail.com

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор О. А. Леонтович

Цель данного исследования, проводимого с позиций дискурс-анализа и переводоведения, – выявить наиболее частотные способы передачи социокультурных особенностей речи персонажей при переводе художественного текста. Новизна исследования заключается в уточнении понятия речевой характеристики, а также попытке самостоятельно классифицировать особенности речи героя в оригинале изучаемого произведения и обосновать пути их передачи средствами русского языка.

Анализ трудов отечественных и зарубежных ученых позволил выявить ключевые положения, на которых мы опирались при проведении исследования: 1) художественные образы обладают относительной самостоятельностью, содержат в себе одновременно типичное и индивидуальное, реальное и вымышленное; 2) речевые нюансы напрямую связаны с индивидуальностью человека, так как каждое высказывание порождается в момент речи самим индивидуумом. Различия в речи выступают как проявление индивидуального мышления.

При проведении исследования применялись методы дискурс-анализа, конверсационного, дефиниционного и контекстуального анализа, а также прием количественных подсчетов. Материалом исследования послужили оригинальный текст романа Д. Киза «Minds of Billy Milligan» и два его перевода на русский язык: «Множественные умы Билли Миллигана» (2003, пер. А. Бойкова и А. Кострова) и «Таинственное путешествие Билли Миллигана» (2015, пер. Ю. Федорова).

В работе детально рассматриваются три субличности – Артура, Рейджена и Филипа – и способы их репрезентации в переводе.

Артур интересен своим английским происхождением. Он выражается терминами и архаичной лексикой, как, например, во время разговора с такой же, как он, субличностью. Рейджен – иностранец со славянским акцентом, который трудно передать в переводе на русский язык. Филип – носитель бостонского акцента, использует ненормативную лексику. Как и в уже проанализированных речевых портретах, здесь снова не поддаются компенсации особенности произношения.

В результате проведенного исследования выяснилось, что акцент передавался с помощью экспликации и грамматических средств: отсутствия спряжения и склонения, порядка слов, не совпадающего с нормами узуса. Изменений на фонетическом уровне не наблюдалось. Для передачи лексики со стилистической окраской переводчики пользовались эквивалентной заменой, целостным преобразованием и калькированием.

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГИПАЛЛАГИ И ЭНАЛЛАГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Шутёмова Наталья Валерьевна

доктор филологических наук, доцент
кафедра английской филологии и лингвокультурологии
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
n.shutemova@spbu.ru

Исследование связано с изучением проблемы репрезентации «функциональной доминанты» оригинала и авторской лингвокреативности в художественном переводе. Гипаллага и эналлага являются разновидностями семантического смещения, мотивированного переосмыслением отношений внутри признаковой сферы. При гипаллаге признак предмета интерпретируется как признак действия и наоборот: «*Тускло мне открылись С башни два огня*» (А. Белый); «Я слушаю моих пенатов Всегда восторженную тишь» (О. Мандельштам). Эналлага становится результатом отнесения признака целостного объекта к его части или иному предмету: «Мне и доньне хочется грызть Жаркой рябины Горькую кисть» (М. Цветаева).

Данные виды семантического смещения актуализируют обозначаемые свойства и в стилистике называются смещенным эпитетом. С позиций логического анализа языка они трактуются как алогизмы суждения, вызывающие информационный сбой при восприятии высказывания. В художественном произведении они репрезентируют его идейность, эмотивность, образность и специфику идиостиля писателя, выполняя эстетическую функцию. Она составляет, по мнению А. Д. Швейцера, функциональную доминанту художественного текста и определяет стратегию перевода.

Нарушение принципов логического мышления при порождении гипаллаги и эналлаги вызывает трудности их перевода, обусловленные также гетерогенностью языков, литературных традиций, культур, сознаний автора и переводчика. На основе сопоставления исходных и переводных текстов можно выделить три основных способа репрезентации алогизмов: реконструирование, деконструирование, конструирование.

Реконструкция означает, что гипаллага и эналлага освоены переводчиком и репрезентированы аналогично ИТ. В данном случае переводчиком

преодолевается когнитивный диссонанс и воссоздается исходное семантико-синтаксическое противоречие.

Деструкция предполагает полную редукцию гипаллаги и эналлаги, когда переводчик не усмотрел их на предпереводческом этапе или освоил их механизм, но не смог его репрезентировать посредством ПЯ. Исходное семантико-синтаксическое противоречие не воссоздается, гипаллага и эналлага заменяются конструкциями, не нарушающими семантические и синтаксические правила комбинаторики слов в высказывании.

Конструирование происходит, когда переводчик усматривает идиостилевую специфику оригинала, воссоздает семантико-синтаксическое противоречие как характеристику вербального мышления автора, но репрезентирует ее путем создания собственной гипаллаги или эналлаги. В данном случае моделируется иное семантико-синтаксическое противоречие, актуализируется иной признак, что можно рассматривать как частичную редукцию исходного семантического смещения.

СЕКЦИЯ 4

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ И ВЛИЯНИЕ ПЕРЕВОДОВ НА ЯЗЫК

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ДОСТУПНОСТИ КАК ВИДЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Александрова Елена Владиславовна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия
aeeva@mail.ru

Коммуникация (как одноязычная, так и с применением двух и более языков) в настоящее время характеризуется высоким уровнем содержания визуальной информации. Простой обмен сообщениями сейчас чаще представляет собой не обмен текстами, содержащими вербальные средства коммуникации, а обмен мультимодальными текстами, которые могут включать изображения, идиограммы, эмотиконы, гиф-изображения, звуковые файлы и многое другое. Восприятие и понимание таких мультимодальных единств (единств, построенных на обращении к нескольким модальностям восприятия – зрению и слуху, а также использующих как вербальные, так и невербальные средства коммуникации) не вызывает затруднения у людей без ограничений, однако может стать проблемой для восприятия лицами с ограниченными возможностями по слуху или зрению. Еще более сложными мультимодальными единствами являются мультимедийные тексты, или аудиовизуальные произведения, включающие в себя как кинематографические произведения, так и музейные экскурсии, обучающие интерактивные материалы и т. д. Такие единства часто создаются с целью привлечения многонациональной аудитории, соответственно, требуют перевода на иностранные языки. Это значит, что для предоставления полноценного доступа к таким произведениям необходимо не только предоставить перевод их вербального содержимого, но и обеспечить их необходимыми средствами создания медиадоступности.

Средства создания медиадоступности включают следующие:

- субтитры для глухих и слабослышащих (цель которых заключается в передаче звучащей речи и содержательно значимых звуков);
- сурдоперевод (синхронная передача звучащей речи посредством национального жестового языка);
- аудиосубтитры (субтитры, озвученные поверх звуковой дорожки аудиовизуального произведения; часто применяются при просмотре иностранных произведений, не снабженных закадровым или дублированным переводом);

- аудиодескрипцию / тифлокомментирование (описание ключевых визуальных элементов произведения, записанное в паузах между репликами);
- аудиовведение (дополнительное звуковое или текстовое сопровождение произведения, представляемое, как правило, перед просмотром, и включающее как информацию, которую не удалось внести в аудиодескрипцию/ тифлокомментарий из-за временных ограничений, так и дополнительную фактическую информацию о произведении).

Каждое из перечисленных средств создания медиадоступности имеет как свои ограничения, так и достоинства, которые служат не только цели передачи содержания мультимодального произведения, но и выполняют другие функции информативную, экспрессивно-эстетическую и даже инструктивную (в случае аудиовведения).

ПИСЬМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ НА ЯЗЫК БЕЗ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА-ИСТОЧНИКА НА ЯЗЫК ПЕРЕВОДА

Казакевич Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
заведующая лабораторией исследования и сохранения малых языков
Института языкознания РАН, Москва, Россия
kazakevich.olga@iling-ran.ru

Александр Давидович Швейцер много и плодотворно занимался теорией перевода, в частности, отражением языковых изменений в переводе и влиянием переводов на язык.

На материале корпуса письменных переводов с русского языка на северноселькупский в докладе предполагается рассмотреть влияние языка-источника на язык перевода без сложившейся письменной традиции. Северноселькупский язык (до недавнего времени – северное наречие селькупского языка) относится к самодийской ветви уральской языковой семьи, на севере Западной Сибири в бассейнах Верхнего и Среднего Таза и Турухана на нем говорит с разной степенью компетентности менее 600 человек. Письменность официально существует с начала 1930-х годов.

Основная часть переводов в паре северноселькупский – русский языки осуществляется с селькупского на русский. Это переводы устных текстов, прежде всего фольклорных (в том числе песенного фольклора), ритуальных (шаманских песнопений и фрагментов шаманских камланий), охотничьих историй, историй жизни. Однако уже с первой четверти XX века постепенно начинает формироваться корпус письменных переводов с русского языка на селькупский.

Корпус селькупских переводных письменных текстов складывается из переводов текстов стандартных школьных учебников, одиночных переводов

детской литературы, фольклорных текстов, записанных когда-то по-русски и с тех пор утраченных в устной традиции, автобиографий или историй семей, написанных авторами сначала по-русски, а потом переведенных ими самими или кем-то еще на селькупский язык, поэтических переводов, лингвистических текстов (текстов заданий в школьных учебниках), юридических текстов (перевода законов о КМНС и Устава Ямало-Ненецкого автономного округа). Влияние русского языка в текстах корпуса фиксируется по трем направлениям: 1) вставки русских слов в селькупский текст (чаще всего это слова, обозначающие новые для селькупской культуры реалии – *колхоз, пионер, завод, конституция*, но встречаются и ничем, казалось бы, не мотивированные кодовые переключения) (1); 2) калькирование русских грамматических структур (2); 3) использование неуместных в определенном контексте селькупских морфологических форм (3).

Примеры:

(1) *Тут черт-старик к чуму подошёл.*

тымты	черта-ира	мөт-қанты	тү-һ-а
здесь	черт-мужчина	чум-ILL.POSS.3SG	прийти-EP-3SG.SBJ

(2) *Могли даже показать место, где всё случилось.*

на	тэтты-п	атылты-с-өтын	энä
этот	земля-ACC	показать-PST-3PL	SBJU
кун	на-мы	э-с-а	
где	этот-NMLZ	быть-PST-3SG.SBJ	

(3) *Мать его к щучьему забору пошла.*

тэпы-н	эмы	пичча-й	кінча-нты	қәс-с-а
3SG-GEN	мать	щука-ADJ	забор-ILL	пойти-PST-3SG.SBJ

Если при переводе текстов учебников, фольклора, историй жизни и поэтических текстов в полученных селькупских текстах русских вкраплений оказывается сравнительно немного, то переводы лингвистических и особенно юридических текстов содержат огромное количество русских вставок. Будет показано, каким образом и до какой степени возможно этого избежать.

Сокращения

ACC аккумулятив, ADJ адъективатор, EP эпентеза, GEN генетив, ILL иллатив, NMLZ номинализатор, PL множественное число, POSS посессивная форма, PST прошедшее время, SBJ субъектный тип спряжения, SBJU сослагательное наклонение, SG единственное число.

ФАКТОР ПОДСТРОЧНОГО ПЕРЕВОДА В СТАНОВЛЕНИИ КАЛЬКИРОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
s.muhin@inno.mgimo.ru

Настоящая работа выполнена в рамках более широкого исследования фразеологии древнеанглийского языка, которое ставит целью выявить и описать сущностные характеристики фразеологического калькирования, определить, как данное языковое явление соотносится с подстрочным переводом, и подчеркнуть главенствующую роль подстрочного перевода на ранних этапах становления фразеологической системы английского языка. Языковой материал представляет собой исследовательский корпус из 750 контекстов с фразеологически связанными соматическими словосочетаниями, подобранными из древнеанглийских текстов восьми из 16 глоссированных псалтирей VIII–XII веков, которые были созданы с помощью подстрочного перевода с латинского оригинала, например в тексте Веспасиановой Псалтири:

qui te oderunt extulerunt caput
ða ðe ðec fiodun ahofun up heofud
ненавидящие Тебя *подняли* голову (82:2),

где словосочетание *ahebban up heofud* (*поднять голову*) представляет собой буквальное воспроизведение латинского исходного словосочетания *extollere caput* и является идиомой с фразеологическим значением «восстать, противиться».

Наиболее ранние из рассматриваемых памятников письменности являются первыми в истории английского языка известными образцами перевода с библейского текста.

В древнеиудейской лингвокультуре была основана ветхозаветная фразеологическая традиция, которая затем была воспринята и последовательно поддерживалась в греческой, латинской, англосаксонской и многих других культурных и языковых общностях благодаря единому набору культурных концептов, существовавшему на протяжении веков в большинстве семиотических областей концептосферы культуры – системного образования, создаваемого из ценностной информации, которая вырабатывается в результате познания действительности. В отличие от современной трактовки буквализма, происходящего от игнорирования тех или иных элементов коммуникативной ситуации перевода, в понимании переводчиков древнеанглийских

скрипториев буквальный характер подстрочника был призван обеспечить максимально точное понимание ветхозаветного текста носителями древне-английского языка, что обусловило использование фразеологического калькирования глоссаторами Древней Англии в качестве главного и практически единственного способа передачи латинской библейской фразеологии.

Представляется возможным выделить ряд признаков фразеологического калькирования, обеспечиваемых буквальностью подстрочника:

- 1) совпадение количества лексических компонентов словосочетания в оригинале и переводе;
- 2) совпадение порядка слов;
- 3) максимально возможное тождество грамматических категорий и форм;
- 4) сохранение в переводе образной основы фразеологизма.

Таким образом, принцип буквальности – главный принцип подстрочного перевода – сыграл ключевую роль в пополнении раннего фразеологического фонда английского языка заимствованными единицами.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ Х. К. АНДЕРСЕНА

Орлова Гаянэ Корюновна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры языков стран Северной Европы и Балтии
Московского государственного института международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
gajane-orlova@yandex.ru

Из всего значительного корпуса произведений Х. К. Андерсена особый статус в книжном репертуаре русскоязычного читателя получили сказки. Из 212 сказок и историй лишь отдельные тексты – не более 20 – можно рассматривать как прецедентные в рамках русской культуры, а именно значимые, широко известные, являющиеся объектом неоднократных возобновляемых обращений. Приобретению данного статуса предшествовал длительный период «присвоения» культурой. Первые переводы появились в 1845 году, и уже с конца XIX – начало XX века, «когда начали писательскую деятельность те, кто в 1840–1850-х годах детьми знакомились со сказками Андерсена», можно говорить о начале процесса культурной ассимиляции.

Среди факторов, сыгравших роль в распространении и популяризации андерсеновских текстов, – рецензирование в периодических печатных изданиях, обсуждение в педагогической литературе, многочисленные переводы, издания и переиздания: только в период до 1917 года отмечаются шестизначные цифры изданий, в их числе серии, прямо адресованные «детям и народу»; с 1890–1916 года над сказками работали не менее 15 переводчиков.

В это время уже сформировалось господствующее отношение к сказкам Андерсена как к детской литературе, что отразилось на стилистике переводов и распространении изданий, ориентированных на читателя-ребенка, а также повлияло на выбор произведений для переиздания в дальнейшем.

Пересказы, переделки, реминисценции, заимствования, использование образов и мотивов сказок в произведениях русских писателей в конце XIX и на протяжении XX века, инсценировки и экранизации, с одной стороны, стали следствием популярности, с другой – способствовали дальнейшему закреплению андерсеновских мотивов, образов и номинаций в качестве прецедентных феноменов культуры.

Ко второй трети XX века сложился устойчивый образ «русского Андерсена» – комплекс элементов, сформировавшийся на основе избранных текстов и биографических данных и лежащий в основе современных представлений о творчестве писателя и его личности, в котором можно выделить вербальные единицы, воспроизводимые в ситуациях речевого общения.

С точки зрения перевода среди элементов, влияющих на «узнавание» и, в итоге, принятие конечного результата целевой аудиторией, интерес представляют языковые средства – «символы прецедентных текстов»: названия произведений и именованная персонажей, предполагающих вариативность при переводе (*Tommelise, Den grimme Ælling, Klods-Hans, Ole Lukøje* и т. п.), отдельные цитаты (например, начальная строка «Огнива»), а также стилистические приемы и средства создания образности (стилистическая стратегия) и даже имя самого автора (Ганс Кристиан vs Ханс Кристиан). Проблема «узнавания» – один из факторов, порождающих консервативный подход к переводу при работе с этими элементами.

СИСТЕМЫ МЕЖДОМЕТИЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Розина Раиса Иосифовна

доктор филологических наук

главный научный сотрудник Отдела современного русского языка

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

raroza@yandex.ru

Рассматривается проблема перевода уникального класса междометий русского языка – глагольных междометий (*глядь, хватъ, шмыг* и т. п.) – на английский язык. По данным параллельного подкорпуса НКРЯ для ее решения используются следующие тактики:

– пропуск междометия, причем теряется семантика неожиданно: *Погрозилась я... тоже вот с досады... одной дурище полосатой, а у нее – хватъ – ребенок помер* (Куприн). *I threatened in anger a silly cow of a woman, and then her baby died.*

– замена междометием другого класса:

а) звукоподражательным: ...публика вышла на улицу, и – хватъ – все оказались голые! (Булгаков). ...the audience came outside and – bang – everybody turned out to be naked!

б) сопровождающим ошибочное действие: А печь, она присмотр любит; опоздал домой, – глядь, она и погасла (Толстая). A stove likes tender loving care; if you're late getting home – oops, it's out.

– замена эквивалентом глагола, мотивирующего междометие. Потеря семантики неожиданности компенсируется наречием *suddenly*: Те слушают его, благодарят, посаженным папенькой называют, и вдруг оба – прыг в коляску (Куприн). *They listened to him and thanked him and called him their benefactor, and suddenly off they hopped into the carriage.*

– замена словосочетанием. Теряется представление действия как мгновенного: ...встанешь под душ, да шмыг к себе в кубрик, в гамак... (Набоков). *You shower, then down you go to your quarters, straight into your hammock...*

В целом при переводе на английский язык русский текст, содержащий глагольные междометия, теряет динамичность.

Интересен обратный процесс: при переводе с английского языка на русский в тексте появляются глагольные междометия, отсутствующие в оригинале. По данным параллельного подкорпуса НКРЯ это происходит, если в оригинале:

– есть указание на неожиданную смену ситуации с помощью слов *suddenly / all of a sudden*: *You yelled and screamed and raced and rolled and tumbled and all of a sudden the sun was gone* (Bradbury). Кричишь, визжишь, бегаешь наперегонки, катаешься по земле, кувыркаешься, и вдруг – хватъ! – солнце уже зашло.

– использован звукоподражательный глагол, описывающий резкое движение: *He dashed out of his desk and banged a chair against the floor with all his might!* (Nabokov). Сбежал с кафедры и что силы есть хватъ стулом об пол.

– есть указание на то, что между ситуациями прошел короткий промежуток времени: *I played a couple of more songs, an after a while the coffee cup is bout haf ull of change* (Groom). Сыграл я еще пару песен, глядь, а стаканчик до краев полон мелочи.

– иногда появление в тексте русского перевода глагольных междометий мотивировано только желанием переводчика: *I was so startled that I hardly had the wits to hide myself in a more ordinary fashion; but I got through the hedge and walked along the field inside* (J.R. R. Tolkien). Я так обалдел, что сам чуть не забыл спрятаться; потом опомнился, прыг через ограду и плюх в траву.

Можно предположить, что русский язык стремится изображать смену ситуаций неожиданной и динамичной. Это необходимо учитывать при переводе художественных и публицистических текстов.

А. Д. ШВЕЙЦЕР И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Рябцева Надежда Константиновна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
заведующая отделом прикладной лингвистики
Институт языкознания РАН, Москва, Россия
nadia_riabceva@mail.ru

А. Д. Швейцер был блестящим переводчиком, синхронистом, преподавателем и социолингвистом. Сейчас нам очень не хватает таких уникальных специалистов, поскольку ситуация в переводе кардинально изменяется. И, несмотря на то что активно, и в некоторых областях успешно, развиваются «автоматические переводчики», типа *YandexTranslate*, *GoogleTranslate*, *ABBYY*, *DeepL* и др., есть весьма важные компоненты научных и научно-технических текстов, которые передают их основное содержание, но которые пока не поддаются автоматическому переводу ввиду их инновационности, многокомпонентности, лингвоспецифичности и аутентичности. Так, современные цифровые технологии стремительно развиваются и все более стремительно вводят, в первую очередь, в английский язык, соответствующие принципиально новые понятия, термины, специальные словосочетания и т. п. Большинство из них носит уточняющий характер и потому они представляют собой многокомпонентные сложно-структурированные конструкции, которые не имеют аналогов в других языках, часто фразеологизированы и не могут быть переведены на другой язык пословно, как это практикуют большинство автоматических переводчиков. Соответствующая ситуация значительно затрудняет межъязыковую научную и научно-техническую коммуникацию (см. пример: *automatic tagging software*).

Особого внимания требует проблема перевода с английского языка многокомпонентных терминов, которые активно появляются во всех отраслях знаний в английском языке благодаря активному развитию цифровых технологий и которые отличаются структурной усложненностью и потому невозможностью их пословного перевода, ср. неудачный, под астериском (*) (и выделенный курсивом) перевод: *reading-based assessment tasks* – «*задания (кому?) для оценки (чего?) на основе чтения», *helpful to make suggestions for reading-based assessment tasks* – «полезно (кому?) вносить *предложения по задачам оценки (чего?), основанным на чтении (чего?)» (*YandexTranslate*).

Важно, что типологические различия между русским и английским языком проявляются, в частности, в гораздо более активно развитой системе деривации (и соответствующих значений) в русском языке, чем в английском, и особенно в адъективной. См. «цифровые многокомпонентные термины» корпусной лингвистики на английском языке и их правильный, более компактный перевод: *usage-based assumption* «практическое предположение», *usage-based linguistics* «лингвистика употребления», *in line with a usage-based approach* «в соответствии с практическим подходом», *emergence in usage-based grammar* «инновации в грамматике употребления».

Приведенные примеры (и множество других) демонстрируют асимметрию современных «цифровых» англо-русских терминологических и словообразовательных явлений и принципиально новые проблемы перевода, которые порождает современная «цифровая» терминология. При этом никакие, даже автоматические, словари не успевают фиксировать и переводить соответствующий инновационный пласт специальной лексики.

ОПУЩЕНИЕ ИЗБЫТОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Слободянюк Виталий Вячеславович

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
slobodyanyukvitaly@mail.ru

Одним из главных требований для публикации научной работы в международном журнале является перевод названия на английский язык. Однако из-за лингвокультурных и межъязыковых различий появляются дополнительные сложности в переводе.

Научный стиль английского языка отличается краткостью и простым синтаксисом, чего нельзя сказать о научных стилях русского и турецкого языков. Названия научных статей в данных языках длинные и содержат большое количество подчиненных компонентов.

Качество перевода названий русских и турецких научных статей часто не соответствует сложившимся нормам научного стиля английского языка. Причиной этому может быть отсутствие переводческих трансформаций. Одной из трансформаций, которые могут быть полезны авторам, является опущение.

В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина опущение определяется как «нулевое» выражение какого-либо из отсутствующих членов предложения. Опусшению подвергаются семантически избыточные слова.

Рассмотрим на примерах как может быть использовано опущение:

Оригинал	Перевод	Возможный вариант перевода
К вопросу снижения экологических рисков транспортного предприятия на основе рационального природопользования	To the issue of reducing environmental risks of a transport enterprise based on rational nature management	Environmental Risks and Transport Enterprise: Rational Nature Management

В результате пословного перевода словосочетания «К вопросу...» в заголовке на английском языке появился избыточный элемент «To the issue of».

Английские заглавия не начинаются со слов, имеющих широкую семантику, и в целом редко содержат их в своем составе.

Что касается заглавий турецких научных статей, то в них часто содержатся слова «влияние», «оценка», «исследование» и др.

Оригинал	Перевод	Возможный вариант перевода
Kaynaştırma Sınıflarında Öğretim ile İlgili Uygulamaların İncelenmesi: Ortaokul Matematik Öğretmenleri Örneği	Examination of Teaching Practices in Inclusive Classrooms: The Case of Middle School Mathematics Teachers	Teaching in Inclusive Classrooms: Middle School Mathematics Teachers Perspective

В переводе содержатся избыточные элементы, но если эти элементы опустить, перевод будет отвечать нормам научного стиля английского языка. Таким образом, при переводе заглавий научных работ с русского и турецкого языков опущение можно считать важной трансформацией, необходимой для того, чтобы перевод соответствовал нормам научного стиля английского языка.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ В ОПИСАНИЯХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ ВО ВРЕМЕНИ¹

Филатова Ганна Алексеевна

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка
филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
gphilatova@gmail.com

В докладе анализируются таксисные отношения между глагольными формами в романе Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русскими переводами. Выбранный текст является экспериментальным фантастическим произведением и имеет специфическое композиционное устройство, позволяющее усиливать у читателя ощущение вымысла и нереалистичности происходящего. В частности, одной из описанных особых сверхъестественных техник, недоступных обычным людям, является так называемая «темпоральная fuga», которая состоит в возможности перемещения во времени и создания своих копий в различных временных отрезках. Описание функционирования подобной техники представляет собой сложное синтаксическое целое: с одной стороны, требуется представить события

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260.
URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

как происходящие в один и тот же момент, поскольку именно такими они являются для стороннего наблюдателя, а с другой – действия как будто разворачиваются в обратном порядке в прошлое («[герой] видя, как на-носят двойной удар, успевает исчезнуть и перенестись на десять секунд раньше и там готовится изменить ход битвы»). Такая запутанная система, отражающая неестественный ход событий в фантастическом мире, предполагает нестандартное использование композиционно-синтаксических возможностей личных и неличных форм глаголов, реализующих таксисные отношения предикатов. По определению Р. О. Якобсона, таксис характеризует «сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения», однако в романе Желязны эти факты постоянно меняются местами: сначала читатель думает, что одно событие произошло раньше другого, но в следующей же строке оказывается, что все происходит ровно наоборот. А. В. Уржа отмечает, что «временные отношения между предикатами связаны с их композиционными функциями», и это хорошо видно при сопоставлении трех наиболее известных переводов романа («Порождения Света и Тьмы», «Создания Света, создания Тьмы», «Создания Света – создания тьмы»). Сопоставление переводов романа с оригинальным текстом позволяет, во-первых, продемонстрировать разницу между конкретными случаями грамматических трансформаций видо-временных форм глагола при описании неестественного хода времени, а во-вторых – охарактеризовать различные переводческие стратегии. Результаты исследования позволяют выявить перевод, наиболее близкий к оригиналу в прагматическом плане, а также выявить возможности представления таксисных отношений при передаче нестандартных композиционно-временных последовательностей.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ АНГЛИЙСКОГО ВВОДНОГО *THERE* КАК КЛЮЧ К СЕМАНТИКЕ СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Санкт-Петербург, Россия
katherine0824@gmail.com

Вводный элемент *there*, будучи необходимой структурной составляющей английского бытийного предложения, обладает, как показано в когнитивной грамматике английского языка, высокой коммуникативной значимостью, поскольку этот элемент сигнализирует «в целом о наличии или констатации ситуации, обстоятельств, существования чего-либо, присутствия,

свершения чего-либо». Вместе с тем принято считать, что вводное *there* не имеет переводческих эквивалентов в русском языке, в связи с чем нулевой перевод рассматривается в качестве единственного приема, используемого при передаче значения этого структурного элемента английского бытийного предложения.

В настоящей работе принимается тезис о том, что английское вводное *there* передает пространственную семантику, и ставится цель выявить способы передачи этой семантики в англо-русском и русско-английском переводе. При этом сопоставительный анализ английских и русских текстов основывается на теоретическом положении А. Д. Швейцера о том, что применение тех или иных трансформаций при достижении семантического уровня эквивалентности всегда является ситуационно, содержательно и структурно мотивированным. В качестве материала для исследования послужили англо-русский перевод сборника Р. Киплинга «Вот так сказки», выполненный К. Чуковским, а также русско-английский перевод произведений Н. В. Гоголя «Петербургские повести», выполненный Р. Пивиром и Л. Волохонской.

Проведенный в работе анализ языкового материала свидетельствует в пользу того, что в 20 % случаев как англо-русского, так и русско-английского перевода пространственная семантика английского вводного *there* выражается рядом переводческих эквивалентов: дейктическими наречиями – *там, тут*; адвербиальными словосочетаниями – *на свете, на земле*; пространственной частицей – *вот*. Данные эквиваленты раскрывают различные аспекты концептуальной структуры, которая лежит в основе семантики английского вводного *there* и содержание которой можно сформулировать как «пространство актуальной ситуации».

С НОРВЕЖСКОГО НА ЯЗЫК ВИКИНГОВ

Шенявская Татьяна Львовна

старший преподаватель кафедры германской и кельтской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
tshen@philol.msu.ru

Действие норвежского телесериала «Пришельцы из прошлого» происходит в Осло, но в детективные истории оказываются вовлеченными не только современные норвежцы, но и гости из разных минувших эпох, в том числе викинги, которые говорят на своих языках. Для создания такого языкового колорита к работе были привлечены профессиональные лингвисты, при этом каждая эпоха требовала своего подхода.

В случае викингов стояла задача воссоздать язык, распространенный в XI веке в западной части скандинавского языкового ареала, в частности,

на территории Норвегии, переводя на него живые реплики норвежского сценария.

Особый интерес представляет перевод слов, обозначающих реалии, составляющие неотъемлемую часть современной жизни, но появившиеся уже после того, как викинги сошли с исторической сцены. Обогащение словарного запаса викингов происходит путем заимствования или калькирования соответствующих норвежских слов, использования известных слов в новом значении и образования новых слов.

Примером заимствования может служить *pólitibíl* «полицейская (патрульная) машина» (< норв. *politibil*). Однако в разговоре между собой викинги используют древнескандинавское *kerra* – повозка (в основном двухколесная), ср.: *kerra sólarinnar* – колесница солнца («Младшая Эдда»); *kerra Þórs* – колесница Тора («Сага о Ньяле»), которое получает значение «машина» в результате метанимического переноса. Аналогично употребляется в разговорном языке современное норвежское *kjerre*.

Норвежское обозначение группового селфи *gruppeselfie* в языке викингов превращается в *flokkaselffi*. Основным словом в обоих композитах является английское заимствование *selfie*. В язык викингов это заимствование, естественно, попало из норвежского, где сохраняет написание и произношение языка-источника. В качестве определителя в обоих случаях выступает существительное со значением «группа», при этом *gruppe* – итальянское заимствование, попавшее в норвежский уже после эпохи викингов через немецкий и французский, в то время как *flokkr* – исконное германское слово. В композите *flokkaselffi*, таким образом, лексическое заимствование соединяется с калькированием.

Обозначение мобильного телефона *talafjöl* – говорящая доска, напротив, является результатом словотворчества создателей фильма. В основе данного композита лежит метафорический перенос на основе внешнего сходства.

Интересный пример сочетания синтаксической трансформации и создания новой лексической единицы представляет собой перевод на язык викингов важного для сериала лозунга, призывающего к толерантному отношению к представителям прошлых эпох: *Nei til tidsisme!* > *Stöðva tíðháttahatrit!* Исходное бессказуемое предложение в языке викингов заменено на побудительное, в котором сказуемое выражено глаголом в повелительном наклонении. Норвежский неологизм *tidsisme*, образованный от существительного *tid* – время по модели *rasisme*, переведен трехэлементным композитом с опорным словом *hatr* – ненависть и определителем, который в свою очередь тоже выражен композитом: *tíðhátt* (< *tíð* «время» + *hátt* «тип»).

СЕКЦИЯ 5 ЭВОЛЮЦИЯ ВИДОВ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

ПЕРЕДАЧА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Алимова Анастасия Дмитриевна

преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческий факультет
Московский государственный лингвистический университет Москва, Россия
alimovaad@gmail.com

Несобственно-прямая речь (НПР) – широко распространенное в литературе явление, выполняющее в тексте множество разнообразных функций. При этом передача ее при переводе вызывает определенные трудности, связанные как с распознаванием НПР в тексте, так и непосредственно с передачей ее средствами переводящего языка.

Трудность распознавания НПР обусловлена тем, что данный художественный прием зачастую не имеет вводящих конструкций и в некоторых случаях даже маркеров – специальных языковых единиц, выделяющих НПР на фоне повествовательного текста. В ходе количественного анализа использования НПР в русской и англоязычной литературе было установлено, что вводящие конструкции отсутствуют в 46–48 % случаев. Немаркированная же НПР встречается в 11 % случаев в англоязычной литературе и в 7 % – в русской. В то же время, как отмечает ряд исследователей, у НПР отсутствуют формальные признаки, которые были бы присущи только ей, в результате чего распознавание ее в тексте заключается по большей части в установлении отличий от других разновидностей чужой речи и авторского текста.

Трудности, связанные непосредственно с передачей НПР, с одной стороны, обусловлены особенностями построения художественного приема: переводчику необходимо воссоздать при переводе необходимую степень интерференции (взаимодействия) текста автора и текста персонажа, используя языковые средства переводящего языка. С другой – помимо учета типологических и более частных структурных расхождений между языками, переводчику следует принимать во внимание частотность использования языковых структур, а также проводить разграничение между общеязыковым и индивидуально-авторским.

Оценить успешность передачи НПР при переводе возможно, обратившись к такому понятию, как адекватность. Согласно А. Д. Швейцеру, «адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс

данным коммуникативным условиям», т. е. адекватность подразумевает рассмотрение текста перевода в целом в аспекте его восприятия реципиентом. НПР выполняет в тексте как сюжетоформирующие функции (передача произнесенной речи, представление содержания мыслей, репрезентация чувств и передача восприятия ситуации), так и стилистические функции (ирония, создание эффекта неопределенности, историческая стилизация и т. д.). Соответственно, потеря при переводе НПР без компенсации может привести к стилистической стандартизации, в то время как сохранение экспрессивности текста оригинала в переводе является одним из условий достижения адекватности.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КИНОЗАГОЛОВКА И ПОСТЕРА КИНОФИЛЬМА (на примере локализации отечественного патриотического кино)

Анисимов Владислав Евгеньевич

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры французского языка
Международно-правовой факультет
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
anisimov.vladislav.95@mail.ru

Анисимова Екатерина Дмитриевна

аспирант кафедры иностранных языков
филологический факультет
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия
kate.dk01@gmail.com

Распространение иноязычной кинопродукции за пределы страны производства требует верной локализации самого к / ф и его отдельных составных частей. Локализация как вариант перевода, «вносит существенные коррективы в прагматические презумпции исходного текста».

Задачу по продвижению к / ф в зарубежном прокате выполняют в том числе и функционально-прагматические единицы кинотекста – кинозаголовок, синопсис, слоган и постер к / ф (ФПЕК). В качестве примера, иллюстрирующего возможную локализацию ФПЕК, рассмотрим локализацию к / ф «Движение вверх» (2017) в англоязычном (США) и франкоязычном (Франция) кинодискурсе. Выбор спортивной драмы обусловлен преобладанием данного жанра в современном российском патриотическом кино.

Исходное название содержит апелляцию к стремлению советской баскетбольной команды к победе на Олимпийских играх и виду спорта, при локализации заменяется на «Tree seconds» (англ.) / «Trois secondes» (фр.).

Локализованные названия содержат прямую апелляцию к драматической развязке к/ф и освещенному историческому событию (победе советской сборной).

Российский постер к/ф «Движение вверх» представляет две сюжетные линии – спортивную (стоп-кадр матча) и любовную (изображение баскетболистов А. Белова и А. Овчинниковой). Центральной место занимает один из основных персонажей – тренер мужской сборной СССР по баскетболу на фоне флага СССР. Текстовая составляющая представлена кинозаголовком, упоминанием о создателях кинопроизведения и датой выхода к/ф, в качестве прецедентных феноменов здесь присутствуют баскетбольная корзина, мяч, представляющий флаги СССР и США, и руки, тянущихся к нему, как апелляцию к непримиримой борьбе в ходе финального матча. Визуальная составляющая представлена заголовком и упоминанием о предыдущих проектах создателей к/ф. Исходный вариант упоминания команды, работавшей над кинопроизведением, претерпевает изменения в пользу сохранения только одного проекта («Экипаж»), более известного англоязычному зрителю.

Текстовый компонент французского постера опускает информацию о создателях к/ф, заменяя ее оригинальным слоганом *Il y a des victoires qui changent le cours de l'histoire* («Есть победы, меняющие ход истории»). Подобный слоган соответствует жанру и тональности к/ф, а его добавление при локализации – удачному маркетинговому ходу по привлечению зрителя к просмотру к/ф.

В процессе локализации кинозаголовков и постеров российских к/ф в иноязычном прокате может происходить существенное переосмысление семантической и прагматической составляющих исходных ФПЕК, что сопровождается заменой прецедентных феноменов оригинальных кинозаголовка и постера на более понятные в принимающей лингвокультуре для успешного продвижения кинофильма в прокате других стран.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКО-РУССКИХ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЕДИНИЦ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ю. МИСИМЫ «ЗОЛОТОЙ ХРАМ»

Баврин Алексей Владимирович

аспирант отдела языков народов Азии и Африки
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
bav.alex.v@gmail.com

Сравнительный метод в контрастивной лингвистике имеет большой потенциал: приложенный к новому языку, он каждый раз способен давать новые лингвистические знания. Сравнение японского с европейскими языками – преимущественно с английским – давно служит источником ценных наблюдений и обобщений, и описание японского через сравнение

с русским – не менее перспективная, самостоятельная и масштабная задача. Можно сказать, что в первом приближении она решена на лексическом уровне на пространстве основного японского лексикона в японско-русских словарях, однако за пределами лексикографии такая задача специально не ставилась. В силу установки словаря на подбор лексических одноранговых соответствий (перевод служебных слов служебными, аффиксов – аффиксами и т. д.) внутри эквивалентных классов (перевод глаголов глаголами, наречий наречиями и т. д.), отклонения от таких соответствий остаются не учтенными, даже если они имеют регулярный характер (ср. соответствия японских наречных сочетаний русским глаголам: *shiroku suru* – белишь, *hiroku suru* – расширяешь). Специального внимания заслуживают синтаксические расхождения, которые в принципе не находят отражения в лексикографических работах.

В исследовании предпринимается попытка разработки одной задачи, возникающей на первом этапе сравнительного межтекстового анализа – сбора и классификации возможных типов межъязыковых знаковых эквивалентностей, прежде всего случаев категориальных и уровневых расхождений на синтаксическом уровне – регулярных соответствий между разными частеречными классами с одной стороны, и морфологическим, лексическим и фразеологическим уровнями – с другой.

Предварительный анализ показывает широкий разброс переводческих приемов по категориям, множество нетривиальных соответствий между японским и русским, разный вес в тексте базовых грамматических конструкций, изменения статуса синтаксических групп и т. д.

В рамках этой задачи ценным материалом для сравнительного метода являются параллельные тексты художественных произведений, где нестандартный, неожиданный выбор переводных эквивалентов и переводческих решений показывает мастерство переводчика и на контрасте с ожидаемым и банальным переводом подчеркивает не замечаемые в других условиях особенности исходного языка. В качестве материала выбран параллельный текст – роман «Золотой храм» одного из выдающихся мастеров слова XX века Юкио Мисимы в переводе Г. Чхартишвили.

СТРАТЕГИЯ ДЕИНТЕНСИФИКАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЯПОНСКИХ ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бонадык Наталия Александровна

старший преподаватель кафедры восточных языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nat5000@yandex.ru

В рамках данной работы мы рассматриваем одну из стратегий передачи оценочных значений, а именно деинтенсификацию (наряду с ней мы также выделяем стратегии интенсификации, сохранения оценочного значения,

снятия оценочного значения или изменения знака оценки) в японских переводах повести «Бедные люди» Ф. М. Достоевского и романа «Азазель» Б. Акунина. Выбор авторов разного масштаба, писавших в разное время и соответственно относящихся к разным литературным традициям, продиктован, в первую очередь, стремлением свести к минимуму влияние престижности и идиостилия отдельных авторов и переводчиков на результаты исследования и вывести общие переводческие закономерности.

Сопоставление переводов художественных текстов с японского и на японский язык показало, что стратегия деинтенсификации проявляется более отчетливо в переводах художественных текстов именно на японский язык и представляет собой ослабление эмоциональной насыщенности оценочного значения в переводе по сравнению с оригиналом. На наш взгляд, это прежде всего обусловлено влиянием лингвокультурных моделей социального поведения японцев. Можно, в частности, отметить установку на некатегоричность, сдержанность и имплицитность выражения отрицательных оценочных значений в целом ряде коммуникативных ситуаций. Этим продиктованы применение стратегии деинтенсификации в случае передачи пейоративных оценочных единиц и, как правило, в прямой речи.

Говоря об аксиологических доминантах японской лингвокультуры, мы можем выделить два ключевых социальных противопоставления: «свой – чужой» и «высший – низший». Иерархические отношения «высший – низший» предполагают, что при обращении к людям, занимающим более высокое социальное положение, имеющим в данной ситуации общения больший авторитет (врач, представитель власти и т. д.), а также старшим по возрасту, надлежит использовать вежливые формы. Отношения «свой – чужой» предполагают включение или невключение того или иного человека в одну группу с говорящим. При этом категории «свой» и «чужой» относительны, один и тот же человек в разных ситуациях может выступать и как «свой», и как «чужой». При обращении к «высшим» и «чужим» необходимо проявлять почтительность, а в разговоре с «низшими» и «своими» допускается фамильярный стиль речи. Строгие нормы речевого общения накладывают определенные ограничения и на выражение оценочных значений, в первую очередь, отрицательных. При этом можно проследить следующую тенденцию: пейоративные значения в переводе сохраняются в полной мере, когда обращены к «своим» и «низшим», и деинтенсифицируются, или даже полностью опускаются, когда они адресуются «высшим» и «чужим».

Таким образом, можно заключить, что при передаче оценочных значений, прежде всего отрицательных, в переводах с русского языка на японский ключевым фактором, влияющим на передачу оценки, является несовпадение представлений о норме речевого поведения в лингвокультурах исходного и переводящего языков. Это несовпадение проявляется в конкретных коммуникативных ситуациях, что осознанно или непроизвольно учитывают переводчики.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОГО АНТРОПОМОРФИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Губочкина Любовь Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
лингвистический факультет
Государственный университет просвещения, Москва, Россия
glubov09@mail.ru

Поэтический антропоморфизм и интерпретация антропоморфных образов являются ключевыми вопросами в лингвистике текста и в теории и практике художественного перевода. Между произведением перевода и первоисточником автор перевода создает открытое для диалога лингвистическое пространство. В границы языкового пространства входит семантическая связь единиц оригинала и единиц перевода, контекстное окружение и стилистическая модуляция экспрессивных средств.

В художественном переводе необходимо сохранить смысловой объем единицы перевода и воссоздать стилистическое назначение подлинника. Решением вышеуказанных задач является прием интерпретации, использованный при репрезентации лингвистического антропоморфизма в тексте перевода. Интерпретация затрагивает один абзац текста, соответственно, является микроконтекстной. Автор перевода не искажает смысл всего произведения, преобразования происходят в микроконтекстном окружении единицы перевода.

Макроконтекстный вид интерпретации – это вид интерпретационного преобразования в условиях целого текста. Макроконтекстная интерпретация используется по отношению к нескольким единицам перевода, связанным между собой общим смыслом и авторской идеей.

При выборе способов перевода образов антропоморфизма автор произведения руководствуется профессиональными знаниями и творческой интуицией. В основе интерпретационной модели перевода лежит индивидуально-авторское мировидение. Интерпретация и перевод образов поэтического антропоморфизма существуют в условиях образности средств, экспрессии и выразительного контекста.

ПИСЬМЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Гусева Алина Павловна

старший преподаватель кафедры стилистики английского языка
факультет английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alina.p.guseva@yandex.ru

Профессиональная деятельность переводчика неизменно нацелена на решение одной ключевой задачи: он должен создать коммуникативно равноценный текст на переводящем языке, сохранив при этом оптимальный уровень эквивалентности между текстами оригинала и перевода. Обеспечение оптимального уровня эквивалентности, т. е. точности перевода, позволяет воссоздать «изначальную коммуникативную ценность текста» что, безусловно, имеет особую значимость при работе с текстами профессиональной направленности.

Часто в процессе работы с профессионально ориентированными текстами переводчик сталкивается с рядом проблем, в числе которых можно назвать отсутствие достаточного объема специфических знаний в определенной профессиональной области, слабую осведомленность о тематике конкретного текста, а также ограниченное владение специальной терминологией. Нередки случаи, когда перечисленные трудности не позволяют выполнить адекватный перевод текста профессиональной направленности, что приводит к невозможности межкультурной коммуникации в профессиональной среде.

Предположительно, одним из эффективных способов преодоления названных переводческих трудностей является обращение в процессе перевода к параллельным текстам, которые называют параллельными. Термин «параллельный текст» определяется как «текст на целевом языке, принадлежащий к тому же жанру, что оригинальный текст и / или посвященный той же проблематике, из которого переводчик может выписать термины, выражения и сведения, нужные ему для выполнения перевода».

Гипотезой настоящего исследования послужило предположение о том, что параллельные тексты не только обеспечивают более детальное и целостное понимание текста оригинала, но и помогают эффективно справиться с нерегулярными переводческими трудностями, возникающими при работе с текстами профессиональной направленности. Материалом исследования послужили переводы отрывка научно-учебного текста в области лингвистики, выполненные в 2021/22 учебном году студентами 4-го курса МГЛУ, обучавшимися по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика.

Одна часть переводов была выполнена только с помощью англо-русского словаря, вторая – с помощью англо-русского словаря и параллельных текстов. Переводы были проанализированы методом сплошной выборки на

наличие двух типов содержательных переводческих ошибок – вольностей и буквализмов.

Одной из переводческих трудностей в предложенном тексте стало выражение «I'm off to the smoke [London]». Им автор проиллюстрировал проявление механизма синекдохи, который заключается в использовании названия части объекта или его характеристики (*smoke*) вместо названия целого объекта (*London*). В данном случае для достижения адекватного перевода представляется необходимым применить прием компенсации, а компенсирующие языковые средства видится уместным позаимствовать из параллельного текста. Возможным вариантом перевода может стать фраза «поехать в Златоглавую» в значении «поехать в Москву», где название города заменено названием его характерной черты. Значительная часть студентов, в распоряжении которых были параллельные тексты, справилась с указанной переводческой трудностью, в то время как студенты, использовавшие только словарь, в основном, предложили буквальный перевод.

Результаты анализа переводческих решений студентов подтвердили гипотезу исследования и продемонстрировали, что использование параллельных текстов помогает справиться с нерегулярными переводческими трудностями и способствует достижению оптимального уровня эквивалентности между текстами оригинала и перевода.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПЕРЕВОДЕ

Дубровская Ольга Георгиевна

доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o_dubrovskaya@inbox.ru

В работе «Перевод и лингвистика» А. Д. Швейцер неоднократно отмечает, что перевод как творческий процесс подразумевает один или несколько нерегламентированных выборов, свобода которых, тем не менее, обусловлена отношениями между языками: «Любой перевод всегда регламентируется тем, что заложено в тексте оригинала, и, следовательно, в конечном счете определяется отношениями между исходным языком и языком перевода». С другой стороны, анализ переводческих решений дает основание полагать, как отмечает А. Д. Швейцер, что «в основе процесса перевода при всем его многообразии лежат какие-то общие закономерности». Соотношение субъективных факторов, обусловленных личностью переводчика (его профессионализмом в первую очередь) и объективных закономерностей, определяемых языковой системой в том числе, представляют интерес для теории перевода.

На выявление субъективных факторов, которые влияют на переводческие решения, ориентированы многие направления гуманитарного знания.

Так, А. Д. Швейцер свидетельствует о важной роли психологических факторов, а именно следующих участников коммуникативного акта: автора исходного текста, переводчика и читателя перевода. С появлением искусственного интеллекта в переводческой деятельности в научной повестке обозначилась роль когнитивного подхода, в рамках которого язык рассматривается как когнитивная способность человека наряду с памятью, вниманием и др. Сравнение результатов интеллектуальной деятельности переводчика с вариантами перевода, полученными с помощью технологий, позволит, на наш взгляд, выявить, уточнить, углубить наши знания о работе человеческого сознания по обработке информации в самом широком смысле. В этом видится актуальность предпринятого исследования, цель которого состоит в выявлении особенностей при переводе текстов субъектом-переводчиком и искусственным интеллектом.

Деятельность переводчика сосредоточивается в рамках: мира, существующего в виде событий, происходящих по воле человека, а также не зависящим от человека обстоятельствам; системы языков (оригинала и перевода); собственно текста, репрезентирующего мир как его «увидел» автор текста; интерпретирующей деятельности переводчика по восприятию, пониманию фрагмента мира и текста. Творческий подход к переводу проявляется в том, что автор текста зачастую употребляет знаки в не свойственных им значениях, а задача переводчика заключается в том, чтобы активировать компенсаторные возможности смысла в тексте: потери в одном сегменте обуславливают «приобретения» в другом. При этом, как отмечается в литературе, возможны по меньшей мере следующие варианты:

1) переводчик выводит в фокус культурное соответствие текстов оригинала и перевода (сравните переводы одного и того же произведения для адресатов из разных эпох) в ущерб его референциальной адекватности;

2) переводчик ориентируется на точное и детальное отображение денотативной ситуации (в результате чего нарушается естественность дискурса).

Предварительными итогами исследования можно считать следующие выявленные особенности:

1) целостный (холистический) подход к переводу текста переводчиком в отличие от сегментного (на уровне предложения) искусственным интеллектом;

2) активация динамических концептов переводчиком в отличие от тенденции искусственного интеллекта активировать тематические концепты.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ УРАВНИВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ НИВЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ

Золина Мария Сергеевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

masha.zolina.98@mail.ru

Традиция научного стиля представляет собой устоявшуюся систему правил организации текста, для которой характерна строгая нормированность, особый выбор языковых средств, логическая последовательность изложения, выявление причинно-следственных связей между предметами и явлениями, наличие терминологии. Нас интересуют традиции научного стиля в английском и русском языках, так как данные языковые системы существенно отличаются именно в стилистическом аспекте: русскому научному стилю в отличие от английского несвойственна эмоциональность и экспрессивность. Всё это создает почву для возникновения интерференции при переводе научных текстов с английского языка на русский, которую переводчик должен по возможности нивелировать. На наш взгляд, одним из способов нивелирования интерференции является стилистическое уравнивание, о котором говорила М. А. Никулина. Она высказала идею о том, что переводчику необходимо стилистически уравнивать текст перевода, т. е. приводить его в соответствие с традициями текста исходного языка. Данное уравнивание может осуществляться в двух отношениях: по психологическому и эстетическому воздействию на адресата и по семантико-структурным свойствам. Стилистическая интерференция относится к первому из вышеперечисленных аспектов. Кроме того, исследователь, ссылаясь на Я. И. Рецкера, полагает, что в силу различия традиций англо-американской и русской научной прозы, переводчику приходится иногда прибегать к сглаживанию стилистического приема автора. Рассмотрев такие переводческие приемы, как нейтрализация, терминологизация на примере научно-технических текстов, М. А. Никулина приходит к выводу о том, что эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата является второстепенным фактором при переводе, так как в таких типах текстов приоритетной задачей является сохранение информационной составляющей, а другие компоненты являются нерелевантными.

Материалом нашего исследования послужили оригинальные научные и научно-популярные статьи различной тематики на английском языке, их переводы на русский язык, а также непереводные статьи на русском языке. Такой подход позволяет проследить влияние текста оригинала на текст перевода и сопоставить тексты в двух ракурсах: сравнить оригинал и перевод, а также переводные и непереводные статьи, чтобы выявить источник интерференции и способы ее преодоления.

К последним следует отнести стратегию снятия образности в переводе научных текстов на русский язык, которая может проявляться в замене

авторских метафор устоявшимися, передаче фразеологизмов свободными словосочетаниями, опущении красочных сравнений, исключении прецедентных образов и интертекстуальных включений.

Таким образом, стилистическое уравнивание помогает нивелировать стилистические расхождения, неизбежно возникающие при столкновении разных традиций написания текстов.

КОНЦЕПЦИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА А. Д. ШВЕЙЦЕРА И ЯЗЫКОВАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СМИ

Калинин Андрей Юрьевич

доктор филологических наук
старший преподаватель кафедры французского языка
факультет иностранных языков и регионоведения
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
a_kalinine@mail.ru

В обширном научном наследии А. Д. Швейцера особое место занимает рефлексия о проблеме *адекватности перевода*.

Еще в эпоху, когда внимание исследователей было приковано почти исключительно к проблемам художественного перевода, в отечественных работах появляется термин *адекватный перевод*. В статьях Ф. Д. Батюшкова, А. А. Смирнова адекватный перевод рассматривался как синоним перевода *точного*, максимально приближенного к оригиналу не только в семантическом отношении, но и в плане сохранения авторского языка.

Такое понимание адекватности нашло дальнейшее развитие и в зарубежной транслатологической науке: в своей работе 1995 году Г. Тури противопоставил адекватность перевода (*adequacy*), как гипотетически максимальное соответствие оригиналу, приемлемости (*acceptability*), суть которой – в ориентации переводчика на нормы и узус переводящего языка.

Концепция адекватности перевода А. Д. Швейцера прошла определенную эволюцию. Так, уже в книге 1973 года «Перевод и лингвистика» автор обращает внимание на первичность коммуникативной функции любого перевода. Акцент, который А. Д. Швейцер всегда смещал в сторону коммуникативно-прагматической природы переводческой деятельности, делает его, пожалуй, одним из немногих крупных представителей советского переводоведения, которые сумели выйти за рамки узколингвистического подхода. Однако в дефиниции 1973 года адекватность всё еще рассматривается как свойство перевода, определяемое его соотношением с исходным текстом (точнее, выраженным в нем коммуникативным намерением отправителя).

К моменту написания своего главного переводоведческого труда «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты» А. Д. Швейцер сумел творчески переосмыслить и развить подход к определению адекватности перевода, предложенный в работах основоположников теории *Skopos*. Результатом стало положение о том, что «адекватность связана с условиями протекания межкультурного коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами».

Такое понимание адекватности имеет первостепенное значение для оценки качества межкультурного перевода (языковой локализации) произведений аудиовизуальных СМИ, в которых параметры коммуникативной, предметной и фактической ситуации предъявления переводного контента реципиентам определяют релевантность переводческих решений и, как следствие, успешность восприятия зрительской аудиторией информационных доминант.

ПЕРЕДАЧА ЯЗЫКА НАЦИОНАЛЬНЫХ И КЛАССОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГРЫ DISCO ELYSIUM FINAL CUT

Красоцкая Милана Денисовна

аспирант кафедры теории и практики иностранных языков
Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
Milana19971@yandex.ru

Актуальность данного исследования, с одной стороны, определяется необходимостью решения проблемы отражения культурного кода при переводе, поскольку отсутствует единый алгоритм передачи особенностей ломанной иностранной или диалектной речи. С другой стороны, требует решения проблема передачи просодических особенностей персонажей в письменной речи по сравнению с голосовым озвучиванием.

Основной задачей данного исследования является анализ переводческих решений при локализации национальных и классовых особенностей речи персонажей видеоигры *Disco Elysium Final Cut* (2019) с английского языка на русский, а также их передача в письменном тексте на английском языке.

Для проведения исследования использовался сравнительный анализ данных корпуса *FAYDE* в количестве 94 реплик на пять персонажей, метод словарных дефиниций, метод сплошной выборки при работе с корпусом.

Основными способами передачи говоров являются компенсация, стилизация и нейтрализация, что также справедливо для перевода диалектизмов и особенностей речи. Однако для передачи диалектов также используется калькирование.

Отметим, что в некоторых случаях переводчики *Disco Elysium* оставляли диалектизмы в неизменном виде на английском языке, например, в речи Куны используются финские ругательства. Гипотетически, это было сделано с целью сохранения самобытности персонажей. С практической точки

зрения, игрок встает на место главного персонажа игры, также не имеющего понятия о том, что было сказано.

Ни текст оригинала, ни перевод не смогли полностью отразить просодические особенности персонажей Disco Elysium: смесь азиатского и французского произношения Кима Кицураги, тягучесть и хлесткость речи Куно, акцент Головомера и т. д. Предположительно, звуковое сопровождение на английском языке помогает понять интонацию и особенности речи персонажей. Иное предположение, что это было сделано, чтобы не загружать усложненный высоким стилем текст и сделать его легким для восприятия читателя, не владеющего иностранным языком: «The semenese are powerful, mesomorphic. The former is an immutable progenitor...» – «У крепких семенинцев мезоморфный тип телосложения. Ареопагиты – предвечные прародители...».

Для девиантных форм, наиболее созвучных с русским языком, было применено калькирование: *al-gul* – *ал-гуль*. Не все особенности говоров (использование отклоняющихся грамматических форм) были сохранены в переводе, использовался прием компенсации: «Pig, why you gotta disrespect my girl?» – «Ты чё, мусор, девку мою не уважаешь?». Некоторая лексика, отражавшая род деятельности персонажа, была нейтрализована, например, в речи полицейского Кима Кицураги, что не является удачным решением, хотя и делает речь персонажа живой.

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ПЕРЕВОДЧИКИ

Куницына Евгения Юрьевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры перевода и переводоведения
факультет иностранных языков
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
kunitsyna@yandex.ru

«Богатейшая практика перевода еще ждет своего теоретического осмысления. Нами сделаны лишь первые, хотя и многообещающие, шаги в познании процесса перевода», – скажет Александр Давидович Швейцер, скажет Мастер в 1988 году. С. В. Власенко справедливо назовет это «программой действий для нас, учеников», последователей и единомышленников. И эта программа будет неуклонно претворяться в жизнь, появятся новые теории, расширяющие горизонты науки о переводе, предлагающие ответы на вопросы и выдвигающие новые. Назовем в их числе когнитивную теорию перевода, когнитивно-эвристическую модель перевода, теорию значимости как основу психонейролингвистической концепции непереводимости, коммуникативно-функциональную концепцию перевода с разработанной типологией коммуникативных ситуаций. Для автора статьи как

автора людической теории художественного перевода наследие А. Д. Швейцера особенно важно и ценно.

Опираясь на идею И. Левого о деятельности переводчика как деятельности по принятию решения и идею Д. Л. Горле о переводе как эвристической игре, А. Д. Швейцер определяет перевод как процесс поиска решения. Ученый отмечает при этом, что «“правила игры” не поддаются четкой и однозначной формулировке. Более того, далеко не всегда поддаются четкому и однозначному определению и грани допустимого в переводе. Сложность и противоречивость стоящей перед переводчиком задачи делают неопределенным число возможных исходов из каждого “состояния” в этом процессе», из чего следует, что «речь, безусловно, идет о “нечетко определенной” системе». Необходимо отметить, что еще в монографии 1973 года Александр Давидович укажет на гибкий, «гуттаперчевый» характер правил перевода, многообразие «внутриязыковых и внеязыковых факторов, определяющих переводческие решения», и противоречия, возникающие между этими факторами. Сказанное ученый резюмирует словами: «Отсутствие строго регламентированных решений привносит элемент творчества в переводческую деятельность». Таким образом, вслед за И. Левым, но задолго до выхода в свет книги Д. Л. Горле и ее характеристики перевода как «калейдоскопической непрекращающейся игры творческих способностей», советский переводовед своими размышлениями и оценками предвосхищает игровую модель перевода. Обращает на себя внимание игровая эвристика, которой отмечен переводческий дискурс А. Д. Швейцера как переводчика-синхрониста: «...Синхрон – это не только нелегкий труд, но и приносящее удовлетворение состязание в мастерстве, и, что самое главное, это – “праздник, который всегда с тобой”, переносящий тебя из атмосферы будничной повседневности в совершенно другой мир».

Александру Давидовичу Швейцеру, Мастеру Перевода, Мастеру Игры посвящается этот доклад.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПЕРЕВОД» И «ПСЕВДОПЕРЕВОД»

Масленникова Евгения Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии
факультет иностранных языков и международной коммуникации
Тверской государственный университет, Тверь, Россия
e-maslennikova@inbox.ru

1. В настоящее время существует несколько подходов к понятию «перевод». Чаще всего перевод описывают как разные виды деятельности: языковая, речевая, речемыслительная, метаязыковая. А. Д. Швейцер определяет перевод «как специфический вид речевой коммуникации, как деятельность, которая протекает на уровне речи, а не на уровне языка».

2. Существует несколько критериев, согласно которым предлагается разграничивать понятия «перевод» и «псевдоперевод». Д. Радо предлагает исходить из критерия точности перевода, выделив при этом кроме перевода как адаптации и перевода как парафразы еще три типа псевдопереводов: 1) перевод с изменением жанровой принадлежности оригинала; 2) перевод-переделка (осовременивание классики и т. п.); 3) перевод-травести как комическая версия оригинала. В. И. Карасик называет четыре вида псевдопереводов: учебный псевдоперевод, игровой псевдоперевод, протестный псевдоперевод и бытийный псевдоперевод. Игровой псевдоперевод находится на грани между имитацией стиля какого-либо автора или жанра и пародией. Протестные и бытийные псевдопереводы появляются по причине особой рецептивной стратегии, сложившейся и закрепившейся в читающем социуме в силу каких-либо обстоятельств. Например, региональные дореволюционные издания, следуя романтическим мотивам о страданиях из-за несчастной любви, активно печатали многочисленные псевдопереводы из Г. Гейне.

3. Ситуация на книжном рынке может привести к созданию псевдопереводов и переводов-мистификаций. Увлечение готическими романами А. Радклиф вызвало появление многочисленных псевдопереводов: только в России за XIX век появились 19 подобных текстов.

4. Псевдопереводом может стать текст, значительно дополненный и / или (видо)измененный переводчиком. Предупредив читателей, что он посчитал своей задачей «смягчить» повесть П. И. Мельникова «Старые годы», Б. Тейлор ориентировался на стереотипы о национально-культурной спецификации русских: например, появившийся пьяный ручной медведь вальсирует под музыку рогового оркестра.

5. Перевод как деятельность понимается как креативный процесс, когда включается личностная область переводчика, что, например, приводит к изменчивости социальных значений, заложенных в оригинале автором. Мир детского стишка «There was a crooked man...» у К. И. Чуковского приобрел иную национальную спецификацию и новых персонажей (*волки, баба, галка*). У В. Руднева стихотворный размер одной песенки Винни Пуха напоминает поэзию В. Высоцкого.

6. Часто оригинал рассматривается как возможность манипулирования текстовыми смыслами для усиления воздействия на эмоциональную сферу читателя. Первый переводчик поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» на английский язык К. Лях Ширма не только переставлял местами авторский текст, но также выдал «новое» произведение «Home Life in Russia» за текст неизвестного русского дворянина, страшщегося сибирских рудников из-за критики правительства. Благодаря В. Юровицкому, шекспировский сонет 66 обращается к «Зэкам СССР и России», а в расширенном по объему тексте упоминаются *психбольница, дурдом и лагерный строй*. В переводе В. Поплавского герои шекспировского «Гамлета» называют явление призрака *массовым гипнозом* и собираются *вступить с ним в конструктивный диалог*. С. Жатин заставил героев трагедии «Ромео и Джульетта» говорить на интерсленге

Рунета (*ржунимагу, попадос* и т. д.) и слушать «Владимирский централ». Подобная диахронно-культурологическая компенсация приводит к размыванию границ между Миром текста и реальным миром, в котором существует переводчик и читатель.

8. Когда переводчик начинает руководствоваться собственной системой установок, то вторичный текст получает качественные и ценностно-смысловые изменения. Перевод отличается от не-перевода тем, насколько полно он передает смысловую насыщенность, содержание и форму оригинала, (не) выполнением необходимых и / или предписанных эстетико-прагматических функций в системе принимающей литературы и культуры.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ АВТОР НЕПРАВ? РАБОТА С АВТОРСКИМИ ОШИБКАМИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Наумова Анастасия Васильевна

старший преподаватель
кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
stasianaumova@gmail.com

Особенности требований к литературному редактору и зачастую отсутствующий институт корректуры в норвежских издательствах становятся причиной появления ошибок и неточностей в литературных текстах, издающихся в Норвегии. Проблема авторских ошибок стоит особняком в ряду переводческих сложностей и заставляет переводчика решать, каким образом поступить с авторской ошибкой или недочетом в переводимом тексте. Сейчас, согласно редакторским требованиям и переводческой этике, переводчику не следует вносить изменения в авторский текст и исправлять ошибки, однако такая стратегия не всегда оправдана.

Собственный опыт перевода позволяет выделить следующие группы авторских ошибок:

- 1) фактические ошибки;
- 2) непроверенные и не подтвержденные фактами утверждения;
- 3) внутренние расхождения в сюжете.

Пример ошибок первой группы: *«В расписке указано, что с капитаном Жюлем Риге расплатились дважды – сначала он получил сто пятьдесят риксдалеров, а затем – сто пятьдесят золотых марок»*. Золотые марки вошли в оборот только в 1873 году, т. е. в исторический период, который описывается в романе (1699) не существовали.

Ошибки второй группы встречаются реже, но требуют от переводчика и редактора дополнительной работы по проверке фактов, приведенных в тексте. К сожалению, авторы, которым свойственны такие ошибки, склонны не опираться на проверенные факты.

В книге Сесилии Вингер «De onde gamle dager» («Злобные былые времена») рассказывается о причинах массовой детской смертности в средневековой Скандинавии: «Впрочем, данные, собранные в городе Орхус (Дания) подтверждают, что чаще всего младенцы становились жертвами преднамеренного убийства или несчастного случая». Каким именно образом данные это подтверждают, не указывается, отчего текст утрачивает достоверность.

Ошибки третьего вида представляются наиболее распространенными и встречаются у писателей, работающих с крупной формой развлекательных жанров, преимущественно, триллерами и детективными романами.

Пример ошибки третьего вида: в романе Ю. Несбё «Blodmåne» («Лунное затмение») сначала говорится, будто один из главных героев завел себе старую полицейскую собаку, которая уже вышла на пенсию. В следующей же главе утверждается, что он взял собаку еще щенком и сам выдрессировал ее. Разрабатывая стратегию работы с авторскими ошибками, переводчику следует руководствоваться тем, насколько текст выполняет свои функции. Так, большинство ошибок первой группы переводчик способен исправить самостоятельно, ошибки третьей группы целесообразнее урегулировать с автором, а работу с ошибками второй группы желательно оставить на усмотрение научного редактора или фактчекера.

ПЕРЕВОД МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ: АНАЛИЗ ПОДХОДА А. Д. ШВЕЙЦЕРА

Нецветаева Юлия Сергеевна

магистрант 2-го курса кафедры перевода и переводоведения
факультет иностранных языков
Институт филологии иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
yu.netsvetaeva@mail.ru

Научный руководитель: доктор филологических наук Е. Ю. Куницына

В рамках концепции повышения качества межъязыковой и межкультурной коммуникации в современной медиасреде, проблема перевода медиадискурса в контрастивном аспекте особенно актуальна. Применение контрастивного подхода А. Д. Швейцера позволит повысить профессиональные компетенции переводчиков и обеспечить более эффективное взаимодействие языков и культур.

С использованием методов анализа асимметрии языковых пар и контрастивного подхода были проанализированы особенности перевода медиатекстов с условием сохранения их информативного, культурологического и стилистического потенциала.

Целью работы являются анализ подхода А. Д. Швейцера к переводу медийных текстов и выявление особенностей их перевода. В ходе исследования

были проанализированы теоретическая база, методы и подходы к переводу медиатекстов.

А. Д. Швейцер одним из первых обратил внимание на то, что несмотря на языковую асимметрию различные структуры, используемые в разных языках, направлены на оказание эмоционального воздействия на читателя. Разработанный им контрастивный подход позволяет выявить, как языковые средства используются на практике и как они могут применяться в других языках. А. Д. Швейцер акцентирует внимание на том, что одни и те же конструкции могут использоваться в разных культурах по-разному. Контрастивный подход помогает выявить эти культурные различия, влияющие на стилистику и восприятие текстов.

На примере приведенных отрывков можно проследить лексическую и стилистическую разницу оригинала и перевода.

Destroyed tanks. Downed attack helicopters. Dead Russian soldiers. These stark images from Ukraine are familiar by now – I witnessed them firsthand as a journalist for nearly five months on the ground in Ukraine – and proof positive of Western-supplied weaponry's effect on Russian forces.

Уничтоженные танки. Сбитые ударные вертолеты. Мертвые солдаты. Эти суровые кадры с Украины мне знакомы, — за пять месяцев работы репортером «на земле» я видел их своими глазами — и они лишь доказывают эффективность западных поставок в борьбе против России.

Контрастивный анализ показывает, что перевод намеренно снижает силу эмоционального воздействия, не передавая специфические оттенки значения оригинала, посредством опущения некоторых лексических единиц. Однако переводчик сохраняет смысл исходного текста, лишь прибегая к его прагматической адаптации для безболезненного восприятия рецепторами носителями целевой культуры.

Основываясь на концепции А. Д. Швейцера, можно сделать вывод о том, что при переводе медиатекстов следует учитывать не только лексические и грамматические правила целевого языка, но и контекст описываемой ситуации в соответствии с социальными и культурными переменными принимающей культуры и социума. Научная разработка и практическое развитие подхода, введенного А. Д. Швейцером, к переводу медийных текстов служит основой для развития новых методов в области межкультурных коммуникаций в медиасфере.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ МЕТАФОР С ОПОРОЙ НА КОГНИТИВНЫЕ ОБРАЗЫ

Песина Светлана Андреевна

доктор филологических наук

профессор кафедры лингвистики и перевода

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

Москва, Россия

spesina@bk.ru

Метафора представляет собой мощный инструмент преобразования мира, который человек адаптирует к своим целям и задачам. Она антропоморфизирует окружающую реальность, как бы очеловечивая мир и позволяя приспосабливаться к нему.

Наиболее распространенные техники двустороннего перевода метафор включают перевод эквивалентными единицами, частично-эквивалентными (аналогами), калькированием, опущением, описаниями и буквализмами. Необходимо учитывать степень совпадения когнитивных образов, лежащих в основе исходных и результирующих переносных значений.

- Эквивалентный перевод уместен для интуитивных базовых метафор, которые часто не воспринимаются как переносы: *head of a flower, foot of a mountain, neck of a bottle, knee of a pipe, nose of a ship, a branch road, etc.* Как справедливо уточняет А. Д. Швейцер, если ограничить понятие эквивалента лишь полными эквивалентами, то выяснится, что речь идет о довольно редком явлении, которое едва ли можно считать ориентиром, помогающим переводчику понять значение окружающего контекста.

- Если мера подобия в двух языках различна, то используются техники добавления или опущения: *bubble* – мыльный пузырь, *blood pressure* – давление, *not to be a cheap skate* – не быть дешевой.

- Замены используются в случаях неполного лексического соответствия: *head of water* – давление воды, *head of a tree* – крона дерева, *a fork in the road / slip off the road* – развилка дороги, etc.

- Описательный перевод уместен, когда образные выражения одного языка малопонятны или неизвестны: человек в футляре – *a person who keeps oneself in cotton wool and is afraid of any changes*, ватник – *a narrow-minded person, who easily believes in everything he is told*.

Как следствие значительного несовпадения когнитивных картин мира носителей русского и английского языков, имеет место большое число безэквивалентных устойчивых выражений, требующих особого мастерства от переводчика, например: *there is more than one way of skinning a cat, with flying colours, a fly in the ointment, to beat about the bushes, to be a Scooby doo, to be a right cow, a snot box*. Метафоры в составе данных и подобных устойчивых выражений довольно образны, но в силу разных представлений о том, как «всё работает» в окружающей действительности, данные образы мало чем могут помочь переводчику.

Предложенный лингвокогнитивный подход к переводу метафор предполагает опору на когнитивные образы, лежащие в основе переосмысленных значений и речевого контекста. Он позволяет выявить универсальные черты в семантике естественных языков, вскрыть фундаментальные принципы формирования переносных языковых значений, обнаружить общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными.

ПЕРЕВОД СРЕДСТВ ОЦЕНОЧНОЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ С НОРВЕЖСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Пронина Анна Юрьевна

преподаватель и аспирант

кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

annpronina@bk.ru

В норвежском языке есть большое количество средств, выражающих оценочную и эмоциональную модальность, которая базируется на модальности логической, при этом в русском языке нет однозначных соответствий, призванных сохранить оттенки значений в тексте перевода.

Цель доклада – определить, какими средствами в русском языке передается оценочная и эмоциональная модальность, в норвежском выраженная модальными частицами, наречиями, порядком слов, повторением местоимения. Материалом для исследования послужила книга норвежского детского писателя Турбьёрна Эгнера и ее перевод на русский язык. В ходе работы было выявлено, что стратегия перевода подобных средств основана на выделении в средстве норвежского языка главного фрагмента значения и поиске соответствующего элемента в русском языке. Выделены некоторые соответствия:

1. Как правило, модальные частицы *vel, jo, nok, da, visst*, наречие *sikkert*, выражающие степень уверенности в высказывании и эмоциональную оценку, на русский язык переводятся с помощью частиц и вводных слов и конструкций. Ср.: *Det er visst bare du og jeg og så noen til.* – Только мы с тобой, да мама с папой, да бабушка с дедушкой, **ну, и, может быть**, ещё кое-кто. // *Kommer ikke regnet snart da?* – Да где **же** он, этот дождь? // *Det som var uheldig, var nok bare at løven var ekstra sulten akkurat den dagen.* – **Просто** день был такой неудачный – лев у нас был голодней, чем всегда.

2. В норвежском языке нередко используется повторение местоимения-подлежащего в конце предложения, чтобы это местоимение подчеркнуть. В таком случае в переводе могут использоваться такие средства, как усиительный союз, изменение порядка слов, наречие, частица, оценочная лексика. Ср.: *Det vet vel jeg også det.* – Да это **я и сам знаю**. // *Jamen jeg kommer ikke*

dit, **jeg**. – Да нет, я **ведь** никуда не пойду. // *Vi har det morsomt **vi** også.* – **Подумаешь**, мы здесь тоже веселимся.

3. Изменение порядка слов – когда на первое место в предложении ставится дополнение или наречие, а подлежащее и сказуемое меняются местами – явление нередкое. Часто употребляется и конструкция *det er*. Если причина изменения порядка слов или появления конструкции заключается не в логике повествования, а в стремлении выделить, подчеркнуть объект или наречие, на русский язык подобные предложения переводятся с восклицательным знаком или изменением порядка слов, а также с помощью наречия или частицы. Ср.: *Det tenkte jeg ikke på.* – Об этом я **как-то** не подумал. // *Å fy så svarte de er. Det er flere år siden du har vasket dem!* – Фу, до чего они чёрные! Ты же сто лет их не мыл! // *Jaså. Er det du som er røveren.* – Вот так-так! Значит, это ты у нас разбойник?

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК НОВЫЙ ВИД ПЕРЕВОДА

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Москва, Россия,
rarencо@rambler.ru

Будучи одной из древнейших практик человека, перевод постоянно находится под влиянием социальных, культурных, экономических и политических трансформаций, активно реагируя на изменения в обществе, прирастая новыми типами и видами перевода. Так, на смену толмачам приходят переводчики, наряду с переводческой деятельностью стремящиеся разработать принципы «правильного» перевода. Появившиеся в XX веке и активно развивающиеся сегодня синхронный перевод и машинный перевод стали ответом на потребности общества на перевод, с одной стороны, в формате реального времени, с другой – больших объемов информации.

Происходящие сегодня глобализационные изменения, одной из последствий которых явилась массовая миграция, затронувшая население всех континентов, вызвали к жизни новую разновидность перевода, которую мы обозначили как социальный перевод.

Вводя понятие «социальный перевод» (ср.: *community interpreting* / *коммунальный перевод* – в зарубежном переводоведении), мы подчеркиваем, что этот новый вид перевода происходит в социально осложненном контексте, его потребителями оказываются социально уязвимые члены общества – люди с ограниченными возможностями (например, глухие, слепые), мигранты и пр., использующие для коммуникации другие семиотические системы или естественные языки.

Социальный перевод, в отличие от других видов перевода, помимо языкового посредничества, призван, таким образом, способствовать интеграции в общество социально уязвимых граждан, являясь сегодня одной из речевых практик дискурса социальной гармонии.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ ПО СБОРУ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ ТЕКСТОВ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Семенова Мария Олеговна

преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mariaurahara@mail.ru

Одним из критериев при передаче фрагментов текста с проявлениями интертекстуальности — соотношение одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов, обеспечивающее превращение смысла в заданный автором — в переводе является степень узнаваемости отсылки реципиентом. Этот «показатель узнаваемости» или «индекс известности» можно установить благодаря аналитической выкладке таких сервисов как Yandex Wordstat или Google Trends. Задавая поиск по ключевым словам через такие приложения можно ознакомиться с частотностью их запрашивания в глобальной сети, что уже даст определенное представление о распространенности аллюзии в том или ином ареале в зависимости от выборки. В качестве примера можно рассмотреть фрагменты с аллюзиями из произведений П. Г. Вудхауса, так как именно на этих проявлениях интертекстуальности выстраивается вся постирония общения главных героев.

Таблица 1

Эмоциональная окраска фрагментов текста по сентимент-анализу

Текст оригинала (английский)	Перевод текста №1 (русский)	Перевод текста №2 (русский)	Оценка перевода	Оценка оригинала SA(I)	Оценка перевода SA(II)
I mean, it gave you some idea of what it must have been like during the French Revolution	В том смысле, что сразу стало понятно, как было дело во время Французской революции	Я имею в виду, теперь я осознал весь кошмар Великой французской революции	0	0	-1

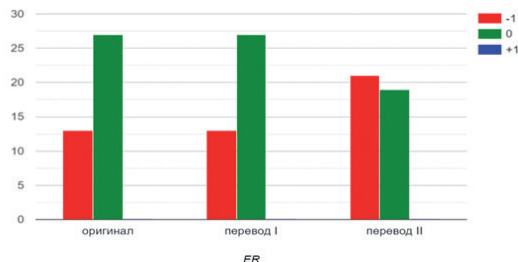

Рис. 1. Респондентская оценка эмоциональной реакции

а) *Известность источника*

Данная аллюзия отсылает читателя к Французской революции, крупнейшей насильственной трансформации социальной и политической системы Франции. О Французской революции знает каждый образованный человек, Yandex Wordstat показал 112 666 запросов по этому словосочетанию.

б) *Соотнесение переводов по теории уровней эквивалентности*

Первый перевод выполнен на уровне структуры высказывания, второй на уровне описания ситуации. Учитывая известность источника, максимально приближенный к тексту оригиналу перевод кажется реализованным на четвертом и пятом уровнях эквивалентности.

с) *Анализ используемых в переводе трансформаций в рамках той или иной стратегии*

В первом переводе используется такая грамматическая трансформация, как замена типа предложения с определенно-личного на безличное: «I mean» в оригинальном тексте заменяется на «в том смысле...». Во втором переводе используется денотативное преобразование, так как описывается иная предметная ситуация.

д) *Соотнесение эмоциональной реакции читателей по веб-приложению и по опросу респондентов*

В случае, когда известность источника достаточно высока, сопоставление по теории уровней эквивалентности чаще всего находит подтверждение в сентимент-анализе, а сентимент-анализ в опросе респондентов: $SA(0)=SA(I)=0$.

Вывод. Перевод данной исторической аллюзии лучше выполнен на уровне структуры высказывания.

Анализ проводился на основе разработанного им мультифакторного алгоритма, включающего оценку таких категорий, как тип аллюзии, ее референциональная составляющая, эмоциональный потенциал, присутствие объекта референции в культурном коде носителей языка оригинала и перевода, реализованный в переводе уровень эквивалентности, степень передачи прагматической составляющей.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭРГОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ УЧЕТ В ПЕРЕВОДЕ

Ударова Наталия Игоревна

старший преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
n.udarova@gmail.com

В докладе рассмотрены особенности функционирования эргонимических единиц в английском и русском языках. Поднимается вопрос о необходимости учета при переводе расхождений в частотности употребления приложений с именами собственными, в частности, с названиями компаний и организаций (эргонимами) в информационных текстах в английском и русском языках. Пренебрежение количественным аспектом использования тех или иных единиц приводит к стилистическим нарушениям и, соответственно, отрицательно сказывается на качестве переводимого текста в целом. Высказывается утверждение, что для информационных текстов в русском языке употребление эргонимов в сопровождении с приложениями более характерно, чем для информационных текстов в английском языке, где эти же единицы при первом употреблении могут поясняться с помощью приложений, тогда как при повторном упоминании приложения опускаются. Для проверки данного предположения было проведено статистическое исследование: подобран корпус англо- и русскоязычных информационных текстов и выделены типичные модели, по которым строятся эргонимы в английском и русском языках; на следующем этапе встретившиеся в корпусе текстов эргонимы были распределены по группам в зависимости от модели, затем их количество было подсчитано. Согласно подсчетам в русском языке модель «1) приложение 2) эргоним» оказывается более частотна, чем в английском языке. Кроме того, как и предполагалось, употребление эргонима без приложения более характерно для английского языка. Таким образом, делается вывод о том, что при переводе с русского языка на английский лишние приложения необходимо опускать, либо делать выбор в пользу приложений, более характерных для оригинальных английских текстов, о которых будет сказано. В то же время при переводе с английского на русский язык возможно вводить в текст дополнительные приложения, часто встречающиеся в оригинальных русскоязычных текстах. Также будет приведен ряд их рекомендаций, связанных с употреблением приложений, которые призваны повысить качество переводимого текста и приблизить его к сопоставимым текстам на английском языке.

RETRANSLATION THEORY: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИМЕНЕНИЕ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТОВ

Яковенко Екатерина Борисовна

доктор филологических наук, доцент
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
yakovenko_k@rambler.ru

А. Д. Швейцер, изучая связь переводоведения с другими отраслями языкознания, указывал, что соотношение теории перевода и контрастивной лингвистики характеризуется двумя противоположными тенденциями: утверждением автономии той и другой отрасли и усилением взаимодействия между ними. Сказанное остается справедливым и на сегодняшний день: методы контрастивного анализа находят широкое применение в исследовании переводов одного и того же текста, рассматриваемых по отношению к оригиналу и друг к другу. Это предопределило появление такого направления в переводоведческих исследованиях, как *retranslation theory*. Соответствующие русские термины «теория повторного перевода», «теория множественного перевода» и т. п., не отражающие сути данного направления, кажутся нам неприемлемыми, и мы вынуждены использовать английский термин, также не являющийся оригинальным: соответствующий французский термин *retraduction* был впервые предложен А. Берманом в 1990 году.

На рубеже XX–XXI веков в рамках переводческих исследований появились работы, посвященные анализу переводов одного и того же произведения, выполненные в разные периоды времени на один или разные языки с использованием разных переводческих принципов. Эти исследования, имевшие первоначально разрозненный характер, оформились впоследствии в *retranslation theory*. Эта теория, выросшая из контрастивного анализа оригинальных произведений и их множественных переводов, исследует, безусловно, не только корреляцию тех и других. В задачи теории входит изучение эволюции переводов одного произведения, влияния экстралингвистических факторов, влияющих на характер перевода, личных предпочтений переводчиков, влияние гендера на перевод, разработка переводов как мультимодальных текстов и т. д. На настоящее время в теории выработан ряд постулатов, среди которых следует отметить следующие:

1. Любой перевод неизбежно устаревает со временем в силу изменений, происходящих в языке, и развития новых подходов и требований к переводу.

2. Переводы одного и того же произведения соотносятся друг с другом как варианты; при этом инварианта – перевода, стоящего над другими и способного рассматриваться как образец, – не существует.

3. В ряду переводов одного и того же произведения наиболее ранний перевод оказывается наиболее точным, тогда как все последующие переводы всё более отдаляются от оригинала. Этот постулат, представляющий

нам спорным, требует внимательного рассмотрения и проверки с позиций различных теорий эквивалентности.

Retranslation theory находит применение в исследованиях множественных переводов прецедентных, в первую очередь сакральных текстов (Библии, Корана), классической и популярной литературы. В докладе показывается, как постулаты теории могут быть использованы в контрастивных исследованиях библейских переводов, переводов пушкинского «Лукоморья» на европейские языки и «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла на германские языки.

СЕКЦИЯ 6

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ВАРЬИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ

НОРМИРОВАНИЕ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ: КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ И РЕВИТАЛИСТОВ

Германова Наталья Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

В настоящем докладе речь пойдет о конфликте между «традиционалистами» и «ревиталистами», актуальном для современных миноритарных языков. Он возникает тогда, когда между речевой практикой традиционных носителей языка и представителей молодого поколения, изучающих миноритарный язык в школе, возникает существенное различие, что ставит под вопрос легитимность языковой практики «новых говорящих». Подобного рода ситуации представляют несомненный интерес для социолингвистики, проблемная зона которой охватывает как различные типы варьирования языков, так и практику языкового строительства и стоящие за ней языковые «идеологии».

На первый взгляд, пуристическое стремление сохранить «подлинность» языка должно приводить к ориентации нормализаторов на языковую практику старшего поколения. Однако ситуация может оказаться менее однозначной. В качестве примера можно сослаться на проблемы, возникающие в связи с нормированием мэнского языка. В среде нормализаторов и носителей мэнского языка сложилось два лагеря: «традиционалисты» – сторонники ориентации на традиционный мэнский язык и «ревитализаторы» – сторонники пуристической «чистки» этого языка. Стремление последних акцентировать «кельтскую идентичность» мэнского языка приводит не к ориентации на языковую практику прошлых эпох (ставшую более доступной благодаря размещению в Ютубе Библии на мэнском языке и аудиозаписей последних носителей этого языка), но, напротив, к ее критике, поскольку она представляется пуристам слишком англизированной. Это приводит к появлению неологизмов, например, *corrán buigh* (букв. 'желтый полумесяц') вместо *banana*, и к модификации тех кельтских слов, которые воспринимаются как слишком англизированные. Аналогичные дискуссии возникают и вокруг других миноритарных языков, что доказывает социальную и культурную значимость данного типа языкового варьирования и необходимость его изучения.

ВИД ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ: ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Дренясова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nedcent@yandex.ru

Проблеме вариативности в языке уделено большое внимание в работах А. Д. Швейцера с основным акцентом на вариативность при социальной дифференциации языка. Однако языковая вариативность как фундаментальное свойство языка и способ функционирования его единиц свойственна и грамматике. Особенности фактора грамматической семантики в процессе грамматического варьирования рассматриваются на примере системы выражения видовых значений в нидерландском языке в сопоставлении с близкородственными языками – немецким и английским.

Так, категория вида как одна из наиболее сложных и противоречивых глагольных категорий, не представлена в германских языках, поскольку не имеет непосредственного грамматического выражения и находит другие способы опосредствованного выражения на морфологическом и преморфологическом уровне.

Понятие характера протекания действия как обобщенное грамматическое значение категории вида распадается на несколько оттенков данного значения, при этом наибольшую частотность показывают значения длительности и результативности / завершенности глагольного действия. Генетически у нидерландского, английского и немецкого языков имелись общегерманские модели именных глагольных форм – причастий настоящего и прошедшего времени, получивших в ходе развития языков свои специфические черты в соответствии с закономерностями развития каждого языка.

В результате эволюционного развития нидерландский, немецкий и английский языки в настоящее время представляют собой похожие, но неодинаковые по степени опосредствованного выражения грамматического значения глагольного вида ареалы функционирования форм перфекта, в образовании которого участвует причастие прошедшего времени. Если в нидерландском языке формы перфекта рассматриваются как видо-временные или совершенное время, что отражается и в традиционной грамматической терминологии (*voltooid* / *onvoltooid*), то в немецком языке видовое значение форм перфекта сохраняется как «синтагматический оттенок значения перфекта, оживающий в определенных контекстах», в английском языке видовой категориальный признак трансформировался в категориальный признак «временной отнесенности».

Другое развитие получило в германских языках причастие настоящего времени, выражающее видовое значение длительности действия.

В современном нидерландском языке видовые сочетания *zijn* + причастие настоящего времени, например: *zijn* + *doende*, *gaande*, *hangende* относятся к частотным устойчивым грамматизованным словосочетаниям с дуративным значением на стадии преморфологизации, что не характерно для немецкого языка. При этом в английском языке, наоборот, форма причастия настоящего времени, изменив окончание с *-ende* на *-ing*, превратилась в систему форм, выражающих длительное время (Continuous).

Таким образом, близкородственные германские языки благодаря специфике своего развития в разной степени активизируют опосредованное выражение категории глагольного вида.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ЯЗЫК В БЕЛЬГИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Коломиец Наталья Анатольевна

старший преподаватель
кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
na.kolomiets@gmail.com

В 1960-е годы бельгийские (фламандские) лингвисты обратили внимание на распространение языковой вариативности на территории Фландрии. Эта вариативность не относилась ни к диалектам, ни к литературному нидерландскому языку. Для того исторического периода были характерны попытки лингвистов и представителей сферы образования продвинуть северно-нидерландский литературный язык во Фландрии, что привело только к дальнейшему усилению новой языковой вариативности, изначально получившей название *Schoon Vlaams* (красивый фламандский) – термин, который был введен в 2000 году лингвистом Гоосенс. Новая вариативность складывалась из диалектов, заимствований из французского языка, как лексических, так и грамматических, архаизмов, пуризмов. Так, Дебрабандере описывает промежуточный язык как «амальгама диалекта, регионального языка, пуризмов, анахронизмов и переведенных слов и конструкций с французского языка».

Современная форма промежуточного языка (*tussentaal*) получает все большее распространение, постепенно замещает диалекты и становится родным языком, хотя большинство фламандцев, говорящих на промежуточном языке, владеют также и литературной нормой. Главное отличие современной формы промежуточного языка от формы 1960-х годов – это уменьшение доли архаизмов и пуризмов на фоне присутствия французских заимствований.

Французские заимствования:

- *autostrade* (BN) – *autoweg* (NN) (*автомагистраль*);
- *Haar nieuwe hobby kost duur* (BN). – *Haar nieuwe hobby is duur, kost veel*.

Внутри промежуточного языка существует также вариативность. Бельгийский исследователь Виллемейнс считает, что промежуточный язык с брабантскими элементами оказывает значительное влияние на промежуточный язык в других фламандских регионах. Это связано с историческим развитием брабантских диалектов, интерференция которых в других диалекты способствовала формированию основы литературного языка. Брабантские диалекты преимущественно распространены на территории провинций Антверпен и Фламандский Брабант. Благодаря центральному положению и экономическому процветанию крупных городов Антверпена и Брюсселя, Брабант смог дать своему диалекту наиболее «престижный» статус. Также интерференция брабантских элементов объясняется более высокой плотностью населения Брабанта по сравнению, например, с Лимбургом, что повышает вероятность проникновения речи с брабантскими характерными чертами в СМИ и дальнейшего распространения этих элементов по всей территории Фландрии. Диалекты регионов вокруг Брюсселя, Левена и Антверпена оказывают наибольшее влияние на формирование промежуточного языка.

Представим некоторые элементы промежуточного языка с брабантской окраской, получившие практически повсеместное распространение на территории Фландрии:

- артикль *ne* (*nen*) вместо стандартного *-een* для существительных муж. р.: *nen beer* – медведь;
- использование диминутивного суффикса *-ke*: *stoeleke* – стульчик;
- определенные лексемы: *pataat* – *aardappel* – картошка, *hesp* – *ham* – ветчина, *pinnekesdraad* – *prikkeldraad* – колючая проволока.

В промежуточном языке представлены комбинации диалектных элементов и элементов стандартного нидерландского языка.

Диалектные черты:

- опущение начальной фонемы *h* (*hier*), конечной фонемы *t* (*dat*, *niet*, *moet*).
- для промежуточного языка Восточной Фландрии характерно спряжение отрицательной частицы *geen* (*Dat trekt op genen bal* – *Dat lijkt nergens op* – Никуда не годится, спряжение модального глагола 2-го л., ед. ч.: *kunnen* – *kunde jij?* – *kan jij?* (NN);

Изучение промежуточного языка позволяет сформулировать особый взгляд на развитие языковой вариативности во Фландрии, где наблюдаются тенденции к ослаблению литературной нормы в СМИ и в повседневном общении.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ГОРОДОВ И СТРАН В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Немцева Анастасия Алексеевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры германской и кельтской филологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
anastdansk@yandex.ru

Вариативность наименования некоторых стран, городов, а также национальностей вызвано предпочтением носителями языка или официальными органами страны эндонимов (названия, которые используются местным населением) или экзонимов (названия, которые не используются местным населением, но функционируют в ряде языков), что неразрывно связано с выражением отношения к стране / городу / народу, а также с понятием политкорректности.

Вариативность названий стран в датском языке затрагивает главным образом такие страны, как Белоруссия, Молдавия, Киргизия, Грузия и др.

Белоруссия традиционно переводилась на датский язык как *Hviderusland* (*hvid* – белый), но 18 марта 2021 года МИД Дании постановил, что страна во всех официальных документах должна называться *Belarus*. По мнению министра иностранных дел Йенне Кофода, «det er på tide, at vi benytter den betegnelse, som efterspørges fra det belarusiske civilsamfund og befolkning» (пора использовать то название, которое предпочитают белорусское гражданское общество и население Белоруссии). Дания в данном вопросе последовала примеру Швеции и Германии – стран, в языках которых Белоруссия тоже раньше переводилась (*Vitryssland*, *Weißrussland*). Власти Норвегии переименовали Белоруссию в норвежском языке в *Belarus* спустя год, т. е. в 2022 году. Переименование поставило перед носителями датского языка проблему названия национальности. Была введена форма *belaruser* (белорус), что по правилам датского языка должно читаться с долгой *u*, но датчане продолжают произносить это существительное как *belarusser*, то есть с кратким гласным. То же самое наблюдается и в норвежском языке.

Вариативность встречается в датском языке и в написании некоторых городов. Так, Киев имеет несколько форм: *Kiev*, *Kijev*, *Kyiv*, *Kijiv*. Датская языковая комиссия рекомендует написание *Kyiv*, которое наиболее близко к украинскому языку. Однако, как отмечает Т. Оландер, произношение этого города всё равно остается *Kiev*. Стоит отметить, что в датском языке не всегда имеет место тенденция к употреблению эндонимов вместо экзонимов. Например, Гренландия – типичный пример экзонима.

Наименование национальностей связано не столько с позицией МИДа, сколько в целом с понятием политкорректности. Например, в датском языке непolitкорректным считается называть коренное население Гренландии *eskimo*. Правильным является *inuit*. До 2000-х годов в датском языке

принято было название *cigøjner* (а ранее до этого – *tatere*), но сейчас корректным является только наименование *roma*. Интересно также, что до середины 1980-х годов мусульман в датском языке называли *muhamedanere*, что сейчас является неприемлемым.

В целом можно сделать вывод о том, что в Дании следуют предписаниям Группы экспертов ООН по географическим названиям (UNGEGN) с 2002 года о предпочтительным использовании эндонимов при наименовании стран, городов и национальностей.

СВЯЗЬ НОРМАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ В XVI ВЕКЕ

Разумова Лина Васильевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры европейских языков
факультет теоретической и прикладной лингвистики
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
lina.razumova@mail.ru

Разрабатываемая в XVI веке концепция языковой нормы имеет *практическую направленность* – с одной стороны, предпринимаемые меры направлены на повышение качества французского языка как лучшего языкового образца в ряду всех диалектных форм; с другой – усилия французских грамматистов XVI века направлены на распространение и усвоение населением этого разрабатываемого качественного узуса. Основным дидактическим средством для достижения этих двух целей выступают в XVI веке педагогические грамматики.

На территории Бельгии эта практическая направленность отражена в 1) *грамматиках ФЯ как иностранного*, изучаемого преимущественно во Фландрии, Нидерландах и западной Германии, и 2) *грамматиках ФЯ как родного*, изучаемого в Валлонии.

Оценивая вклад бельгийских грамматистов XVI века в нормирование французского языка, укажем на несомненную общность их нормализаторских установок с нормализаторскими установками французских грамматистов. Эта общность обеспечивается, с одной стороны, следованием единой латинской традиции в описании французского языка; с другой – хорошим знанием бельгийскими грамматистами аналогичных работ французских авторов. Данные факторы – общность нормализаторских установок и знание дидактических описаний ФЯ, разрабатываемых во Франции, – позволяют причислить бельгийские грамматики не к периферийным, имеющим зачастую лишь региональное значение и распространение, а к центральным кодифицирующим работам, посвященным французскому языку. Об этом говорит и тот факт, что многие бельгийские грамматики широко использовались

в процессе обучения в самой Франции в XVI веке и позже. Подчеркнем также, что дидактическая ориентированность целого ряда бельгийских работ на изучение французского языка как иностранного выводит бельгийские грамматики в число ведущих в процессе распространения разрабатываемого единого нормируемого узуса французского языка за рубежом.

Красота и богатство средств языкового выражения, присущие диалектам, не ставились в это время под сомнение. Они рассматривались как важнейший источник пополнения нормативного образца, способствуя расширению его функциональной значимости и, тем самым, укреплению его статуса в обществе. По отношению к категориям, которые используются Платоном, а в дальнейшем – и Аристотелем в оценке человеческих действий, языковая норма XVI века вписывается в категорию «*to kairon* – то, что уместно, хорошо, благоприятно, целесообразно делать». Таким образом, социальная значимость использования нормативной формы речи носителями языка определяется моральными категориями *блага, благоразумия, целесообразности*. Оцененная таким образом, языковая норма французского языка в XVI веке выступает как норма *объективная*, не регулируемая какими-либо законодательными прескриптивными законами и официальными документами. Многочисленные французские и бельгийские грамматики французского языка этого периода являются сугубо авторским видением нормативного устройства ФЯ.

СТАТУС КОНТАКТНЫХ ВАРИАНТОВ СЛОВ В ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Уварова Юлия Павловна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческий факультет
Московский государственный лингвистический университет
аспирант кафедры славянской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
uvarova.junior@icloud.com

В современной науке контактная лингвистика является молодым и перспективным направлением, активно развивающимся, в том числе на материале славянских языков. При этом в национальных лингвистиках могут возникать особые аспекты исследования, обусловленные спецификой языковой ситуации в отдельных странах. Так, в Чехословакии еще в период существования совместного государства чехов и словаков А. Едличкой было выявлено специфическое явление – функционирование в обоих языках контактных вариантов слов. В дальнейшем проблематика контактных вариантов слов разрабатывалась в работах других чешских и словацких лингвистов.

Наиболее развернутую характеристику контактных вариантов слов дает В. Будовичова, которая определяет контактные варианты слов как часто повторяющиеся отклонения от языковой нормы или повторяющиеся ошибки, возникшие в результате контактов рассматриваемых языков, а также синонимы существующих слов с определенными стилистическими признаками, которые с точки зрения языковой системы находятся на ее периферии.

При этом ситуация в чешской и словацкой лингвистиках различается. Это связано с отношением к проникновению контактных вариантов в литературный язык: в чешской лингвистике этому уделяется меньше внимания, чем в словацкой, а возникающие исследования, например, Кветославы Мусиловой подтверждают, что словакизмы со временем не только не вытесняются на периферию, но даже начинают использоваться чаще. Обратная ситуация наблюдается в словацкой лингвистике, где чешские контактные варианты вытесняются из словарей и их использование осуждается даже в интернет-пространстве (см. исследование Мартыны Газдиковой). Лингвисты в обеих странах, однако, не стремились выявить формальные показатели контактных вариантов слов, руководствуясь главным образом языковым чутьем и субъективным восприятием того или иного слова как контактного варианта. Нами была предпринята попытка формализовать статус контактных вариантов слов в каждом языке. В исследовании статуса контактных вариантов слов мы опираемся на словарные пометы и корпуса обоих исследуемых языков.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Чекалина Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой германской и кельтской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
etch1@yandex.ru

Вариативность грамматических средств находит проявление в системе, норме и узусе современного шведского языка.

В грамматической системе это проявляется в двух способах выражения пассивного залога. Пассив на *-s* выражает объективно-абстрактный процесс, чаще всего при неодушевленном пациенте, в то время как результативная аналитическая конструкция с глаголом *bli* и причастием 2 употребляется обычно при пациенте-лице и имеет субъективно-конкретный характер, предполагающий указание на время и место действия.

Литературная норма допускает употребление слабой формы прилагательного с окончанием мужского рода *-e*, который расширил семантические

функции, став показателем одушевленности существительных: *den uppmärksamme läsaren* – внимательный читатель; *den optiska läsaren* – оптический сканер, а также семантического общего рода при субстантивации: *den sjuke* – больной, *den dömd* – осужденный и др. как о мужчине, так и о человеке вообще.

Допускается также спряжение ряда глаголов по сильному или слабому типу для разграничения лексико-семантических вариантов по линии переходности (сильное спряжение) / переходности (слабое спряжение): *frysa* – мерзнуть / замораживать, *smälta* – таять / растапливать.

В разговорной речи устойчиво бытует не включенная в литературную норму форма причастия 1 с конечным -s, которая употребляется в адвербиальных функциях, а также перфективно-результативная конструкция с «двойным» супином в модальных предикатах с формами плюсквамперфекта.

СЕКЦИЯ 7

СТИЛЬ, ЖАНР, ТИП ТЕКСТА: К ПОИСКУ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ОСНОВНОЙ ЗАКОН» И «КОНСТИТУЦИЯ» В ДАТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЯХ

Авакова Юлия Михайловна

старший преподаватель
кафедры языков стран Северной Европы и Балтии
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел России, Москва
mp-july@yandex.ru

В рамках исследования был проведен анализ двух терминов, широко используемых в датских текстах общественно-политической и юридической направленности: *grundlov* (основной закон) и *forfatning* (конституция), их семантических полей и сфер их употребления. Следует отметить, что у обоих датских терминов есть прямые соответствия в русском языке, однако, при ближайшем рассмотрении выявляется целый ряд существенных различий в словоупотреблении. Ряд таких отличий обусловлен особенностями исторического и правового развития Дании и России.

Данное исследование имеет особую актуальность в виду того, что в конце апреля 2023 года исполнительный орган власти Гренландии, находящейся в составе Королевства Дания на правах автономии, представил проект конституции Гренландии, вставшей на путь самоопределения. Использование в публикациях обоих терминов в отношении одного и того же документа дает основания полагать, что подобный выбор является далеко не случайным и коррелирует с мнением авторов по поводу перспектив гренландской государственности.

Цель исследования – установление содержания датских терминов *grundlov* и *forfatning*, их соотношения как родового и видового понятий, а также и прослеживание логики их употребления.

Для достижения поставленной цели необходимо осуществление задач, к которым относятся следующие:

- 1) изучение подходов обеих правовых систем к классификации источников права и к определению статуса конституции как таковой;
- 2) изучение конкретных примеров употребления обоих терминов в датском языке на примере текстов общественно-политического и юридического характера;
- 3) установление объема обоих понятий в датском языке;
- 4) установление объема сходных понятий в русском языке;
- 5) выявление различий, имеющих значение для осуществления адекватного перевода.

Иллюстративный языковой материал был подобран с использованием толковых и двуязычных словарей, материалов ведущих датских и гренландских СМИ, аналитических статей на общественно-политическую и юридическую тематику, а также научных статей юридической направленности.

ПЕРЕВОД ОБЩЕНАУЧНЫХ И УЗКОСПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ С ПЕРСИДСКОГО НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Билинский Евгений Александрович

преподаватель кафедры английского языка как второго
переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bilevg@yandex.ru

В данном докладе проводится анализ того, какие префиксы используются при образовании терминов в современном персидском языке для передачи отрицательных значений. В частности, рассматриваются термины, как общенаучной терминологии, так и узкоспециальной. При переводе на русский и английский языки общенаучная и узкоспециальная персидская терминология может вызывать проблемы перевода. В докладе разбираются примеры терминов, образованных посредством отрицательных префиксов *غیر* – [qeyr] – (букв. 'не-', 'без-'); *نا* – [na] – (букв. 'не-'); *هیچ* – [hich] – (букв. 'никакой'); *شبه* – [shabh] – (букв. 'псевдо-').

В современных условиях широкого и активного развития контактов Российской Федерации с Ираном проблема перевода в языковых парах «персидский – русский» и «персидский – английский» приобретает большое значение. При этом Академия персидского языка и литературы ИРИ, занимающаяся сохранением чистоты языка от западных и арабских заимствований, продолжает заменять заимствованные термины во всех областях науки.

Объект исследования: образованные посредством отрицательных префиксов общенаучные и узкоспециальные персидские термины в сфере информационных технологий.

Предмет исследования: перевод персидских терминов, образованных посредством отрицательных префиксов, на русский и английский языки.

Цель исследования: выявление проблем, которые могут возникнуть при переводе вышеупомянутых терминов с персидского на русский и английский языки.

Задачи исследования: составить базу образованных посредством отрицательных префиксов общенаучных и узкоспециальных персидских терминов в сфере информационных технологий; проанализировать проблемы перевода данных терминов на русский и английский языки.

Методы исследования: теоретический анализ литературных источников по теме исследования; лингвистический анализ образованных с помощью отрицательных префиксов персидских терминов в сфере информационных технологий.

В работе обосновывается актуальность лингвистического изучения персидских терминов, образованных посредством отрицательных префиксов; приводятся примеры терминов; осуществляется поиск эквивалентных терминов в русском и английском языках; выявляются основные проблемы, с которым может столкнуться переводчик при поиске эквивалентов.

Современные общенаучные и узкоспециальные персидские термины, образованные посредством отрицательных префиксов, способны создать множество проблем при переводе: довольно понятные в персидском языке префиксы со схожим значением не-, без- при передаче на русский или английский языки часто требуют использования терминов, в которых отрицание выражается имплицитно (например, فلزها شبه – [shabhefelezhha] (букв. ‘псевдометаллы’) – metalloids – металлоиды).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЛИЦИТНОГО ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ (на примере «Лев Майсура» В. Л. Крашенинникова и «Staying on» П. Скотта)

Бутенко Татьяна Владимировна

старший преподаватель
кафедра фонетики и лексики английского языка
Институт иностранных языков имени В. Д. Аракина
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
tv.butenko@mpgu.su

Кузина Марина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики и лексики английского языка
Институт иностранных языков имени В. Д. Аракина
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
ma.kuzina@mpgu.su

При обращении в художественных произведениях к эпохе, предшествующей установлению Британского Раджа (1858–1947), англо- и русскоязычными авторами задействуются заимствования с национально-культурным компонентом значения. Стратегии их доместизации в русско- и англоязычном тексте значительно отличаются. В. Л. Крашенинников в романе «Лев Майсура» (1971) поясняет значения «малоизвестных слов, выражений, географических названий и имен» (около 150 единиц) во внетекстовом

гlossарии. П. Скотт вводит в текст романа «Остаться до конца» (1977) более 100 заимствований из автохтонных языков Индийского Субконтинента при помощи поясняющего контекста, авторского развернутого комментария, однословного переводческого эквивалента. Явление «переключения кодов» в двух романах нерегулярно получает авторский комментарий: «Tomorrow if he asks for it you will say, *nai malum baksh*».

Авторы задействуют спектр стилистических средств, включая эксплицитное образное сравнение (далее ЭОС). Минимальный состав ЭОС представлен агентом (тем, что сравнивается), модулем (эксплицитно выраженным сравнением), референтом (тем, с чем сравнивается) (по терминологии С. М. Мезенина). Все многообразие ЭОС в историческом романе классифицируется на основании структуры, семантики агента, семантики референта, частоты воспроизводимости, выполняемых в тексте функций. Этноспецифический компонент ЭОС выражается либо референтом, представленным заимствованием из автохтонных языков Южной Азии (*maharaja* – махараджа, *shaitan* – шайтан и др.), либо референтом, представленным заимствованием из других языков-доноров, которое служит для обозначения реалий постколониального пространства (*elephant* – слон и др.)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ПОНЯТИЯ «КАРТИНА МИРА» И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ГУМБОЛЬДТИАНСКОГО ТЕРМИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Верещагина Ника Васильевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nik.verechagina@yandex.ru

Междисциплинарный характер понятия «картина мира» во многом определяет трудности в выборе эквивалента при переводе термина с одного языка на другой. Понятие *картина мира* в современной мировой лингвистике интерпретируется разнообразно, и при этом не всегда трактовки термина развивают исходную позицию В. фон Гумбольдта, впервые методологически обосновавшего разграничение *картины мира* и *промежуточного мира* понятий в рамках языковой деятельности индивида.

Различные терминологические системы используются не только для интерпретации определенного научного объекта – на их базе устанавливаются общие и специфичные для национальных школ историографические языковедческие тенденции. Своеобразное преломление получают эти идеи и во французской этнолингвистике, в которой популярны концепции, основанные на понимании картины мира как способа внедрения языка в действительность. При этом важно установить различия в содержании

терминов, которые используются французскими лингвистами как эквиваленты немецкого оригинала, и понять причины такого их употребления.

А.-М. Шаброль-Серетини подчеркивает, что лингвистика обязана Гумбольдту понятием *Weltansicht*, которое переводится на французский язык как *vision du monde* «картина мира». Автор подчеркивает, что за регулярными упоминаниями понятия *картина мира*, как правило, скрывается недостаток знаний о концепции, о ее месте в теории языка Гумбольдта, о ее значении для современной лингвистики и ее актуальности. Поэтому на современном этапе, с одной стороны, важно акцентировать исходное гумбольдтианское понятие *картина мира*, обозначающее восприятие мира, организованное определенным языком; с другой стороны, проследить историю трансформации этого понятия и попытаться проанализировать его эквиваленты на французском языке.

Таким образом, во-первых, французские исследователи утверждают, что в современной науке понятие «картина мира» стало междисциплинарным. Отсутствие точного определения картины мира в исходных текстах В. фон Гумбольдта, породившее теоретическую неоднозначность понятия и определившее его междисциплинарный характер, вызывает трудность перевода гумбольдтианского термина на французский язык.

Во-вторых, предлагается разграничивать разные термины для обозначения, соотносимого с гумбольдтианским понятием картины мира, рассматривая его, по сути, как зонтичный термин. Так, в собственно гумбольдтианском смысле предлагается использовать *vision du monde*; выбор других вариантов – *vue* и *conception du monde* – обуславливается сферой использования термина.

ВКЛАД А. Д. ШВЕЙЦЕРА В КОНТРАСТИВНУЮ СТИЛИСТИКУ

Григорьева Любовь Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
liubov.n.grigorieva@gmail.com

Контрастивная лингвистика представляет собой на нынешнем этапе развития языкознания самостоятельную дисциплину, входящую на равных правах с остальными сопоставительными лингвистическими дисциплинами в такую отрасль филологии, как компаративистика.

При этом сама контрастивная лингвистика внутренне неоднородна, и в ней могут быть в свою очередь выделены отдельные дисциплины, как например, контрастивная фонетика, грамматика, лексикология, фразеология, лингвистика текста, а также контрастивная или сопоставительная стилистика.

Следует отметить, что именно с сопоставительной стилистики и началось формирование современной контрастивной лингвистики. Так, Шарль Балли в своей «Французской стилистике», признав приоритет синхронной лингвистики и изменив таким образом вслед за Ф. де Соссюром парадигму изучения языка, сформулировал новую концепцию стилистики и методов ее изучения, а также одним из первых указал в перспективе на необходимость сопоставительного изучения языков, где, по его мнению, есть возможность открытия новых исследовательских горизонтов.

Данная идея Балли была подхвачена отечественными лингвистами и получила свое продолжение в работах А. В. Федорова («Очерки общей и сопоставительной стилистики»), В. Г. Гака («Сопоставительная лексикология»), К. А. Долинина («Стилистика французского языка»), Ю. С. Степанова («Французская стилистика в сравнении с русской»), Н. К. Гарбовского («Сопоставительная стилистика профессиональной речи: на материале русского и французского языков»), в том числе и в работах А. Д. Швейцера, а именно в первую очередь в его книге «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках (из лингвистического наследия)», переизданной в 2012 году.

А. Д. Швейцер заложил методы и основные принципы контрастивно-стилистического анализа в сфере функциональных стилей, которые можно свести к следующим: вероятностные статистические признаки; эталон сопоставления; коммуникативные сферы; социальные нормы и ролевые ожидания; функциональные параметры и стилевые черты.

В своей работе, как это следует из ее названия, он занимается сопоставительным анализом функционально-стилистических подсистем газетно-публицистического стиля на материале английского и русского языков. Исходя из основных функций СМИ (информирование и воздействие), автор предлагает учитывать связанные с ними стилевые черты. Так на информационную функцию «работают» специализация и деспециализация, ориентация на знания реципиента, стандартизация, актуальность и краткость; а на воздействующую – экспрессивность и эмоциональность, оценочность и директивность. Далее для каждой из стилевых черт выбирается наиболее соответствующий способ языкового воплощения. Разработанная Швейцером модель сопоставительного стилистического анализа СМИ подходит не только для контрастивного изучения данного функционального стиля на материале английского языков, но и с учетом возможных модификаций может быть использована для текстов иной жанровой принадлежности для любой пары языков.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СДВИГ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Знак Юлия Эдуардовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка №6 ФУП
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России, Москва
levi-julia@yandex.ru

Со времен глубокой древности проблемы референции, т. е. отношения имени к объекту им называемому, занимали умы философов и логиков. Референтность субъекта (принцип предметности, опирающийся на предпосылку существования) составляет одно из условий истинностной оценки суждения, при этом изучение отношений «референт – семантика – прямая / непрямая номинация» по-прежнему остается дискуссионной темой в разных научных парадигмах.

Если в соответствии с традиционными семантическими концепциями референция понимается как отношение между лингвистическими элементами и нелингвистическим миром, в котором мы живем, то в рамках современных когнитивно-функциональных теорий понимание референции иное: референция осуществляется не по отношению к реальным референтам окружающего мира, а относится к их когнитивным проекциям. Таким образом, слова интерпретируются не относительно мира, а относительно наших знаний и верований о мире. В когнитивно-дискурсивной парадигме, поэтому, рассматривается не объект окружающей действительности, а объект познания, концептуализируемый и категоризируемый мышлением с опорой на его семантику.

Традиция изучения личностного, субъективного в языке также уходит корнями в эпоху античности, находит свое отражение под влиянием эпохи Возрождения в Новом времени, в грамматиках Пор-Рояля, учении В. фон Гумбольта и др. В современной лингвистике благодаря антропоцентрическому подходу происходит переосмысление многих понятий, что затрагивает многие направления исследований, в том числе в рамках переводоведения.

Серьезный концептуальный сдвиг в науке о переводе наметился в рамках «персоноцентричного» анализа объекта и предмета перевода, а также представления переводящей личности в качестве основного компонента переводческого процесса, при котором рассмотрение объекта перевода осуществляется в соотношении с деятельностью переводчика. Деятельность переводчика определяют те же закономерности, которые касаются языковой деятельности в целом. Ее результат – порождение «своего» текста, который возник при восприятии – понимании исходного текста, при его декодировании. Сопоставление исходного и вторичного текстов позволяет реконструировать процесс порождения – восприятия – понимания. Переводчик подвергает исходный текст рефлексивной обработке и тем самым делает его объектом перевода, т. е. по-своему выстраивает смысл оригинала.

По итогам анализа переводов речи У. Черчилля можно сделать вывод о том, что в ряде случаев переводчики С. Чернин и И. Матвеева выстраивают иную модальность текстов, например, через добавление местоимения «я», за счет изменения пассивного залога на активный, при помощи притяжательного прилагательного «своей»: “A War Cabinet has been formed of five Members” – «В правительство военного времени Я ВКЛЮЧИЛ пять человек самых разных политических взглядов»; “The three Fighting Services have been filled” – «МНОИЙ также были назначены руководители всех трех военных министерств»; “I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat” – «Мне нечего предложить вам, кроме СВОЕЙ крови, тяжкого труда, слез и пота».

Текстовая модальность формируется на основе тесно связанной с ней субъективной модальности, под которой понимается отношение говорящего к содержанию высказывания и которая выступает как грамматическое выражение антропоцентричности.

В этой связи важно отметить, что выбор единиц перевода следует осуществлять с учетом коммуникативной стратегии автора исходного текста и прагматической составляющей перевода.

ТИПЫ ТЕКСТОВ КАК ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Литвиненко Татьяна Евгеньевна

доктор филологических наук
профессор кафедры романо-германской филологии
факультет иностранных языков
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
littatiana0424@gmail.com

Изучение текста как важнейшего коммуникативно-семиотического феномена, служащего для получения, хранения и передачи знания *homo loquens*, остается актуальной задачей современной гуманитаристики: от стилистики, лингвистики текста, герменевтики и дискурсологии до теории перевода, лингвокультурологии, социолингвистики и лингвокогнитивных исследований.

Так, признавая проблему текста одной из центральных в переводоведении, А. Д. Швейцер указывал, что «именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе». При этом, рассматривая механизмы и способы познания мира и человека посредством текстов, и сам ученый, и его коллеги-лингвисты призывали обращать пристальное внимание как на то общее, типовое, что обнаруживается в природе вербальных текстов, так и на различную организацию сообщений на уровне формы и семантико-прагматической направленности.

Установление общих и особенных признаков текстов позволило построить типологию последних, вернее, несколько видов типологий, с учетом разных критериев вычленения объектов. Между тем накопление новых научных знаний, полученных в различных гуманитарных областях, дало возможность представить иную лингвистическую типологию единиц данного класса. Речь идет о типах текстов, терминологически объединенных моделью с единой деривационной основой «-текст», насчитывающей свыше 50 элементов: *авантекст, автотекст, аллотекст, антитекст, архитекст, архитекст, генотекстом, гипертекст, гипотекст, затекст, интертекст, интекст, интратегст, инфратекст, квазитекст, котекст, контекст, ксенотекст, макротекст, метатегст, мидитекст, микротекст, минитекст, монотекст, мультитекст, мегатегст, надтекст, онтотекст, паратегст, перитекст, подтекст, политекст, посттекст, пратегст, пре(д)текст, протекст, псевдотекст, сверхтекст, стереотекст, субтекст, супертекст, транстекст, унитекст, фенотекст, циркумтекст, экзотекст, экстратегст, эпитекст* и др.

Как показал анализ перечисленных единиц, их совокупность и, соответственно, продуктивность названной словообразовательной модели объясняется способностью представить текст как: 1) знаковый дискурсивный продукт со сложным механизмом зарождения и развития; 2) образование с поликомпонентной структурно-смысловой организацией; 3) произведение, превышающее собственные внешне завершенные параметры.

За пределами указанной выше группы возможно образование и иных парадигм терминов-дериватов, основанных, в частности, на метафорической концептуализации текста как произведения, выраженного знаками иной семиотики: *видеотекст, графотекст, звукотекст, изотекст, кинотекст, криптотекст, медиатегст, схематегст, фонотекст, фототекст, цветотекст, шифротекст* и пр.

ENGLISH AND RUSSIAN ENVIRONMENTAL INTERNET MEMES IN MASS MEDIA DISCOURSE: A COMPARATIVE ASPECT

Elena Pavlova

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Institute of Ecology Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Moscow, Russia

pavlova-eb@rudn.ru

Mass media discourse is a dynamic system which is structured by the elements called media topics. The report examines the thematic structure of the environmental mass media discourse using English- and Russian-language Internet memes. The reason for turning to this genre of mass media discourse is due to several factors. First, Internet memes are an integral part of the modern global environmental media landscape. Second, owing to its genre and discursive features (media, conciseness, replication), it allows us to identify the thematic

diversity of the environmental problems discussed and to reveal the national cultural characteristics of their representation.

In the English-language segment of the environmental media discourse, environmental memes address topics such as climate change, plastic pollution, recycling, deforestation, biodiversity loss, eco-activism, government and corporate activities, and environmental awareness. The visual template of Internet memes most often refers to Western mass culture. Visual meme templates which have gone viral, such as “Distracted Boyfriend” “Drakeposting”, are actively used. Irony and postirony are characteristic of the English-language memes. Companies and corporations, hapless eco-activists are usually focused and ridiculed.

In the Russian-language segment of the environmental media discourse, environmental memes are centered on the following topics: ecology in general, waste pollution, waste sorting, activities of environmental activists, action/inaction of the authorities and corrupt officials, environmental education.

Visual templates are often borrowed from the English-language segment of the Internet. The templates for environmental Internet memes can also be images which are widely known to a native Russian culture bearer (the “Bags in the forest” meme refers to the painting “Morning in a Pine Forest” by I. Shishkin and the design of the popular candy wrapper “Mishka Kosolapy”). Absurd ways of performing environmental actions, extreme creativity of Russians’ environmental thinking, and the officials who profit from the implementation of environmental initiatives are usually focused and ridiculed.

Thus, the environmental Internet meme as a piece of the mass media discourse is a communicative phenomenon which carries significant universal and national cultural narratives.

ЦЕНТР ПЕРЕВОДНОЙ АТТРАКЦИИ КАК СВЕРХТЕКСТ

Разумовская Вероника Адольфовна

кандидат филологических наук, доцент
профессор учебно-научной лаборатории поведенческой экономики
и развития коммуникаций
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
veronica_raz@hotmail.com

Обращение к вторичным формам «сильного» текста художественной литературы, под которым в современном гуманитарном дискурсе понимается произведение литературы, обладающее эстетической и культурной ценностью и отвечающее ряду важных параметров (широкая известность в «своей» и «чужих» культурах, вхождение в образовательные программы различных уровней, включение в мировые и национальные книжные рейтинги, высокая способность к реинтерпретативности, обеспечивающей генерирование вторичных версий), позволил выдвинуть гипотезу о возникновении

и существовании в культурном пространстве многомерного и многокомпонентного центра переводной аттракции. Создание у художественного оригинала вербальных и вербально-невербальных вторичных версий основывается на его ингерентной неоднозначности, которая связана с категориями неисчерпаемости оригинала и переводной множественности – новыми категориями художественного переводоведения. Переводная множественность предполагает перевод текста вербального оригинала средствами «своего» языка (внутриязыковой вид), «чужого» языка (межъязыковой вид) или языков других семиотических систем (межсемиотический вид).

В пространстве центра переводной аттракции «сильный» текст и его переводы (при понимании явления перевода в широком смысле) образует синкретический «сверхтекст», являющийся совокупностью взаимосвязанных текстов и обладающий гетерогенной природой. Обладая полилингвальными, мультимодальными и поликодовыми характеристиками, «сверхтекст» представляет собой уникальный семиотическим объект, существование которого обеспечивает «сохраняемость» текста художественного оригинала в культурном пространстве. Важной особенностью «сверхтекста» является его полиавторство.

Особое внимание в исследовании уделяется проблематике расширения пределов переводимости вербального оригинала при изменении семиотической природы интерпретирующей системы, т. е. в ситуации межсемиотического перевода. В данном случае важнейшей задачей является определение семиотических условий межсемиотического перевода, так как каждый перевод есть семиозис, но не каждый семиозис есть перевод.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ЯРМАРОЧНЫЕ СВОДЫ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА КАК ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕКСТЫ НОВОГО ТИПА

Рудакова Жанна Ивановна

кандидат филологических наук, независимый исследователь, Калуга, Россия
rudakova.z@bk.ru

В конце XVI века на территории немецкоязычной Европы появляется новый тип информационных текстов, который отличает периодичность выхода, связанная с открытием ярмарок. Условно их можно назвать (информационные) ярмарочные своды.

С сентября 1583 года барон Михаэль фон Айтцингер, приверженный католик, публикует к ярмаркам во Франкфурте-на-Майне подробные изложения событий Нидерландской революции и религиозного противостояния в Кёльне второй половины XVI века под общей темой «Исторические описания». Тем самым первые ярмарочные своды представляют собой промежуточный тип текста между периодикой и историческими хрониками.

По мнению А. Д. Швейцера, информационная функция газетно-журнальных текстов сопряжена с документально-фактологической точностью, сдержанностью и официальностью речи. Указанные черты отмечаются в ярмарочных сводах фон Айтцингера, насыщенных официальными документами, деловой перепиской и непредвзятостью отражения событий – *unparteilich* – в рамках католического мировоззрения.

Под влиянием популярности ярмарочных сводов фон Айтцингера лютеранский священник Конрад Лаутенбах публикует исторические описания с протестантским уклоном. В результате ярмарочные своды приобретают дифференциацию относительно читательской аудитории по религиозному принципу.

Многочисленные коммерческие конкуренты фон Айтцингера насыщают свои ярмарочные своды непроверенной информацией из разряда слухов и новостями сенсационного характера. В итоге к концу XVI века информационная функция в ярмарочных сводах частично замещается развлекательной.

К началу XVII века ярмарочные своды публикуют только «свежие» новости промежутка между ярмарками, в результате чего материал становится более актуальным, его информационная ценность, напротив, ослабевает. Перестройка в смысловом наполнении ярмарочных сводов закрепляется к 1620 году в их названии *Messrelationen* (ярмарочные новости).

Всё большее распространение *Messrelationen* в местах проведения ярмарок приводит к территориальному и социальному расширению диапазона читателей. В результате дифференциация текстов ярмарочных сводов замещается универсализацией текстов *Messrelationen*, что А. Д. Швейцер считает одной из важных характеристик газетно-журнальных публикаций.

НИДЕРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Степаненко Евгения Александровна

кандидат филологических наук
кафедра 36 (германских языков)
факультет иностранных языков
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ, Москва, Россия
yev.yar1985@gmail.com

Предметом настоящего доклада является функциональная специфика нидерландской политической метафоры, предпосылки формирования характерной для нидерландской политической нации метафорической модели. Исследуются процессы метафоризации, связанные с противостоянием России и западных стран в контексте Специальной военной операции, а также тексты предвыборных программ ведущих политических партий.

В ходе исследования мы опирались на исторические материалы, в частности, на знаковый для нидерландской истории документ – Акт о клятвенном отречении (1581), где изложены основные принципы внутренней и внешней политики предшественницы современных Нидерландов – Республики Семи соединенных провинций. Положения Акта, использованные в тексте документа развернутые метафоры, не только во многом созвучны современному политическому противостоянию, но «оживают» в текстах предвыборных программ современных политических лидеров и, прежде всего, в тексте программы «Нидерландцы – вновь на первом месте» (*Nederlanders weer op één*) «Партии за свободу» (*Partij voor de vrijheid*), одержавшей победу на выборах в парламент Нидерландов в 2023 году.

Анализ речей ведущих представителей политической элиты Нидерландов позволяет выделить в них наиболее частотные концептуальные метафоры, которые можно классифицировать как культурно-исторические. Кроме того, данные метафоры являются ключевыми для понимания того, как устроено нидерландское общество и какие ценности положены в основу социального взаимодействия. В докладе приведены наиболее частотные метафоры, встретившиеся нам в текстах политических речей. Это, в первую очередь, метафоры «политика – это договор», «политика – это семья / община» и «политика – это цивилизация».

В докладе подчеркивается, что, несмотря на некоторую шаблонность в построении политических речей в разных странах, использованные в текстах метафоры всегда национально маркированы и отражают существующие (или, в ряде случаев, желаемые) общественные настроения в стране. Отметим, что число концептуальных метафор в речах национальных лидеров тем выше, чем сильнее социальное напряжение в государствах, которыми эти лидеры управляют.

О ГЕРМАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ОЛОНЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ СО СКВОЗНЫМ ЭПИТЕТОМ

Топорова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

t1960@list.ru

В докладе исследуется феномен сквозных симпатических эпитетов в заговорах из Олонецкого сборника и их германских параллелей на материале древнеанглийских и древневерхненемецких метрических заговоров. Такой подход предполагает трактовку сквозных эпитетов как системы, организованной в соответствии с определенными принципами. Для объяснения специфики их функционирования решающим фактором является прагматика заговора с его установкой на достижение желаемого

состояния (*глухой* > *заглушение* боли (№ 50); *огненный* > любовное *горение* (№ 122); *медный*, *булатный*, *железный* > «отверждение» крови вплоть до ее остановки в заговорах от кровотечения). Сквозные симпатические эпитеты можно сравнить с перформативными высказываниями, сущность которых заключается в номинации ключевого признака, которая в заговорной модели мира рассматривается как его одновременное воплощение. В олонечких заговорах сквозные эпитеты приобретают преимущественно переносные, метафорические значения. Например, *белый* ассоциируется с представлениями о святости, *чёрный* – с образами иномирных сверхъестественных существ. Источник конституирования сквозных символических эпитетов дуалистичен: мифопоэтическая модель мира и христианское мировоззрение. Ключом к пониманию заговоров со сквозным эпитетом служат древнегерманские *номинативные* заговоры, в которых повторяющийся *признак*, реализующий в виде метафоры главное пожелание субъекта (например, «онемение» крови, т. е. ее остановку) сочетается с глаголом названия (ср.: *немой называется* в «Страсбургском заклинании крови»), эксплицируя сущность данного класса текстов.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА

Феоктистова Анна Владимировна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Институт международных отношений и социально-политических наук
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anna.v.fe@mail.ru

В докладе анализируется влияние фактора перевода на становление терминологии в области минералогии и горного дела в России. Нами были отобраны и рассмотрены минералогические термины, встречающиеся в трех русских переводах XVIII века, выполненных разными переводчиками с немецкого языка работ одного и того же немецкого автора И. Х. Лемана. «Кобальтословие или описание красильного кобальта» в переводе И. Хемнитцера (1778), «Минералогия» в переводе А. Нартова (1772) и «Рассуждение о фосфорах, их разном приготовлении; пользе и других встречающихся при том примечаниях» в переводе П. Бабошина (1780). Отобранные термины были проанализированы по способу их перевода на предмет установления механизма усвоения нового знания через перевод. При попытке объяснить причину выбора переводческого соответствия определенной терминологической единицы нами были выявлены следующие явления:

1) высокая доля окказиональных соответствий-аналогов как показатель механизма усвоения нового знания через аналогию с известным явлением или метафорический перенос;

2) преобладание среди окказиональных соответствий прилагательных в отличие от существительных как свидетельство определенного этапа развития терминосистемы минералогии в русском языке;

3) меньшее количество заимствований в терминологии по сравнению с другими видами соответствий как следствие их низкого объяснительного потенциала для получателей перевода.

Таким образом, изученный материал позволяет говорить о значительной степени вариативности терминосистемы русского языка в области минералогии в XVIII веке, что было обусловлено относительно невысоким уровнем развития минералогии как науки, а интерес к данной области говорил о ее большом потенциале. При этом обращение к истории перевода и анализу терминологических соответствий в переводных научных текстах на этапе становления определенной области знания раскрывают пути проникновения новых понятий посредством перевода, что позволяет говорить о важности перевода как когнитивного механизма в развитии науки.

СЕКЦИЯ 8

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ В ЯЗЫКАХ МИРА

ПРИЕМЫ ПИСЬМА НА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКАХ БЕЗ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Агранат Татьяна Борисовна

доктор филологических наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Институт языкознания Российской академии наук
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tatiana.agranat@iling-ran.ru

Додыхудоева Лейли Рахимовна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
leiladod@yahoo.com

Александр Давидович Швейцер активно занимался проблемами социолингвистики, обращая особенное внимание на положение языка в политике и идеологии ряда государств, особенно стран зарубежного Востока и Запада.

В настоящем докладе применяются методы сравнительных межгосударственных и межкультурных исследований на базе опросов населения, говорящего на миноритарных языках на постсоветском пространстве. Такой метод научного исследования применяется для изучения социальных процессов, поведения, ценностей и установок людей. Сравнение социокультурных и социолингвистических показателей между государствами стимулирует общественные дискуссии о выборе направления государственной политики и социальных программ.

При сравнении нами выстраивается матрица случаев политических, социальноэкономических и демографических сходств / различий. Рассмотрение данных ситуаций раскрывает важные различия, связанные с тем, как языковые активисты и государственные структуры осуществляют сохранение и возрождение коренных (местных, региональных) языков с ориентацией на перспективу и как в настоящее время реализуются отдельные потребности малых коренных языков.

Авторы сравнивают работу формальных и неформальных структур (правительств и языковых активистов), ориентации и установки поведения самих носителей малых языков, культурных сообществ, и их социальный образ (social representation) в Российской Федерации и Таджикистане на примере миноритарных финно-угорских и памирских языков.

В центре нашего доклада рассмотрение функциональных возможностей миноритарных языков и повышение их престижа. Мы рассматриваем новые тенденции при письме на миноритарных родных языках, не имеющих письменной традиции, формирование индивидуальных приемов письма и нестандартные решения при его внедрении. Привлекаются уникальные примеры индивидуальных приемов письма активистов на ранних этапах его развития (конец XIX–XXI веков, 1930-е для ГБАО). Рассматривается использование нового канала коммуникации – Интернета, который задействован при индивидуальном общении, особенно в случаях нахождения вне сообщества при миграции, проживании в диаспоре и т. п. Участие в социальных платформах Интернета (Одноклассники, Телеграм, Фейсбук и др.), интернет-сайты и блоги, группах по интересам в мессенджерах (Вотсап, Вайбер) с применением текстовых записей, а также в дистанционных образовательных программах на малых языках, средства массовой коммуникации с целью культурного обмена (театр и песни, креативное письмо и чтение, поэзия, мультфильмы и т. д.).

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ НОРМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ

Едличко Анжела Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкого языка и культуры
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
ang299@yandex.ru

Под языковой нормой традиционно понимают «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации». К релевантным свойствам нормы относят, с одной стороны, ее образцовый характер, обязательность, директивность, устойчивость, унифицированный характер, престижность, с другой – неоднородность и динамичность, об этом подробнее.

Немецкий язык является плюрицентричным языком, т. е. имеющим несколько равноправно развивающихся национальных вариантов, или стандартов, в разных немецкоязычных странах. Каждый стандарт, обладая собственной нормой, изменяется под влиянием различных экстралингвистических факторов (социально-политических, исторических, этнокультурных, географических и т. д.), что ведет к наличию специфических характеристик на всех уровнях языковой системы.

Важным условием признания нормы национального варианта языка является ее лексикографическая кодификация, о чем говорят отечественные и зарубежные исследователи, указывая на необходимость

кодифицированной нормы «национальных вариантов литературного языка», или национальных стандартов.

Ретроспективный анализ лингвистических словарей немецкого языка разного типа, созданных и выпущенных в немецкоязычных странах, позволяет сделать вывод об изменении подходов к лексикографированию лингвистического материала от моноцентричности к плюрицентричности, последнее подразумевает словарную фиксацию вариативности (грамматической, фонетической, просодической, графической, лексико-семантической) конкретного стандарта немецкого языка – собственно германского, австрийского, швейцарского, люксембургского.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИСАПОРЫ

Куцаева Марина Васильевна

кандидат филологических наук
научный сотрудник отдела урало-алтайских языков
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В 2014–2017 и 2019–2021 годах автором были проведены социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах московского региона.

Цель обследований заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры, члены которой проживают в рамках многонационального государства за пределами основного традиционного места расселения, объединены общим самосознанием и, как правило, сохраняют свой этнический язык в качестве одного из средств общения. С точки зрения языка, важными признаками внутренней диаспоры являются связь с малой родиной, а значит – периодическое использование языка, а также тот факт, что члены диаспоры изучали в школе – в качестве государственного – язык, ставший для них основным. Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в ходе опроса ста представителей чувашской диаспоры и 106 членов марийской диаспоры, проживающих в московском регионе в первом и втором поколениях.

В обследованиях использовался комплекс социолингвистических методов. На этапе сбора социолингвистического материала: а) прямое и включенное наблюдение; б) анкетирование (опрос), позволяющий получить обширный материал в виде ответов на вопросы анкеты, состоящей из нескольких блоков и касающейся такой информации как языковая биография респондентов, актуальное использование ими идиомов, бытование идиомов в культуре и религиозных практиках; в) проведение глубинных и полуструктурированных интервью непосредственно с каждым участником

опроса. В известной мере эти методы дополняют друг друга, а их использование в рамках конкретного исследования в значительной степени повышает надежность социолингвистического анализа. На этапе анализа данных были обобщены полученные сведения в том числе с использованием статистического анализа.

В результате было составлено исчерпывающее описание функционирования этнических языков московских чувашей и марийцев, установлены сферы использования и функции этих идиомов, изучена языковая лояльность их носителей, определена степень сохранности этнического языка по возрастным когортам, изучен механизм межпоколенческой передачи языка, проведен анализ речевых практик и языковых идеологий носителей, рассмотрено бытование этнического языка в этнокультуре, исследована проблема взаимосвязи идентичности и этнического языка и др. Результаты исследований получили должное освещение в соответствующих научных работах автора.

В докладе будет рассмотрена методология исследования функционирования языка в условиях внутренней диаспоры, впервые заданная автором в рамках проведения чувашского обследования и далее использованная в рамках марийского; сопоставление полученных результатов по ключевым параметрам фиксирует некоторые общие характеристики, позволяет обнаружить специфические особенности в каждой конкретной диаспоре.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ. ПЛЮРИЦЕНТРИЗМ VS. ПЛЮРИАРЕАЛИЗМ

Ланских Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории обучения иностранным языкам
и немецкой филологии
факультет иностранных языков и международной коммуникации
Тверской государственный университет, Тверь, Россия
lanskikh.yv@tversu.ru

Немецкий язык в Швейцарии с существующей диглоссией стандарта и диалекта, несомненно, представляет особый интерес для исследования. Определение его статуса напрямую зависит от выбранного подхода изучения: коммуникативный и синхронический, признающий государственные границы отправной точкой рассмотрения (плюрицентрический) или структурно-диахронический, исходящий из исторических диалектальных областей (плюриареальный).

Возникновение теории плюрицентризма традиционно связывают с Э. Г. Ризель, именно она в 1953 году впервые использует термин

«национальный вариант» применительно немецкого языка Германии, Австрии и Швейцарии. В 1992 году М. Клайн формулирует определение плюрицентрического языка, под которым понимает язык, имеющий более одного центра распространения, каждый из которых вырабатывает собственные нормы, именуемые стандартными национальными разновидностями. Стоит отметить, что сам М. Клайн подвергает сомнению существование в Швейцарии стандартной национальной разновидности, называя немецкий язык в Швейцарии скорее «плюрицентрическим национальным диалектом». К сторонникам плюрицентрического подхода можно отнести Р. Мура, М. Клайна, П. ф. Поленца, Г. Мёкера, В. Поллака, Р. Водак, А. Домашнева и др.

Термин плюриареальный был введен Н. Р. Вольфом в 1994 году. Представители данного подхода критикуют плюрицентристов в сепаратизме и национализме, резонно указывая на взаимоналожение языковых особенностей на всем немецкоязычном пространстве. К представителям плюриареального подхода можно отнести Н. Р. Вольфа, Х. Д. Поля, П. Визингера, Ш. Эльспаса, А. Ленц, К. Дюршейд, П. Ауэра и др.

Языковые особенности швейцарского немецкого наиболее ярко проявляются в произношении, что исторически обусловлено алеманнским диалектом, большей частью вторым передвижением согласных и отсутствием ранненововерхненемецкой дифтонгизации (Ср. общенемецкое *klein* и швейцарское *chly*).

Для лексического состава характерен сознательный уход от тевтонизмов, большое количество заимствований из французского и английского с выраженной произносительной и морфологической интеграцией оригинала в целевой язык, использование устаревшей с точки зрения словаря Дуден лексики, нередко общей для всего южнонемецкого ареала. Грамматические особенности не многочисленны, в подавляющей части встречаются также и в баварском диалекте, как, например, использование вспомогательных глаголов с *sitzen*, *stehen*, *liegen*.

Критический анализ языковых фактов позволяет признать плюриареальный подход наиболее целесообразным при изучении немецкого языка в Швейцарии.

FLUENT SPEAKERS AND SEMI-SPEAKERS OF AN ENDANGERED LANGUAGE. DESCRIBING LANGUAGE PROFILES

Alexander Mankov

PhD (Philosophy)

Senior Researcher of the Germanic Languages Sector

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University, Moscow, Russia

mankov@iling-ran.ru

In this presentation I am going to show the relationship between language variants spoken in the same community, using an example of the village of Gammalsvenskby, where I did field research. The absence of uniformity in linguistic competence of speakers is a typical feature of endangered languages. The main groups are fluent speakers, semispeakers, terminal speakers. A description of only the language of the fluent speakers does not make a “full picture” because there is a range of variants of the dialect which are considerably different. One of the main features of semi-speakers is significant variation in inflexion. When inflected forms in the same position (e.g. in the plural) have affixes that are not clearly predictable in synchrony, these affixes can be attached to any stem. In other words, when the same grammatical meaning is expressed by more than one affix, the affixes are used ignoring historically determined rules of their distribution. For example, when the plural is expressed by a number of endings, in the speech of semispeakers these endings occur with any noun, regardless of historical declension types. The extreme case is a situation when, for example, any plural ending can be attached to any noun stem. This shows that together with the knowledge of stems and affixes there is another important component in the grammar of fluent speakers, i.e. the knowledge of historically conditioned patterns in the distribution of affixes. The semi-speakers may know “words” and “endings”, but, unlike fluent speakers, the link between the words and endings is lost. This increases the number of word forms occurring in interviews with semi-speakers. However, this concerns only those affixes which express the same grammatical meaning, e.g. an ending of the preterite cannot normally participate in the variation of endings in the present. In my presentation I will describe these features using relevant examples and will discuss their role in language change.

ТРУДЫ А. Д. ШВЕЙЦЕРА В БАЗЕ ДАННЫХ «КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В ЕВРОПЕ»

Москвичева Светлана Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
moskvitcheva@mail.ru

База данных «Категоризация миноритарных языков в Европе» (далее База), оригинальное название «Catégorisation des langues minoritaires en Europe», была создана в 2012–2015 годах в Доме наук о человеке Аквитании при поддержке Национального центра научных исследований Франции и Региона Аквитании. База открывает широкие возможности изучения истории и современного состояния в таких областях социолингвистики как языковая идеология, языковая политика и планирование, стандартизация и кодификация, ревитализация и, шире, сохранение и поддержание миноритарных языков.

База данных дает представление о социолингвистических категориях миноритарных языков Европы и существует в восьми оригинальных версиях на французском, английском, баскском, испанском, итальянском, каталонском, немецком и русском языках. Наиболее разработанными являются французская и русская версии Базы: 164 и 197 социолингвистических терминов-категорий соответственно. Французский язык является рабочим и на него осуществлен полный перевод Базы.

База формировалась на основе анализа лингвистических и юридических текстов, в результате чего был сформирован список терминов в области категоризации миноритарных языков. Например, для французской версии наиболее частотным и значимым термином является *langue régionale*, а для русской – *родной и национальный язык*. Каждый термин снабжен примерами его использования в текстах различной природы на языке оригинала и с переводом на французский язык.

Работы А. Д. Швейцера широко использовались при создании Базы и занимают в ней значительное место. Они представлены 34 цитатами, иллюстрирующими 31 вход (термин-категория миноритарных языков и языков в миноритарных ситуациях). В целом данные термины можно сгруппировать в три блока (диастратическое варьирование, формы языка, функциональное распределение языка), которые дают представление о направлениях изучения и концептуализации языкового пространства в социолингвистической перспективе, а также о попытке синтезировать западную и советскую традиции социолингвистики. Безусловный интерес представляет также перевод данных терминов и примеров их использования на французский язык.

ГИБРАЛТАР: В ПОИСКАХ «СВОЕГО» ЯЗЫКА

Саркисян Олеся Сергеевна

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры испанского языка
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва
olesya.espanol@gmail.com

Гибралтар – территория к югу от Испании в 6,8 км² с населением около 32 тыс. человек (2021). Согласно Утрехтскому мирному договору 1713 года, этот стратегически важный участок суши Испания уступила Англии по результатам Войны за испанское наследство, надеясь со временем вернуть его себе.

С самого начала английский был провозглашен официальным языком Скалы (исп. *el Peñon*; англ. *the Rock*) – так называют Гибралтар местные жители. Однако вплоть до середины XX века в ежедневном общении преобладал испанский язык, т. е. большинство гибралтарцев являются билингвами. «Испанский» английский Гибралтара называется *yanito* (*llanito*). *Yanito* существенно отличается от известного *spanglish*, поскольку в последнем задействованы только два языка – американский английский и преимущественно мексиканский вариант испанского языка, в то время как в основу *yanito* лег британский английский и испанский язык Пиренейского полуострова, а также португальский, мальтийский, арабский языки, генуэзский диалект и разговорная речь еврейского населения. Такое разнообразие объясняется этническим составом Гибралтара. По данным переписи населения 1753 года, из 1860 жителей 597 были генуэзцами, 575 евреями, 434 британцами, 185 испанцами и 25 португальцами. После того как территорию «присоединили» к Великобритании, местное испанское население предпочло поселиться на Пиренейском полуострове.

Для описания языковой ситуации на Гибралтаре исследователи применяют различные термины: *билингвизм*, *диглоссия*, но чаще упоминается так называемый *code-mixing* (смешивание кодов) или *code-switching* (переключение кодов), т. е. попеременное использование элементов двух языков в рамках предложения или его части. Например: *Te doy un lift* (Я тебя подвезу).

Также для *yanito* характерны фонетические преобразования английских слов: *chachi* (от англ. *Churchill*, «нечто хорошее»), *dentica* – от англ. *identity card*, «удостоверение личности», *focona* (от англ. *four corners*, «таможня Гибралтара»), *ovatai* (от англ. *over time*, «сверхурочная работа») и др.

В истории Гибралтара было всего три периода расцвета английского языка. Так было во время Наполеоновских войн (1803–1815), во время Второй мировой войны и с июня 1969 по декабрь 1982 года, когда Франсиско Франко закрыл границу в ответ на нежелание британских властей вернуть

Гибралтар под испанскую юрисдикцию. С введением новой системы образования гибралтарцы перешли на общение на английском языке во всех сферах. С целью распространить влияние испанского языка в 2011 году был открыт Институт Сервантеса, который 4 года спустя закрыли из-за крайне низкого спроса среди местного населения, особенно после референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе. Возможно, Гибралтар переживает очередной период расцвета английского языка.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Юкляева Елена Александровна

кандидат педагогических наук
заведующая кафедрой немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Швейцария – страна с уникальным лингвистическим многообразием, которое поддерживается на государственном уровне, а швейцарские диалекты практически получили статус национального достояния. Так же, как и швейцарский вариант немецкого литературного языка (*Schweizerhochdeutsch*), диалекты Немецкой Швейцарии подвержены изменениям. В докладе предпринимается попытка определить основные тенденции развития диалектов Немецкой Швейцарии и найти взаимосвязь между социальными явлениями современного общества и направлениями развития диалектов. Материалами для исследования послужили работы известных современных швейцарских лингвистов (А. Баура, А. Лееманна и К. Ландольдта), а также некоторые материалы официальных бюллетеней Федерального собрания Швейцарии (*die Bundesversammlung*), посвященные языковому многообразию страны.

Немецкий язык в Швейцарии на практике реализуется не в классическом литературном варианте, а в различных диалектах, имеющих свои ареалы распространения и сферы применения в немецкоязычных кантонах. Так как в процессе исторического развития в немецкоязычных кантонах не произошло формирования единого обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*), эту нишу заполнили локальные варианты швейцарского (алеманнского) диалекта *Schwiitzerdüütsch*. Для германошвейцарцев, которые составляют почти 2/3 населения страны (72,5 %) немецкий литературный язык является преимущественно формой письменного общения, в устной же речи в основном используются региональные (локальные) диалекты: происходит функциональное использование двух структур одной языковой системы.

Целью нашего исследования было установить, воздействие каких социальных факторов имеет решающее значение для формирования современных тенденций развития диалектов Немецкой Швейцарии, а также определить собственно эти тенденции.

В результате проведенного нами анализа взаимосвязи некоторых факторов современного социального развития и изменений в месте и роли диалектов в Немецкой Швейцарии были выявлены следующие особенности и тенденции:

- диалекты Немецкой Швейцарии являются для их носителей одним из основных признаков швейцарской идентичности, этим объясняется стремление к сохранению и культивированию диалектов.
- социальные факторы, оказывающие наиболее значительное влияние на развитие алеманнских диалектов Швейцарии: возрастающая роль крупных агломераций, прежде всего Цюриха; интенсификация мобильности населения внутри страны; увеличение доли мигрантов в структуре современного швейцарского общества.
- основные современные тенденции развития диалектов Немецкой Швейцарии: «усреднение» диалектов и уменьшение их регионального разнообразия; проникновение немецкого литературного языка в диалекты и экспансия диалектов в область литературного языка; вызванное этими явлениями размытие традиционной диглоссии.

СЕКЦИЯ 9 ПЕРЕВОД И КОММУНИКАЦИЯ

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭТНОМАРКИРОВАННЫХ ЭККЛЕЗИОНИМОВ

Бекоева Ирина Давидовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка
Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Россия
irina.beckoeva@yandex.ru

Проблема передачи мотивированности онимных единиц считается в переводческой ономастике одной из наиболее актуальных. План содержания мотивированной единицы, разложимой на лексические морфемы в силу открытости ее семантической структуры, относительно поддается соотносению с соответствующим планом выражения.

Цель исследования – выявление и анализ способов перевода осетинских прецедентных экклезионимов (собственных имен мест совершения обрядов, ритуалов, мест поклонения любых религиозных общностей).

Перевод сакральной лексики представляет сложность, обусловленную наличием множественных переводческих соответствий, определяемых как регулярные способы перевода определенной единицы исходного языка.

Экклезионим *Лалисы / Лалисайы дзуар* состоит из онимного компонента *Лалисы / Лалисайы* и апеллятива *дзуар* (церковь, святилище). Название церкви *Лалисайы / Лалисы Дзуар* (букв. 'Святилище Лалисы', 'Лалисы церковь') грузинской этимологии. Компонент ლაღლი (груз. [лали] 'минерал, разновидность корунда') предположительно пришел в грузинский язык из хинди или фарси. По преданию в церкви хранилась украшенная рубинами икона св. Георгия. Апеллятив *лал* 'рубин', существует и в русском языке (др.-рус. *лаль*) в виде заимствования из персидского, турецкого *lal* персидского لعل [lā'l] – 1. рубин, яхонт; 2. (о цвете) рубинового, красного цвета. ... локальный праздник *Лалисайы дзуары бон* <...> справляется в селении Залда...

Морфологическая структура экклезионима и семантическая мотивированность компонента *Лал* (рубин, драгоценный камень) не находят отражения в переводящем языке. Способами перевода выступают транскрипция и транслитерация, основанные на принципах сохранения звукового образа и графической формы.

КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ АВТОРА vs ЭМПАТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Богомолова Александра Владимировна

преподаватель кафедры перевода и переводоведения
факультет иностранных языков
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
bogomolova_av96@mail.ru

Антропологическая парадигма в исследованиях перевода заставляет в очередной раз задуматься о важности учета коммуникативной интенции автора исходного текста, о чем не раз упоминали как отечественные, так и зарубежные переводоведы.

В данном исследовании в центре внимания оказывается личный дневник как лирический речевой жанр (в терминах В. В. Прокурова). В качестве эмпирического материала выбрано произведение Тюдюаля де Гувелло «Enfant Fa'a'amu», в котором автор рассказывает историю усыновления ребенка во Французской Полинезии и делится всеми сложностями, с которыми пришлось столкнуться на пути к заветному счастью. Его повествование искренне и откровенно, даже местами интимно; он честно и открыто делится своими переживаниями и сомнениями, страхом перед неизвестностью и теплотой и нежностью, наполняющими его и супругу после знакомства с сыном.

В данном случае коммуникативная интенция автора – это желание, в первую очередь, поделиться личной историей и показать всем тем, кто проходит подобный путь, что все возможно, даже несмотря на трудности. После определения авторского посыла становится ясно что без проявления эмпатии будет непросто сохранить коммуникативный эффект исходного текста при переводе.

Эмпатия, понимаемая как способность поставить себя на место говорящего и прожить все чувства и переживания, описанные автором исходного сообщения, играет особую роль в переводческом процессе. По мнению Л. В. Козяревич, «эмпатия как умение видеть и оценивать внутренний мир другого «я» является одним из компонентов переводческого переосмысления». Такое умение приобретает особую значимость, когда переводчик сталкивается с переводом текста, наполненного личными переживаниями.

В анализируемом нами произведении счастливый конец, но не следует забывать о тех испытаниях, которые пришлось пройти автору и его супруге на пути к своему счастью. Поэтому, при переводе заключительных предложений мы несколько расширяем и усиливаем значение использованного прилагательного *heureux*, чтобы постараться передать испытываемые чувства:

Мы смотрим, как маленький комочек счастья засыпает, а сами по-прежнему не можем до конца поверить, что стали родителями. <...> Я наконец-то обрел свое счастье (перевод наш. – А. Б.).

Сравните оригинал: *Assis devant la petite nacelle Air France accrochée à la paroi face à nous, nous regardons, encore stupéfiants et béats, ce petit bout d'homme qui s'endort. <...> Je suis heureux.*

Именно проявление эмпатии помогает переводчику полностью «окунуться» в рассказанную историю и уловить скрытые нюансы, именно благодаря эмпатии переводчик понимает, что автор наконец-то чувствует, что он по-настоящему счастлив после всех испытаний, которые ему пришлось преодолеть.

ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО

Бугреева Елена Александровна

кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры английского языка в сфере журналистики
и массовых коммуникаций
факультет иностранных языков
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
elena.a.bugreeva@yandex.ru

Влияние перевода на коммуникацию стало особенно заметным в эпоху глобализации. Человеческое общение, как и другие аспекты современной жизни, также стремиться к унификации. Нельзя отрицать особую роль переводчика в формировании русского языка, в том числе современного (например, обилие заимствований из английского языка в нашем общении). Под влиянием перевода (наряду с межъязыковой интерференцией) меняются, например, каноны деловой переписки на русском языке. В докладе последовательно рассматриваются задачи, содержание и методика обучения переводчиков русскому языку, а также виды учебных материалов, матрица упражнений и алгоритм построения занятия.

Цель разработки нового курса «Русский язык для переводчиков» – повышение качества устного и письменного перевода на русский язык как родной. Основная идея курса – через переводческие упражнения научить обучающихся обнаруживать, доказательно критиковать и устранять нарушения норм русского литературного языка в своих и чужих переводах, а также не допускать их в общении. Кроме того, обучающиеся научатся видеть особенности, которыми могут обладать переводные тексты по сравнению с оригинальными (непереводными) текстами на этом же языке.

Другие задачи предлагаемого курса включают расширение кругозора и фоновых знаний обучающихся (по истории России, русской литературе и т. д.), развитие умения работать с разными словарями русского языка, а также обучению правильному оформлению текста перевода на русский язык (например, списков, прямой речи и т. д.).

Основные составляющие содержания курса: функциональные стили и жанры русского языка; лексическая стилистика (сочетаемость слов в русском языке (в сравнении с английским языком), канцеляризм, плеоназм, тавтология и др.); средства выразительности речи (метафора, фразеологизмы, сленг и др.); грамматическая стилистика; стилистический синтаксис. Изучение специфики диалогического общения на русском языке будет особенно интересно переводчикам аудиовизуальных текстов. Изучение жанров публичной речи в сочетании с типами ораторов и составление риторических портретов политических и общественных деятелей разных эпох (как проектная работа) будет интересна и устным, и письменным переводчикам.

Отдельно рассматривается необходимость изучения невербальных средств русскоязычной коммуникации в сравнении с англоязычной (и другими) коммуникацией. Включение этой темы в данный курс позволит наметить траекторию развития эмоционального интеллекта переводчиков.

Таким образом, через необходимость перевести тот или иной текст (а в нем слово, фразу, предложение) переводчики научатся и более чутко относиться к родному языку. Предлагаемый междисциплинарный курс призван решить глобальную задачу бережного отношения к русскому языку, а именно соблюдения норм и использования всех ресурсов русского языка для эффективного общения, а также повысить уровень профессионального мастерства устных и письменных переводчиков.

КАТЕГОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ: ЭЛИМИНИРОВАТЬ ИЛИ ПРИМЕНЯТЬ?

Валуццева Ирина Ивановна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
лингвистический факультет
Государственный университет просвещения, Мытищи, Россия
irinaiv-v@yandex.ru

Хухуни Георгий Теймуразович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
лингвистический факультет
Государственный университет просвещения, Мытищи, Россия, Мытищи
khukhuni@mail.ru

Среди обширного и разнообразного научного наследия Александра Давидовича Швейцера одно из ведущих мест занимают труды, посвященные теории и практике перевода. Он был создателем оригинальной системы взглядов, занявшей достойное место среди работ таких представителей

лингвистического переводоведения, как А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и др., внося большой вклад в разработку его понятийно-категориального аппарата. Учитывая заметную (а в определенном смысле даже доминирующую) тенденцию не просто уточнить те или иные понятия, используемые в лингвистических концепциях перевода, и даже не просто их пересмотреть, а полностью отказаться от некоторых из них, мы бы хотели сделать несколько замечаний.

Во-первых, как бы ни относиться к понятиям эквивалентности, переводческих трансформаций и др., но они в своей совокупности дают довольно четкую систему, позволяющую анализировать различные аспекты перевода – как в плане процесса, так и с точки зрения результата. Равноценной замены им, на наш взгляд, пока не имеется.

Во-вторых, использование указанных категорий дает возможность систематизировать те преобразования, которые имеют место в ходе создания конечного продукта перевода, и уже поэтому нет смысла их элиминировать.

В-третьих, при всей важности внеязыковых аспектов перевода (включая столь любимую представителями скопос-теории цель), которые в той или иной мере всегда учитывались в лингвистическом переводоведении, сохраняет актуальность тезис, сформулированный А. Д. Швейцером: «Тот факт, что перевод является речевой деятельностью, сам по себе предопределяет центральную роль языка в процессе перевода», а следовательно, исключать переводоведение из числа лингвистически ориентированных дисциплин вряд ли возможно.

Наконец, в-четвертых, поскольку в п. 20 специальности «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» имеется раздел «Лингвистическое переводоведение», «делингвистизация» теории перевода может привести к дезориентации работающих в данной области аспирантов и докторантов, что также вряд ли оправданно.

О СЛОЖНЫХ ЕДИНИЦАХ ПЕРЕВОДА

Власенко Светлана Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка как второго
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
svetlana.v.vlasenko@mail.ru

Вопрос о единице перевода давно вошел в разряд классических объектов теории перевода и ее преемника – переводоведения. Об этом убедительно свидетельствует наличие статей в энциклопедиях по переводоведению, а также в работах отечественных и зарубежных классиков перевода. Вместе с тем факт признанности единицы перевода как объекта исследования ставит новые вопросы всякий раз, когда возникают ситуации вербализации

отдельных единиц или фрагментов текста, статус которых в переводе можно охарактеризовать в терминах сложных объектов знания. При этом собственно понятие единицы перевода в условиях современной профессиональной коммуникации до сих пор порождает дебаты. С этой целью было проведено исследование о необходимости формулировки понятия единицы перевода в специальных коммуникативных практиках.

Ряд теоретиков рассматривает единицы перевода в рамках современных парадигм, известных как «когнитивный поворот», другие – в рамках «культурного поворота». Так, С. Басснетт утверждает, что «операциональной единицей» перевода является не слово и не текст, а целая культура», вследствие пересмотра объекта исследования, которым стал текст, встроенный в сеть отношений между исходной и переводящей культурами. Такой широкий подход близок позиции А. Д. Швейцера, который был убежден, что решение задач переводоведения непременно требует выхода за собственно парадигму лингвистики, отмечая: «Каким бы существенным ни был вклад языкознания в теорию перевода, перевод не может опираться лишь на лингвистику... Перевод, рассматриваемый как технология, основывается... на ряде научных дисциплин, включая, прежде всего, языкознание, информатику, психологию и антропологию».

Современная профессиональная коммуникация порождает особую среду функционирования специальных языков с характерными семантическими признаками. Аббревиатурные конструкции с приращением полных лексем, многолексемные термины и другие языковые средства связаны особыми языковыми формами, например: *отдел общественного здравоохранения экстренной рабочей службы Национального центра по изучению зоонозных инфекций страны*, где наблюдается многоступенчатое соподчинение иерархических звеньев «отдел – службы – центра – страны». Сложные единицы перевода подлежат изучению с позиций эффективности передачи их планов содержания для достижения эквивалентного перевода в информационно насыщенном пространстве международной коммуникации.

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНВАРИАНТА СМЫСЛА ИЛИ ЕГО ПЕРЕДАЧА СТЕРЕОТИПНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Коровкина Марина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений
Московского государственного института международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
mekorovkina@gmail.com

Современные исследования по теории перевода, проводящиеся в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы, развивают идеи, заложенные учеными-переводоведами XX века. Так, А. Д. Швейцер, одним из первых начал использовать понятие «интерпретация инварианта смысла». Другое значительное достижение лингвистической парадигмы исследований – коммуникативно-деятельностная модель синхронного перевода (СП) Г. В. Чернова, который заявил о необходимости учитывать прагматические факторы перевода, такие как параметры коммуникативной ситуации. В своей модели вероятностного прогнозирования он также впервые использовал такие понятия лингвопрагматики как «пресуппозиция» и «импликатура»: переводчик на основе пресуппозиционных знаний понимает инвариант смысла текста ИЯ и формулирует его средствами ПЯ, прибегая к импликатурам – смысловым выводам. В развитии идей Г. В. Чернова отмечаем, что процесс извлечения смысловых выводов универсален и характерен для любых видов и направлений перевода. Переводчик – получатель сообщения на ИЯ для понимания смысла использует инференции – смысловые выводы, направленные на понимание инварианта смысла ИЯ. Ревербализируя или реформулируя данный смысл средствами ПЯ, переводчик-отправитель сообщения прибегает к импликатурам: сравните в английском глаголы *to infer* и *to imply*. Двухэтапный процесс извлечения смысловых выводов в переводе был назван инферированием. Данный процесс является отражением уровня развития профессиональных компетенций переводчика и в то же время представляет собой когнитивный механизм перевода. В синхронном переводе он дополняется также когнитивными механизмами вероятностного прогнозирования и компрессии (что также входит в сферу профессиональной компетенции синхрониста). Инферируя и имплицуруя инвариант смысла, переводчик часто прибегает к его интерпретации, что особо проявляется в случае межъязыковых асимметрий. Представляется интересным проанализировать взаимодействие интерпретации смысла и его выражения стереотипными речевыми структурами в СП: в каких случаях переводчик использует стереотипные языковые способы выражения инварианта смысла, а в каких прибегает к его интерпретации, проявляя творческий подход.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В ЦИКЛЕ СОЧИНЕНИЙ «DE OPTIMO GENERE ...»: ЦИЦЕРОН, ИЕРОНИМ, ПЕРИОНИЙ, ГУЭЦИЙ

Кошевская Анна Юрьевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры классической филологии
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
castrensiana@mail.ru

Среди латинских сочинений, посвященных теории перевода, мы располагаем тремя текстами с названием *De optimo genere interpretandi* («О лучшем виде перевода»): это письмо LVII (к Паммахию) Блаженного Иеронима (395 года н. э.), дополнение к переводу аристотелевской «Этики» Иоахима Перииона (1540) и трактат Пьера Даниэля Гуэция (Юэ) (1683). Название *De optimo genere interpretandi* («О лучшем роде перевода»), введенное Иеронимом, является рецепцией сочинения Цицерона *De optimo genere oratorum* («О лучшем роде ораторов»), также посвященного теории перевода.

Значительную часть цicerоновского корпуса составляют переводы философских сочинений греческих авторов. В своем предисловии к переводам речей Демосфена и Эсхина Цицерон помещает указанное сочинение, в котором постулирует свой принцип перевода – «не как толмач, а как оратор» (Cic. opt. gen. V). Продолжателем этой стратегии оказывается блж. Иероним – в своем письме к Паммахию, объясняя свои вольности перевода антиоригенистского послания свт. Епифания Кипрского, он воспроизводит ту же мысль (передавать «не слово словом, но мысль мыслью» (PL XXII, 308)), ссылаясь именно на Цицерона.

Интерес представляет рецепция этого жанра в Новое время: в своем предисловии к изданию «Никомаховой этики» Периионий возвращается к Цицерону не только как к источнику переводческой стратегии («*me Ciceronem fateor imitatum esse*»), но и как к источнику латинской философской терминологии. Полтора столетия спустя появляется первое самостоятельное теоретическое сочинение в русле описанной теории – трактат Гуэция, состоящий из двух частей (первая – непосредственно *De optimo genere interpretandi*, вторая – *De claris interpretibus* «О знаменитых переводчиках»). В качестве жанра Гуэций выбирает античную форму диалога, персонажами которого становятся Исаак де Казобон, Фронтон дю Дюк и Жак Огюст де Ту. Особенностью этих сочинений является следование формальным образцам (терминологии или жанровой форме), заданной Цицероном: с одной стороны, это свидетельствует о преемственности жанра, а с другой – противоречит самому подходу, предполагающему отказ от формального соответствия источнику.

СТЕРЕОТИПЫ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Самкова Екатерина Михайловна

магистрант 2-го курса
кафедры французского языка
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
katya.samkova7788@mail.ru

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Н. М. Клеймёнова

Понятие «стереотип» является не вполне однозначным. Если углубиться в этимологию, то можно обнаружить, что эта лексема произошла от соединения древнегреческих «*στερεός*» («твердый», «пространственный») и «*τύπος*» («отпечаток»). Сегодня под «стереотипом» подразумевается устойчивый упрощенный образ социальной группы или явления, который основывается не на личном опыте, а перенимается извне. В этом понимании его впервые предложил американский публицист Уолтер Липпман в 1922 году, используя это понятие, скорее, в негативном ключе. По его мнению, стереотипы подталкивают людей к полуправде вместо полного понимания: именно так, например, действуют СМИ на аудиторию, манипулируя ей в нужном для них ключе.

Вслед за Липпманом стереотипы начали изучаться культурологами, психологами, литературоведами и философами, а в конце 1960-х годов они становятся объектом исследования лингвистики.

Понятие стереотипа варьируется в зависимости от дисциплины. В социальной психологии стереотип – это общее представление (истинное или ложное), которое частично определяет наше восприятие мира и отношение к другим. Это идея или же готовое мнение, принятое без размышления и повторенное без критической проверки. В стилистике стереотип представляет собой неоригинальную формулировку, ту, которая знакома большинству (например, город = «человеческий муравейник»). Наконец, в области лингвистики встречается такое понимание стереотипа: «устойчивая совокупность элементов, группа слов, образующих единицу, ставшую неразложимой, повторно употребленной после утраты всякой выразительности...».

Поскольку стереотип – понятие многогранное, существует большое количество его дифференциаций. Для лингвистики особое значение имеет тот факт, что он состоит из ментального содержания, из его вербального воплощения и языковой реализации смыслового образа при минимальной затрате когнитивных и поведенческих усилий для достижения определенной коммуникативной цели.

Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению о природе речевых стереотипов, которые нередко отождествляют с так называемыми устойчивыми языковыми формулами и речевыми шаблонами. Трудности при переводе таких формул сопряжены с поиском языковых стереотипов

в принимающем языке и культуре. Здесь уместно сопоставить творческую составляющую работы переводчика и стереотипность: в идеале, при поиске культурно ориентированных соответствий в языке перевода, переводчик запускает творческий процесс, а не совершает простое калькирование стереотипных феноменов языка оригинала в принимающем языке (хотя в некоторых случаях такой прием перевода также встречается).

ЯЗЫК – СЛОВЕСНОСТЬ – КУЛЬТУРА – САМОСОЗНАНИЕ – ПЕРЕВОД

Солдатова Дарья Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры языков стран Северной Европы и Балтии
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, Москва, Россия
soldatovadn@yandex.ru

Заглавие отсылает нас к известному докладу, прочитанному Н. И. Толстым на конгрессе МАПРЯЛ – «Язык – словесность – культура – самосознание». В русском ареале quadriada следует дополнить пятым – переводом. Эти элементы развивались в течение веков, и их значение и суть менялись.

В IX веке на Руси в достаточно зрелой форме одновременно стали усваиваться письменность, литература и перевод. Славянский и – шире православный мир представлял собой единство и общность культуры с общим фондом текстов. Благодаря переводам Древняя Русь унаследовала от Византии и античного мира основные образцы литературных жанров, которые затем развивала на основе собственного творчества.

В истории русской культуры и литературы IX–XVII веков древняя славяно-русская переводная письменность имеет огромное историческое и литературное значение. Лишь 1 % из всех сохранившихся памятников относится к оригинальным русским произведениям, в то время как 99 % составляют переводы с различных языков или адаптации этих переводов, выполненные славянскими книжниками.

Переводные памятники IX–XVII веков стали своего рода кузницей литературного языка. Благодаря спорам о правильности перевода и о методах передачи смысла и формы оригинального текста формировалось то языковое и стилистическое богатство, которое получил современный русский литературный язык от древнеславянского письменного языка.

В XVIII–XIX веках новые культурные потребности требовали новых переводов, а осуществленные переводы, в свою очередь, открывали новые горизонты в культуре. Таким образом, в России в XVIII и XIX веках общекультурные и переводческие процессы переплетались и, взаимодействуя, питали друг друга.

Национальный литературный язык складывался под воздействием живой устной речи и форм выражения, выработанных переводчиками Посольского приказа, т. е. под воздействием публицистических, повествовательных, дипломатических, канцелярских и технических стилей.

Вся деятельность переводчиков подготовила процесс формирования русской национальной литературной речи, приближенной к европейской системе. Современный литературный русский язык в том виде, в котором мы его знаем, т. е. способный к самостоятельному выражению научных, технических и философских понятий, был бы невозможен без переводческой деятельности.

Итак, общность, историческая обусловленность и взаимосвязь языка, литературы, культуры, перевода и самосознания могут быть понятны и раскрыты только при представлении о целом, частью которого они являются. Одновременно с этим они вместе представляют русскую культуру как особый тип, т. е. отличный от других европейских культур, над определением которого трудились русские философы и историки.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЕЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ, ПО В. Н. КОМИССАРОВУ И А. Д. ШВЕЙЦЕРУ

Фролов Валентин Игоревич

кандидат филологических наук
доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pretransfallacy@gmail.ru

Два подхода к описанию уровней эквивалентности, сформулированные сначала В. Н. Комиссаровым, а затем А. Д. Швейцером, до сих пор остаются важнейшими вехами в лингвистической теории перевода. При этом обе теории имеют разные истоки и теоретико-методологические основания.

Само понятие «эквивалентность» постоянно пересматривается и переосмысливается как в отечественной, так и в зарубежной теории перевода. Именно поэтому особенно важно дать уже имеющимся концепциям правильное обоснование с точки зрения положений современного переводоведения.

Среди требований, предъявляемых к научным теориям, важными являются такие, как *адекватность исследуемому объекту* и *внутренняя непротиворечивость*. Чтобы верно оценить классические теории эквивалентности, необходимо по крайней мере проверить их по вышеназванным критериям.

Теория уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова традиционно считается основополагающей для лингвистической теории перевода. В работе же будет сделана попытка показать, что модель уровней эквивалентности, предложенная А. Д. Швейцером, в большей степени соответствует требованиям, предъявляемым к научным теориям. Теоретико-методологические

основания и внутренняя логика – в первую очередь иерархическое устройство – обеспечивают данной модели максимально полную адекватность описываемому объекту.

ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ В. Г. БЕЛИНСКОГО И Н. АТАЧА

Шенер Лейла

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Анатолийский университет, Эскишехир, Турция
lsener@anadolu.edu.tr

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) и Нуруллах Атач (1898–1957) – крупнейшие критики, литературоведы, исследователи русской и турецкой литературы. Оба проявляли серьезный интерес к вопросам художественного перевода.

Мы проанализируем статьи, рецензии и эссе на переводоведческие темы В. Г. Белинского и Н. Атача, с тем чтобы определить их взгляды на художественный перевод, провести сравнительный анализ их концепций.

Основные вопросы переводоведения, бывшие в центре внимания В. Г. Белинского и Н. Атача:

1. Вопрос о переводимости / непереводимости, один из основных вопросов теории перевода, несомненно, привлекал внимание Белинского и Атача не только как исследователей перевода, но и как переводчиков (оба переводили с французского языка).

2. Вопрос о значении, пользе перевода художественных произведений.

Для Белинского и Атача польза переводов художественных произведений несомненна.

Для обоих критиков эта польза определяется двумя показателями: первый – знакомство с мыслями, идеями другого народа; второй – расширение возможностей родного языка.

3. Вопросы, связанные с тем, каким должен быть перевод и переводчик.

Анализ статей, рецензий, эссе на переводоведческие темы В. Г. Белинского и Н. Атача позволил охарактеризовать их взгляды на художественный перевод, установить некоторые сходства между их концепциями. Оба критика уделяли особое внимание проблемам переводимости / непереводимости, значения и пользы перевода художественных произведений. К тому же они сформулировали сходные требования к переводу, переводчику, а также следующие критерии оценки перевода: переводной текст не должен быть лучше подлинника; при переводе поэзии необходимо воспроизводить стихотворную форму оригинала; при переводе художественного перевода следует передавать «дух оригинала»; переводчик должен быть творцом, его талант должен соответствовать «духу оригинала».

СЕКЦИЯ 10

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В XX–XXI ВЕКАХ

СОПОСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (на примере анализа религиозной метафоры)

Донина Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
факультет романо-германской филологии
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
olga-donina@mail.ru

Исаева Полина Дмитриевна

обучающийся 4-го курса
факультет романо-германской филологии
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
polina.isaeva.01@mail.ru

Целью нашего исследования является сопоставление категоризации религиозной метафоры в территориальных вариантах английского языка. Исследование проводилось на примере криптоклассного анализа. Криптокласс – это лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с их семантическими признаками, выраженными через классификатор. На сегодняшний день выделено 8 криптоклассов английского языка: *Res Liquidae* (Жидкое), *Res Filiformes* (Нитевидное), *Res Longae Penetrates* (Пронзающее), *Res Acutae* (Острое), *Res Parvae* (Мелкий предмет), *Res Rotundae* (Круглое), *Res Planae* (Плоское) и *Res Continens* (Контейнер).

Исследование проводилось на материале корпуса М. Дэвиса NOW Corpus, насчитывающего 16.2 млрд словоупотреблений в двадцати территориальных вариантах английского языка.

Нами было отобрано 12 имен, связанных со словом *religion*. Отбор проводился с помощью тезауруса Macmillan Dictionary. В список вошли слова: *religion, blessing, faith, devotion, grace, divinity, miracle, penance, repentance, piety, sin, spirit*. Всего было обработано 1865 контекстов, из которых 653 (35 %) составили примеры непрямой сочетаемости. Проведя криптоклассный анализ, мы выяснили, что 10 из 12 исследуемых имен в первую очередь принадлежат криптоклассу *Res Continens*, т. е. категоризируются как «вместилище». Имена *blessing* и *spirit* являются представителями криптокласса *Res Liquidae* и воспринимаются как жидкость.

Также мы построили таксономии для всех имен с разбивкой по идиомам. 72 % словоупотреблений в качестве первого таксона имеют криптокласс Res Continens, 22 % – криптокласс Res Liquidae, 6 % – криптоклассы Res Parvae и Res Planae. Благодаря составлению таксономий нам удалось обнаружить, что слова «religion» и «sin» в американском варианте английского языка категоризуются идентично: как «вместилище», мелкий предмет и жидкость.

На основании проведенного исследования, можно отметить, что наибольшим количеством метафорических образов обладает американский вариант – 168 примеров, а наименьшим – гонконгский и ямайский варианты. В них было найдено по 1 примеру непрямой сочетаемости.

СОЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ивушкина Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой английского языка № 3
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
Tatiana.ivushkina@gmail.com

Социальная вариативность английского языка проявляется на всех уровнях, но лексический уровень вызывает особый интерес в силу потенциала слов закреплять за собой не только семантические и стилистические, но и социальные значения в результате присвоения слов представителями определенных слоев общества для самоидентификации и трансляции ценностных установок и ключевых культурных концептов своей социальной группы. Если различия в использовании лексики представителями образованной и малообразованной части английского общества эксплицитно передается литературной и диалектной или сниженной лексикой соответственно и эта дифференциация слов отражается в словарных значениях, то социальная дифференциация между средними и высшими классами британского общества носит более тонкий характер и порой представляет определенные трудности даже для носителей родной культуры в силу литературно-нейтрального характера лексики, которая при этом демонстрирует не лежащие на поверхности нюансы в ее употреблении, обусловленные культурно-значимыми факторами. Согласно стилистической дифференциации словаря О. С. Ахмановой, это слова, которые относятся к возвышенной лексике и включают в себя литературные, поэтические слова, заимствования, слова архаичные и научные, историзмы. Возвышаясь над нейтральными литературными словами, они несут с собой ауру образованности, начитанности, эрудиции, учености, знания иностранных языков, преподаваемых

в самых элитарных университетах Оксбриджа. Именно в силу исторически сложившейся элитарности образования в Великобритании и сложности использования данной категории слов без надлежащего образования, они стали основой для формирования социолекта высших классов, закрепляя за собой статус слов, свойственных речи высших классов, или U-words. Для понимания этих слов-социальных индексов от собеседника требуются фоновые знания, разделения кода «своих» или наоборот, с вытекающими отсюда возможностями общения. Художественная литература XXI века через речь персонажей и авторское повествование представителей изучаемого слоя общества убеждает в том, что социолект сохраняется и сегодня, несмотря на происходящие в обществе радикальные изменения, и демонстрирует стабильность и релевантность социально заряженных существительных и прилагательных, проявляющих высшую степень признака или качества, с помощью которых отражаются ценностные ориентиры социальной группы, в виде слов-концептов (*civility, elegance, grace, self-confidence, gallantry, pride, glamorous, etc.*); слов-заимствований, особенно ярко проявляющих свой социальный «заряд» на фоне слов германского происхождения (*petit – small, concede – give up; congregate – gather; famish – hungry, etc.*); слов в энантиосемических (иронических) значениях; слов-эвфемизмов, смягчающих неприятные или непристойные, грубые слова или искажающие в целях манипуляции факты (*visual impairment – blindness*); слов-терминов, которые отражают как отдельные области научного знания, так и сферы особых интересов, времяпрепровождения и хобби представителей высших классов.

МУЛЬТИЭТНОЛЕКТ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА: MULTICULTURAL LONDON ENGLISH

Казак Евгения Анатольевна

кандидат филологических наук

научный сотрудник отдела языкознания

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

ladykazak@gmail.com

На рубеже XX и XXI века мегаполисы претерпели значительные изменения, в том числе и в отношении коммуникативно-языковых процессов, во многом обусловленных активными миграционными процессами. Изменения языкового ландшафта городов привело к возникновению мультиэтнолектов (*multiethnolects*). Множественность и гетерогенность миграционных потоков усложняет ситуацию и ставит перед нами задачу поиска новых подходов к анализу языковых вариаций.

Процессы, происходящие в Лондоне и других городах Великобритании, связаны с наследием колониальной империи: миграционные потоки шли из бывших колоний. Новый мультиэтнолект, возникший приблизительно

в 1980-е годы в Лондоне, получил наименование «мультикультурный лондонский английский» (Multicultural London English, MLE). MLE включает в себя не только элементы языков мигрантов, он формировался также в ходе контактов мигрантов с носителями лондонского просторечия, в основном «нового кокни».

MLE отличает гетерогенность и инновативность. Инновативный характер придает MLE активное участие молодежи в формировании этого социолекта, благодаря чему он вбирает в себя продуктивные элементы повседневной речи и результаты языковых экспериментов молодежной художественной культуры (рэп, грайм), игрового поведения неформальных объединений, политического активизма. Сильный политический компонент всегда отличал язык Лондона, и мейнстрим СМИ настороженно относится к новому явлению как маргинальному и ассоциируемому с ненормативным, деструктивным социальным поведением. Характерно, что манера речи и поведение носителей MLE выходит за пределы мигрантской среды.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИЯ ЯЗЫКА В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОЙ РОК-ГРУППЫ «QUEEN»

Николаева Марина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английской филологии
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
nikolaevam@mgpu.ru

Результатом взаимодействия языка и общества является социальная дифференциация языка, в которой отражается социальная неоднородность общества. Как отмечал А. Д. Швейцер, «социолингвистику всегда интересовали вариативность языковых средств и факторы, определяющие их выбор в процессе коммуникации».

Со второй половины XX века в Великобритании произошли некоторые изменения. Одним из них стала смена социальных акцентов. Престиж языка высшего общества потерял свои позиции как законодателя хорошего тона. Англичане в повседневном общении стали чаще использовать слова и выражения разговорного стиля. Параллельно этому происходило ослабление традиционных связей между поколениями.

До этого преобладало мнение, что у молодежи нет своей культуры. Но молодые люди отстаивали свое право и стали субкультурой. Музыка явилась ядром новой субкультуры, впитавшей их ценности, чувства, мечты, амбиции, одежду и язык.

Эту тягу к самовыражению достаточно хорошо удовлетворяет язык рока, который разговаривает со своими слушателями об их проблемах и на

их языке, он не поучает, не настаивает, он является другом, который все понимает и сочувствует, а главное, воспринимает молодое поколение как серьезную социальную группу.

Тексты песенного дискурса становятся частью социума и оказывают психологическое воздействие на массовое сознание населения. В песнях авторы стремятся отразить свои личностные переживания и затронуть волнующие их темы.

Британская рок-группа «Queen» получила широкую известность в середине 1970-х годов. Чтобы казаться ближе к молодежной аудитории, музыканты в текстах песен использовали элементы стилистически сниженной лексики разговорного языка, одновременно с которой встречаются стилистически нейтральная и стилистически маркированная литературная лексика. Необходимость установления дружеского контакта со слушателями, «а также отсутствие у группы цели заполучить как можно больше аудитории», повлияли на характер текстов их песен, которые представляют собой некую амальгаму стилистически разных пластов языка и привлекают внимание исследователей-лингвистов. Подобное социальное варьирование групп лексики, как правило, обусловлено тематикой песен.

СЕКЦИЯ 11 ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

АРХИТЕКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ «ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ». ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ – ЛЮДЕЙ В ЭПОХУ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Алюнина Юлия Матвеевна

кандидат филологических наук
ассистент кафедры иностранных языков
филологический факультет
Российский университет Дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
alunina-yum@rudn.ru

Цель тезисов – описать структуру дисциплины «Цифровые технологии в переводе», разработанной автором для цифровой магистратуры в РУДН «Когнитивная и цифровая лингвистика».

Программа реализуется в смешанном формате: 70 % материала дается на видеолекциях, а 30% – на очных занятиях. Курс «Цифровые технологии в переводе» включает 46 роликов, из которых:

- 21 лекция – теория;
- 12 скринкастов – практика;
- 13 структурообразующих роликов.

Объем видео составляет 312 мин.

Курс включает пять разделов на актуальные темы современной переводческой практики.

Раздел 1. Введение в цифровые технологии машинного перевода

Раздел включает три темы.

- *Базовые навыки цифровой грамотности в переводе.* Тема знакомит с понятием и составляющими цифровой грамотности применительно к профессии переводчика.

- *Искусственный интеллект в переводе. Нейронный машинный перевод.* Тема знакомит с историей МП, его видами, принципами работы нейронного МП.

- *Возможности и ограничения машинного перевода.* Тема посвящена границам возможностей МП. Для максимальной наглядности в курсе машинному переводу подвергаются такие тексты, как «Пуськи Бятые» и «Clockwork Orange».

Раздел 2. Цифровые технологии в письменном переводе

Раздел состоит из двух тем.

- *Системы автоматического редактирования перевода* – САРП. Здесь студенты знакомятся с программами *Grammarly*, *Antidote* и подробно изучают функционал *ProWritingAid* на практике.

- *Введение в системы контекстуального поиска переводов* – СКПП. Тема посвящена возможностям *Linguee*, *Tatoeba*, и практике работы в *Context Reverso*.

Раздел 3. Системы машинного перевода

В раздел входят две темы.

- *Онлайн-переводчики*. Тема рассматривает функционал онлайн-переводчиков (Яндекс, Google, DeepL и др.) и знакомит с постредктированием МП.

- *Cat-tools*. Тема погружает в системы автоматизированного перевода, которые ускоряют работу, но не заменяют переводчика-человека, рассказывает об отличиях от САРП и СКПП, знакомит со SmartCat.

Раздел 4. Цифровые технологии в устном и аудиовизуальном переводе

Раздел включает три темы.

- *Автоматизированный перевод устной речи*. Тема посвящена истории синхронного МП и современным программами, которые переводят устную речь.

- *Введение в цифровые технологии аудиовизуального перевода*. Тема знакомит с аудиовизуальным переводом (АВП), его местом в переводческой индустрии и принципами локализации кинозаголовков в России.

- *Перевод под субтитры*. На лекциях студенты изучают виды субтитрования, а на практике – работают в *Subtitle Edit* и создают субтитры к видео по правилам *Russian Timed Text Style Guide* от Netflix.

Раздел 5. Корпусные технологии в переводе

Раздел состоит из четырех тем.

- *Введение в корпусную лингвистику*. Тема знакомит с понятиями корпуса и параллельного корпуса, классификацией корпусов, разметкой и сферами использования корпусов.

- *Электронные словари в переводе*. Тема посвящена функционалу электронных словарей и их возможностям в переводе и в переводоведении.

- *Составление узкоспециализированной терминологической базы для перевода*. В теме студенты узнают о терминологических базах и источниках терминов, учатся работать с параллельным корпусом НКРЯ.

Таким образом, курс видится теоретически обоснованным и практико-ориентированным.

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ АСИММЕТРИЙ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Давлетшина Диляра Кутдусовна

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
dilyara4mail@gmail.com

Швец Татьяна Петровна

кандидат искусствоведения, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
tanyashvetz@gmail.com

В процессе обучения общественно-политическому переводу необходимо обращать особое внимание на переводческие трансформации, которые следует применять при переводе с русского на английский язык, формируя у обучающихся навык сопоставления определенных лексико-грамматических конструкций между языком оригинала и перевода. Как верно отмечал А. Д. Швейцер, при работе с переводом материалов СМИ часто «возникает проблема передачи в переводе некоторых существенных особенностей массовой коммуникации, находящих свое отражение в языке».

Одно из традиционно сложных для обучающихся преобразований – преодоление номинативности русского языка, характерной для высказываний общественно-политической направленности: в формулировках нередко доминируют именные, а не глагольные конструкции, и длинные цепочки существительных, которые при переводе на английский необходимо преобразовывать в глагольные конструкции, прилагательные сравнительной степени или инфинитивные конструкции, например: ***Сохранение** общей исторической памяти России и Беларуси является **залогом успешного развития** наших государств, **сохранения их суверенитета**. – **To preserve** the common historical memory of Russia and Belarus is **essential for the successful development** of our states and their sovereignty.*

Учитывая тенденцию использования в английском языке вербальных признаков при описании внешнего мира, представляется необходимым обучение студентов технике распространения словесных групп внутри предложения. В процессе применения лексических переводческих трансформаций однокоренные слова и части устойчивых словосочетаний часто опускаются, например: ***Концентрация усилий правительства на выполнении этой задачи** должна способствовать скорейшему завершению конфликта. – **The government's concentration on this task** should put a prompt end to the conflict.*

Другим способом преодоления межъязыковых асимметрий при переводе с русского языка можно считать грамматические трансформации, связанные с разным строем английского и русского языков. Чтобы сохранить коммуникативный фокус предложения необходимо уделять особое внимание обучению трансформациям обстоятельств в подлежащее, например: ***На конференции было принято решение. – The conference decided.***

Таким образом, представляется методически целесообразным уделять внимание практике перевода упомянутых выше конструкций, чтобы развить у обучающихся навыки преодоления межъязыковых асимметрий при помощи грамматических и лексических трансформаций.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ И ПРОЕКТЫ: О РОЛИ ОБУЧЕНИЯ РАБОТЕ С ТЕРМИНОЛОГИЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА

Егорова Ольга Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческий факультет
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o.egorova@linguanet.ru

За последние несколько лет стало очевидным, что переводчик будущего должен не только хорошо переводить, но и владеть навыками смежных профессий, например – терминолога. Эксперты говорят: «терминология – это спасение переводчика на ближайшие 30 лет»; «следующие 30 лет – век терминологии». По мере того, как наша сфера будет все больше цифровизироваться, будет создаваться все больше массивов данных, в том числе и терминологических. Именно правильный выбор терминологии является критерием успешного постредактирования автоматического перевода, и это сможет сделать только переводчик, владеющий методами и принципами работы с терминологией и многоязычными терминологическими базами данных (к примеру, WIPO Pearl, WIPO Lex, UNTERM, YourTerm, IATE, терминологическая база Роспатента и др.).

Терминология рассматривается многими как смежная сфера. Она является неотъемлемой частью работы письменного и устного перевода, особенно, когда речь идет о специализированной сфере или о проектах, выполняемых с участием искусственного интеллекта. Не стоит забывать и про набирающие популярность нейросети, которые по запросу могут не только составить глоссарий по теме (т. е. выступить базой данных), но и перевести его сразу на несколько языков и др. (например, нейросеть Notion AI).

При подготовке нового поколения переводчиков МГЛУ уделяет терминологии особое внимание. В пример можно привести наше длительное сотрудничество с Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и терминологическим отделом Европейского Парламента. Совместно с ВОИС мы реализуем терминологический проект, в рамках которого обучающиеся МГЛУ под руководством опытных преподавателей-терминологов наполняют терминологическую базу данных WIPO Pearl по самостоятельно выбранным темам. В рамках проекта с Европарламентом студенты МГЛУ участвуют в наполнении многоязычной базы данных YourTerm. Ведется активная работа с Роспатентом. Таким образом, студенты получают целый набор необходимых знаний и навыков, которые пригодятся им как переводчикам на современном технологически интенсивном рынке труда.

МЕТОДЫ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ИСХОДНОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ДВУСТОРОННЕМУ ПЕРЕВОДУ (на материале немецкого языка)

Пивоварова Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкого языка
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
e.pivovarova@my.mgimo.ru

Санжарова Ирина Эдуардовна

старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
irina.sanzharowa@yandex.ru

Как известно, преподавание устного абзацно-фразового двустороннего перевода предполагает использование в учебном процессе аутентичных интервью, публикуемых как в иностранной, так и российской прессе (включая материалы, размещаемые в международной информационной многоязычной сети RT). Однако, как правило, исходные тексты в их неизменном виде едва ли могут быть использованы в учебных целях. Для их имплементации в программу подготовки переводчиков зачастую необходимы преобразования на концептуальном, смысловом и лингвистическом уровнях. Этому есть ряд объяснений.

Во-первых, обращаясь к источникам СМИ, преподаватель, ввиду понятных объективных обстоятельств, получает в распоряжение лишь одноязычный текст, требующий лингвопереводческой обработки. Таким образом, это является первой дидактической задачей при оформлении ИТ для тренировок ки двустороннего перевода.

Вторая причина заключается в объемном несоответствии вопросно-ответных блоков – обычно высказывания интервьюируемых значительно превосходят по числу печатных знаков или временной продолжительности (в случае аудиовизуальных источников) реплики журналистов. В этой связи преподаватель вынужден предпринимать своего рода «периформатирование» ИТ, чтобы достичь равнозначности вышеназванных частей текста.

Допустимым и рекомендуемым, по мнению автора, является также привнесение в ИТ изменений, позволяющих закрепить выполнение изученных ранее переводческих трансформаций и осуществлять решение лексико-грамматических проблем перевода. Не секрет, что невозможно подобрать аутентичный текст, отвечающий в полном объеме задачам обучения.

В свете современных вызовов, обусловленных новыми реалиями международной политики, особую роль в преподавании аспекта перевода приобретают такие категории, как гражданственность и патриотическое воспитание молодежи. Это ставит преподавателя перед задачей критического подхода к отбираемому для учебных целей контенту, а также, при необходимости, к его перефразированию с целью обеспечения политкорректности материала.

В анонсируемом докладе автор на конкретных примерах продемонстрирует методы дидактической обработки исходных текстов немецкого общественно-политического дискурса с целью создания полноценного учебного материала для формирования профессиональной переводческой компетенции в устном двустороннем переводе.

РОЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ (на материале англоязычной научной прозы)

Савинцева Светлана Ивановна

ведущий специалист
отдел подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре
Национальный научный центр морской биологии имени А. В. Жирмунского
Дальневосточное отделение РАН (ННЦМБ), Владивосток, Россия
s_savintseva@mail.ru

Обучение английскому языку в объеме, позволяющем успешно использовать его в профессиональной деятельности, является неотъемлемой частью подготовки аспирантов и частью непрерывного образования ученых. С ускорением процессов порождения непрерывного знаний и обмена научной информацией всё более важным становится умение ориентироваться в массиве профессиональной литературы. Перевод на родной язык в аспирантских группах Дальневосточного отделения Российской академии наук традиционно рассматривается как наиболее экономичная форма проверки понимания прочитанного, поэтому индивидуальной работе слушателей с литературой по специальности (переводу как письменному, так и устному)

уделяется большое внимания. Вместе с тем обсуждение переводов на занятиях в кандидатских группах, анализ как удачных примеров переводческих решений, так и ошибок и неточностей, дает возможность повторить и закрепить изученные ранее лексико-грамматические трудности, характерные для англоязычной научной прозы.

Однако в последние годы всё более очевидна роль перевода как инструмента обучения аспирантов научному стилю родного языка. Одна из основных причин – резкое снижение количества научных публикаций на русском языке. Молодые исследователи сталкиваются с тем, что сложно найти образцы русскоязычной научной прозы по отдельным направлениям; часто вновь появляющиеся термины не кодифицированы в переводных словарях, и в русском языке появляется несколько более или менее удачных эквивалентов, при этом особую сложность для понимания и интерпретации представляют композиты, количество которых непрерывно растет; неоправданно часто используются англицизмы (*дискутабельный, ургентный* и пр.).

Предлагается система заданий для кандидатских групп, в ходе выполнения которых слушатели знакомятся с различными типами словарей, особенностями научного стиля английского и русского языков, формированием терминосистем, различными моделями и приёмами перевода. Материалом послужила аутентичная литература на английском языке по различным специальностям (естественные, технические и медицинские). Результатом выполнения заданий является формирование навыков эквивалентного перевода научной прозы с английского языка на русский на основе коммуниктивно-функционального подхода.

СЕКЦИЯ 12

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Алдошина София Андреевна

преподаватель кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
факультет лингвистики и межкультурной коммуникации
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
sofiia_aldoshina@mail.ru

На современном этапе развития языкознания использование разнообразных прецедентных единиц является одним из наиболее частотных средств языковой репрезентации культурно специфичного знания, способного отражать иерархию ценностей этноса.

В начале XXI века исследователи выдвинули термин «прецедентный феномен», вбирающий в себя известные всему этносу явления культуры, закрепившиеся в сознании носителей языка, и выделили четыре вида таких феноменов: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентная ситуация.

Например, прецедентным высказыванием стали слова испанского писателя и философа Мигеля де Унамуно: «Venceréis, pero no convenceréis» (*Вы победите, но не убедите*) (перевод наш. – С. А.), с которыми он обратился к основателю Испанского легиона.

Выражение Унамуно используется в испанской публицистике и поныне. Автор одной из недавних статей, посвященных грядущим парламентским выборам, уверен, что вне зависимости от того, кто придет к власти, испанцы намерены продолжать отстаивать свои права: «Venceréis, pero no convenceréis <...> No estamos en guerra y no hay sublevación que se espere, pero la democracia no consiste en ganar las elecciones <...> Venceréis, tenéis todas las garantías democráticas; pero vuestra victoria no se fundará en nuestra derrota» (*Вы победите, но не убедите <...> Мы не находимся в состоянии войны и не ожидаем восстания, но демократия не сводится к победе на выборах <...> Вы победите, у вас для этого есть все демократические гарантии, но ваша победа не будет означать наше поражение*).

В современной публицистике прецедентные единицы, представляющие собой многослойную динамичную структуру, используются в качестве важнейшего средства экспликации картины мира, в том числе для репрезентации ее ценностного компонента. К использованию прецедентных единиц авторы статей прибегают, как правило, при создании броских заголовков. При

этом они вынуждены давать пояснения читателям, позволяя таким образом даже неподготовленной аудитории воспринимать стоящее за определенной прецедентной единицей культурно специфичное содержание.

Всё чаще в качестве прецедентных единиц стали выступать интернет-мемы или примитивные фразы рекламы, однако несмотря на очевидную тенденцию к постепенному сокращению использования средств репрезентации прецедентности, сам феномен не теряет своей актуальности и сегодня, оставаясь одним из основных способов оказания эмоционального, персуазивного, а порой и манипулятивного воздействия на аудиторию.

ГАЗЕТНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ОБЪЕКТ КОНТРАСТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ В ВЕРСИИ А. Д. ШВЕЙЦЕРА

Бабенко Наталия Сергеевна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

babenkons@yandex.ru

Газетная публицистика как самостоятельный функциональный стиль оказалась в центре внимания А. Д. Швейцера в начале 1990-х годов не случайно. Написание книги «Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках» совпало со временем бурных перемен, отразившихся в языке прессы, что позволило автору получить неожиданно весомые результаты для понимания специфических задач контрастивной стилистики, в том числе и благодаря обращению к источникам живого эмпирического материала, актуализованного драматическими событиями 1990 и 1991 годов в языковой практике оперативной газетно-информационной сферы.

Исследовательский интерес в рамках сопоставительного изучения стиля газетной публицистики представляют способы и приемы передачи «чужой» (косвенной) речи в составе информационного сообщения, существующего в режиме непрямой коммуникации.

Апелляция к чужой речи является весьма характерной чертой современных публицистических текстов, что объясняется существованием разветвленной сети источников информации, а также стремлением СМИ к объективности и достоверности своего контента. Весьма перспективным объектом контрастивно-стилистического анализа в рамках сформулированных А. Д. Швейцером идей может служить сфера косвенной речи в газетных текстах русскоязычной («Независимая газета») и немецкоязычной («Frankfurter Allgemeine») качественной прессы.

Русский и немецкий языки существенно различаются по способам и приемам выделения фрагментов текста с косвенной речью: русский язык

ориентирован на использование лексических средств, тогда как немецкий язык обладает предельно грамматикализированным средством, а именно так называемым «публицистическим» конъюнктивом I. Столь отчетливые различия в маркировании косвенной речи двух языков определяют специфику не только по параметру формализации включения «чужой» речи в информационное сообщение, но и по характеру выражаемых при этом смыслов.

Косвенная речь в публицистике представляет собой перспективный объект для контрастивно-стилистического анализа в версии А. Д. Швейцера, в основе которого лежит «многомерный подход, отражающий многогранность сопоставляемых объектов и сочетающий сопоставление функциональных параметров и их языковых признаков».

МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА (на материале СМИ на русском, английском и французском языках)

Белякова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
i.e.belyakova@utmn.ru

Саккини Мария Георгиевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
m.g.sakkini@utmn.ru

Исследование направлено на выявление маркеров манипулятивного кросс-культурного дискурса современных русско-, англо- и франкоязычных новостных СМИ с признаками информационного воздействия с помощью количественных и качественных методов анализа.

Отличительные черты дискурса с признаками информационно-психологического воздействия – обман и принуждение через угрозы, ограничение выбора и недопущение критического осмысления через эмоциональное манипулирование. Обман включает в себя публикацию фейков, дезинформации, неточной информации, конспирологических теорий под видом фактов, замалчивание, сокрытие фактов, событий и т. д., а также выбор эмоционально окрашенной лексики нужной коннотации.

Изучение воздействия информационно-психологических операций на читательскую аудиторию проведено в работах V. Bakir и C. Willeni. Делается вывод о том, что тексты, содержащие четкую национально-этническую идентификацию, сообщающие об угрозе благосостоянию, ресурсам, жизни «своих» и обесценивание деятельности, оскорбление «чужих», будут более успешны в конечном воздействии.

В ряде работ осуществлен анализ языковых средств ведения информационных войн в СМИ, например, в работе А. Г. Голодова «Язык информационной войны в немецкой массовой публицистике» 2015 года. Автор делает вывод о дезориентирующей и маскирующей функциях языковых средств в целях «представить конкретные преступные действия «своих» как минимум нейтрально... как героизм. Для описания «чужих» применяются... дисфемизмы».

Вербальные атаки в гибридных войнах приводят к «полномасштабному манипулированию общественным сознанием, информационно-ценностной деактивации личности в информационном обществе, атрофированию принципов гуманизма, морали, утрате значимости традиционных ценностей, росту семантического эклектизма. Таким образом, актуальность исследования и мониторинга языковых паттернов негативного информационного воздействия не вызывает сомнений.

TRANSLATION OF ABBREVIATIONS AND ACRONYMS IN SOCIO-POLITICAL TEXTS FROM FRENCH INTO AZERBAIJANI

Ulfat Zakir oglu Ibrahim

PhD, Associate professor

Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language

Azerbaijan University of Languages, Baku

ulfet.ibrahim@yahoo.com

Nowadays, one of the characteristic phenomena of contemporary French and Azerbaijani lie in their tendency to abbreviate part of their lexicon. The almost permanent presence of acronyms and abbreviations in today's French and Azerbaijani leaves no doubt: it suffices to open any newspaper, scientific or popular publication, watch television broadcasts, advertisements or hear a discussion between two young people. Acronyms are used most frequently for all non-literary texts, for reasons of brevity or euphony (1988: 148).

In past centuries, the use of acronyms was not totally absent, but it was rarer. They are found on military ensigns or in funerary inscriptions. Some of these acronyms are frequently found in epigraphies and numismatics: SPQR, OM, DD, DM.

But the great vogue for acronyms appeared in the XX century, and more particularly after the First World War. At the turn of the XIX and XX centuries, some political or union formations were designated by their initials (SFIO, CGT).

In Azerbaijani language the usage of abbreviations forms increased in the soviet period, and it only continues to grow today. All areas were involved: institutions and administrative bodies, political life, international relations, cultural life, science and technology, economy and finance, etc.

Notwithstanding that acronyms are one of the aspects of our hectic lives, which has led to the sacrifice of quality for quantity and speed, to transmit all the

news of the day, a newspaper must abbreviate everything that can be, otherwise it would quickly run out of space.

Acronyms are perhaps the non-literary and the professional translator's biggest problem since the translation of acronyms across two different languages poses a problem. Among the difficulties of translation we can notice: 1) non-existence of some similar institutions, committees or organizations in Azerbaijani language, 2) some special words characteristic for French or Azerbaijani, 3) presence of omoacronyms in two languages.

Nowadays, the language of socio-political spheres both in French and Azerbaijani often makes use of a large number of abbreviations and acronyms. The development of socio-political life and integration between the languages give rise to the appearance of new concepts which are expressed with the help of phrases and compound words.

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Макарова Полина Валерьевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций имени В. А. Славиной
Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
polarmail@inbox.ru

Спортивная журналистика – сегмент, особенно подверженный глобализации. В нем схожесть медиатекстов более заметна, чем во многих других.

Если мы обратимся к информационным жанрам в спортивной журналистике, то найдем множество совпадений в структуре текста, в ключевых элементах, одинаковых для СМИ разных стран. Возьмём один инфоповод («Мик Шумахер выступит за рулём «Мерседеса» отца на «Фестивале скорости» в Гудвуде») и рассмотрим его на примере новостных статей на championat.com, uk.motor1.com и marca.com:

Логика построения материала в трех случаях очень схожа, совпадают фрагменты текста, встречаются одинаковые элементы: факты, стилистические обороты, средства выразительности, термины. Примеры:

- Резервный пилот (reserve driver; piloto reserva).
- W02 был вторым автомобилем, разработанным и построенным «Мерседесом» после покупки команды в 2009 году (The W02 was the second car designed and built by the Mercedes F1 team ... at the end of the 2009 season;
- W02 el segundo coche diseñado y construido por el equipo ... a final de la temporada en 2009).
- за рулем W02, болида, на котором в сезоне-2011 гонялся его отец Михаэль (Driving a 2011 W02 that his father raced; con uno de los coches que pilotó su padre, Michael).

- На ней выступали Михаэль Шумахер и Нико Росберг (Raced by Michael Schumacher and Nico Rosberg; que fue pilotado por Michael Schumacher y Nico Rosberg).

Контрастивность в спортивной журналистике широко представлена за счет:

- Фактологической основы спортивной журналистики;
- Структуры текстов;
- Универсальности жанров;
- Языка спортивной журналистики;
- Художественных средств и приёмов;
- Глобальности тем спортивной журналистики.

Если мы возьмём азиатские страны, например, Японию, то увидим ту же самую картину. Таким образом, формы и жанры спортивной журналистики универсальны, глобальны и применимы к разным культурам и разным этапам развития различных систем средств массовой информации.

СЕКЦИЯ 13 КОНТРАСТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ГИПЕРМЕДИАТЕКСТА ОДНОЙ НОВОСТИ

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА – МНОГОЛИКИЙ ЖАНР?

Никонова Екатерина Андреевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка
Московский государственный институт международных отношений (У)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
ekatnikon2014@yandex.ru

Редакторская колонка является одним из наиболее узнаваемых журналистских текстов во всем мире. При этом, несмотря на свою востребованность и длительную историю, она продолжает оставаться одним из наименее изученных жанров. В рамках нашего исследования предлагаем анализ редакторской колонки с позиции дискурсивного жанра.

Анализ показал наличие трех разновидностей редакторской колонки в англоязычной прессе: редакторское мнение, редакторский обзор и *editorial*. Каждый тип редакторской колонки имеет собственную специфику. Так целью текстов *editorial* является выражение мнения редакции по актуальному общественно-политическому вопросу. Позиции, высказываемых в *editorial*, отличаются тем, что носят институциональный характер и являются не личной точкой зрения редактора, а представляют собой мнение редакции газеты, журнала. Поэтому *editorial* не подписываются именем автора. Цель *editorial* – оказать влияние на общественное мнение / ценности (J. N. Druckman, P. Norris, K. F. Kahn)]. Редакторский обзор номера представляет собой небольшой по объему текст, написанный главным редактором, где перечисляются вопросы, которые были затронуты в данном выпуске. Перечисление тем может сопровождаться авторским комментарием. В мнении редактора, как правило, затрагивается самая важная проблема выпуска; текст представляет собой колонку главного редактора, где автор освещает один или несколько вопросов, поднятых в рамках выпуска, высказывая свое субъективное мнение.

ШОУИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Стефановская Екатерина Игоревна

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
факультет социокультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
Stsefk@bsu.by

Современный спортивный дискурс является образцом истинного ораторского мастерства, чему способствует не только повышенная степень его экспрессивизации и эстетизации, но и все активнее набирающий оборот механизм шоуизации. Важно отметить, что данная тенденция свойственна не только телевизионному спортивному дискурсу, но и печатному. Можно выделить следующие инструменты шоуизации спортивной коммуникации:

1) языковая игра на разных уровнях: так хочется, чтобы **Слепов** стал **Зрячевым**; хотелось бы, чтоб **Цветков расцвёл** на чемпионате мира; да это же **Вильям Галлас**. **Галлас-Алмаз**; французы сегодня без **Фуркада**, но **«бесфуркадь»** привело к тому, что французы сегодня пятые; какие латыши молодцы, а **Расторгуев** и без **«Любе»** может показать результат;

2) повышенная степень метафоризации спортивного дискурса: этот **трансфер** **вызрел** на медленном огне, в котором **горели** благие **намерения**; словачка в свою очередь также **растранила подачу**; **Икарди «отклеился»** от защитника; вчера **Соболенко экзаменовала румынку** **Михаэлу Бузарнеску**; немного **хромает качество** передач связи в четвертую зону; мне говорили, что **команда прибавит** по ходу сезона, **раскочегарится**;

3) прецедентная насыщенность спортивной риторики: что касается танцев, где на протяжении двух последних сезонов **«танцуют все, а побеждают французы»**, интрига возможна вполне; и все же не верится, что с Чепелиным **«это навсегда»**, как говорили в фильме **«Москва слезам не верит»** про одного бывшего спортсмена;

4) лингвистическое панибратство», т. е. не всегда уместная, а иногда и вовсе граничащая с грубостью и бестактностью простота общения по отношению к субъектам спорта: **«Ощипанные» «орлы»** (заголовок); молодой человек, которого полностью зовут **Николас Ладислао Федор Флорес**. В подходящий момент мы его, конечно же, назовем **Федей**; в целом провалив матч (всего 2 из 12 попаданий), форвард выстрелил в нужный момент. **«Трёшка»** Истины довела лидерство хозяев до **«+5»**. Правда, не стала последним гвоздем в крышку гроба визави. И даже предпоследним; на этом **«зубры»** не остановились и сумели еще раз огорчить **Мурыгина**, явно заскучавшего в воротах;

5) обсуждение деталей личной жизни субъектов спорта: а тут еще и сам **Йоханесс**, который и без того бодрый малый, прилетел в Тюмень явно в приподнятом настроении. В декабре **Бё-младший** сделал своей девушке предложение, на которое она ответила согласием. Теперь пара договорилась о свадьбе летом; **Чепелин** в своей **«обычной жизни»** является примером странного биатлониста с такой подвижной нервной организацией, что она

позволяет своему обладателю стабилизироваться на высоком уровне; самый звездный игрок «Салавата Юлаева» Капризов, по слухам, летом может перебраться в ЦСКА. И пусть яркий форвард, капитан российской «молодежки» отрешивается от этих пересудов, но дыма без огня не бывает.

Таким образом, шоуизация спортивной риторики имплементируется через активную эксплуатацию стратегий, используемых в шоу-бизнесе, что, безусловно, ведет к повышенному вниманию к данному виду дискурса со стороны аудитории.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Предисловие	5
В поисках переводных эквивалентов <i>Алпатов В. М.</i>	8
Историческая дистанция и проблемы перевода <i>Челышева И. И.</i>	9
Зоометафора как основа образности политического дискурса и интернет-дискурса, или Переводчик в стране ошибок <i>Терехова Е. В., Прошина З. Г.</i>	10
«Глазами переводчика»: А. Д. Швейцер о синхронном переводе как призвании <i>Никуличева Д. Б.</i>	11
Этика телодвижений в дидактическом и переводческом аспектах <i>Горшкова В. Е.</i>	13
Перевод и его конституирующие признаки <i>Нестерова Н. М.</i>	14

СЕКЦИЯ 1 В ПОИСКАХ LINGUA FRANCA

Русский язык как lingua franca в произведениях А. Неркаги <i>Белякова И. Е., Дрожащих Н. В.</i>	16
Lingua franca: заимствования в контексте инфобизнеса <i>Клюковкина Н. А.</i>	17
Эмодзи – lingua franca? <i>Лепенышева А. А.</i>	18
Лингва франка: история и перспективы <i>Медведев Ю. С.</i>	19
English for Specific Purposes для сферы туризма как lingua franca <i>Стрембицкая Н. С., Стрембицкая Л. И.</i>	20

СЕКЦИЯ 2 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В ПЕРЕВОДЕ

Метафоризация значений параметрических прилагательных и их дериватов: сопоставительный аспект (на примере русского и английского языков) <i>Ачаева М. С.</i>	22
Трансляция культурных концептов, вербализованных в паремиологии (на материале русского и испанского языков) <i>Глухова О. В.</i>	23

Особенности перевода английских отпрецедентных имен-конверсивов на русский язык <i>Голубкова Е. Е., Захарова А. Г.</i>	24
Семантика слова <i>fred</i> в устойчивых словосочетаниях датского языка (на материале современной периодики и прозы) <i>Гордеева К. В.</i>	25
Шведские наречия-интенсификаторы и способы их перевода на русский язык <i>Жильцова Е. Л.</i>	27
Специфика английских устойчивых сочинительных сочетаний и особенности их перевода <i>Королев С. В.</i>	28
Перевод локального исторического титула: венгерское <i>vitéz</i> и его передача в славянских языках <i>Кресан Я. Ю., Решетников К. Ю.</i>	29
Free Translation of an Author's Text as a Discursively Manipulative Game (based on the novel «Camera Obscura» / «Laughter in the Dark» by V. Nabokov) <i>Lebedev L. V.</i>	30
Описания пространства в оригинале и в переводе (на материале норвежского и русского языков) <i>Ливанова А. Н.</i>	32
The Challenge of Translating Personal Pronouns Into Canadian English in the Era of "Bill C-16" <i>Onyeka Ezech</i>	33
Специфика перевода безэквивалентной пищевой лексики в языковой паре «чешский – русский» (на материале параллельных корпусов) <i>Пинхасик И. Е.</i>	34
Предисловие переводчика как самостоятельный жанр (к постановке исследовательской задачи) <i>Полубоярова М. В., Таунсенд К. И.</i>	35
Прецедентные феномены на стыке культур и дискурсов: проблема перевода <i>Привалова Е. П.</i>	36
Концептуальная метафора как переводческий инвариант <i>Ревуцкая Е. А.</i>	37
Региональная специфика перевода романа Вяйне Линна «Неизвестный солдат» на шведский язык <i>Столярова А. Г., Дементьева А. М.</i>	39
Грамматика и лексика в редакциях перевода романа «Приключения Тома Сойера», созданных К. И. Чуковским <i>Уржа А. В.</i>	40
Модальная частица и наречие <i>väl</i> : семантические и функциональные особенности, эквиваленты в русском языке <i>Филинова Ю. В.</i>	41
Эквиваленты перевода английской лексики <i>perfect</i> на русский язык <i>Филясова Ю. А.</i>	43

СЕКЦИЯ 3 ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Поэтические особенности перевода жанра хайку <i>Дацко Д. А.</i>	45
Средства архаизации речи персонажей в романе В. Гауфа «Лихтенштайн» и особенности их перевода на русский язык <i>Денисова Е. П.</i>	46
Эквиваленты характеристических имен в русских переводах пьесы Шекспира «Мера за меру» <i>Калашников А. В.</i>	47
Геометрия переводческого пространства <i>Криворучко А. И.</i>	48
Интерсемиотические грани перевода: спектакль как интерпретация ключевых концептов пьесы <i>Логонова Е. Г.</i>	50
Междометия и звукоподражания в комиксах и книжках-картинках (на примере переводов со шведского на русский язык) <i>Матыцина И. В.</i>	51
Способы передачи фразеологизмов в русском переводе болгарского детективного романа Б. Райнова «Что может быть лучше плохой погоды» <i>Михайлова Е. С.</i>	52
Полижанровость и ее влияние на перевод литературных произведений: мемуары Т. Э. Лоуренса в паре языков английский – русский <i>Мухин Н. А.</i>	53
Переводческие трансформации при переводе итальянских поэтических текстов на русский язык (на материале песен Zecchino d'oro) <i>Никитюк А. Г., Данилова В. А.</i>	54
К вопросу о переводе английской военной поэзии <i>Оболенский А. А.</i>	55
Особенности передачи женской рифмы при переводе поэзии с русского языка на английский <i>Пальванова Е. М.</i>	57
К проблеме восприятия перевода песен зрителем на примере диснеевских мультипликационных фильмов <i>Полузктова Т. Д., Полуэктов А. А.</i>	58
К вопросу о переводе на английский язык реалий в сказках А. С. Пушкина <i>Пушкина А. В., Кривошлыкова Л. В.</i>	59
Перевод поэта поэтом и концепция «видимости переводчика» <i>Устинова Т. В.</i>	60
Особенности передачи речевых характеристик персонажей в переводе (на материале романа Д. Киза “Minds of Billy Milligan”) <i>Шабунина В. Н.</i>	62
Способы репрезентации гипаллаги и эналлаги в художественном переводе <i>Шутёмова Н. В.</i>	63

СЕКЦИЯ 4

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ И ВЛИЯНИЕ ПЕРЕВОДОВ НА ЯЗЫК

Средства создания доступности как виды межъязыкового посредничества <i>Александрова Е. В.</i>	65
Письменные переводы на язык без письменной традиции: влияние языка-источника на язык перевода <i>Казакевич О. А.</i>	66
Фактор подстрочного перевода в становлении калькированной фразеологии английского языка <i>Мухин С. В.</i>	68
К вопросу о переводе прецедентных текстов Х. К. Андерсена <i>Орлова Г. К.</i>	69
Системы междометий русского и английского языков и проблемы перевода <i>Розина Р. И.</i>	70
А. Д. Швейцер и современные проблемы перевода <i>Рябцева Н. К.</i>	72
Опущение избыточной информации в переводе названий научных статей <i>Слободянюк В. В.</i>	73
Особенности трансформаций глагольных форм при переводе в описаниях перемещений во времени <i>Филатова Г. А.</i>	74
Переводческие эквиваленты английского вводного <i>there</i> как ключ к семантике структурного элемента бытийного предложения <i>Хрисонопуло Е. Ю.</i>	75
С норвежского на язык викингов <i>Шенявская Т. Л.</i>	76

СЕКЦИЯ 5

ЭВОЛЮЦИЯ ВИДОВ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДСКИХ СТРАТЕГИЙ

Передача несобственно-прямой речи как важный фактор достижения адекватности при переводе художественного текста <i>Алимова А. Д.</i>	78
Прагматические особенности локализации кинозаголовка и постера кинофильма (на примере локализации отечественного патриотического кино) <i>Анисимов В. Е., Анисимова Е. Д.</i>	79
Синтаксические особенности японско-русских эквивалентных единиц на материале перевода романа Ю. Мисимы «Золотой храм» <i>Баврин А. В.</i>	80
Стратегия деинтенсификации оценочных значений в японских переводах русской художественной литературы <i>Бонадык Н. А.</i>	81

Интерпретция и перевод образов поэтического антропоморфизма в художественном тексте <i>Губочкина Л. Ю.</i>	83
Письменный профессионально ориентированный перевод в области лингвистики: проблемы и решения <i>Гусева А. П.</i>	84
Естественный и искусственный интеллект в переводе <i>Дубровская О. Г.</i>	85
Стилистическое уравнивание как один из способов нивелирования интерференции в переводе <i>Золина М. С.</i>	87
Концепция адекватности перевода А. Д. Швейцера и языковая локализация материалов аудиовизуальных СМИ <i>Калинин А. Ю.</i>	88
Передача языка национальных и классовых меньшинств в локализации видеоигры <i>Disco elysium final cut</i> <i>Красоцкая М. Д.</i>	89
Игры, в которые играют переводчики <i>Куницына Е. Ю.</i>	90
О соотношении понятий «перевод» и «псевдоперевод» <i>Масленникова Е. М.</i>	91
Что делать, если автор неправ? Работа с авторскими ошибками в литературных переводах <i>Наумова А. В.</i>	93
Перевод медийного дискурса в контрастивном аспекте: анализ подхода А. Д. Швейцера <i>Нецветаева Ю. С.</i>	94
Лингвокогнитивный подход к переводу метафор с опорой на когнитивные образы <i>Песина С. А.</i>	96
Перевод средств оценочной и эмоциональной модальности с норвежского на русский язык <i>Пронина А. Ю.</i>	97
Социальный перевод как новый вид перевода <i>Раренко М. Б.</i>	98
Использование приложений по сбору статистических данных для анализа переводов текстов с проявлениями интертекстуальности <i>Семенова М. О.</i>	99
Особенности употребления эргонимических единиц в английском и русском языках и их учет в переводе <i>Ударова Н. И.</i>	101
Retranslation theory: основные принципы и применение к сопоставительному анализу текстов <i>Яковенко Е. Б.</i>	102

СЕКЦИЯ 6

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ВАРЬИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ

Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционалистов и ревиталистов <i>Германова Н. Н.</i>	104
Вид через время: именные формы глагола в нидерландском языке <i>Дренясова Т. Н.</i>	105
Промежуточный язык в бельгийском варианте нидерландского языка <i>Коломиец Н. А.</i>	106
Вариативность передачи названий некоторых городов и стран в датском языке <i>Немцева А. А.</i>	108
Связь нормализационных процессов Бельгии и Франции в XVI веке <i>Разумова Л. В.</i>	109
Статус контактных вариантов слов в чешском и словацком языках <i>Уварова Ю. П.</i>	110
Семантические аспекты грамматической вариативности в шведском языке <i>Чекалина Е. М.</i>	111

СЕКЦИЯ 7

СТИЛЬ, ЖАНР, ТИП ТЕКСТА: К ПОИСКУ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ

Соотношение терминов «основной закон» и «конституция» в датской и российской правовых традициях <i>Авакова Ю. М.</i>	113
Перевод общенаучных и узкоспециальных терминов с семантикой отрицания с персидского на русский и английский языки <i>Билинский Е. А.</i>	114
Особенности использования эксплицитного образного сравнения в историческом романе (на примере «Лев Майсура» В. Л. Крашенинникова и «Staying on» П. Скотта) <i>Бутенко Т. В., Кузина М. А.</i>	115
Междисциплинарный характер понятия «картина мира» и трудности перевода гумбольдтианского термина на французский язык <i>Верещагина Н. В.</i>	116
Вклад А. Д. Швейцера в контрастивную стилистику <i>Григорьева Л. Н.</i>	117
Референциальный сдвиг как проявление субъективной модальности переводного текста <i>Знак Ю. Э.</i>	119
Типы текстов как объект гуманитарного знания <i>Литвиненко Т. Е.</i>	120

English and Russian Environmental Internet Memes in Mass Media Discourse: a Comparative Aspect <i>Pavlova E. B.</i>	121
Центр переводной аттракции как сверхтекст <i>Разумовская В. А.</i>	122
Немецкоязычные ярмарочные своды конца XVI – начала XVII века как информационные тексты нового типа <i>Рудакова Ж. И.</i>	123
Нидерландская политическая метафора: история и современность <i>Степаненко Е. А.</i>	124
О германских параллелях олонецких заговоров со сквозным эпитетом <i>Топорова Т. В.</i>	125
Когнитивный аспект изучения истории перевода <i>Феоктистова А. В.</i>	126

СЕКЦИЯ 8 ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ В ЯЗЫКАХ МИРА

Приемы письма на миноритарных языках без письменной традиции: социолингвистический аспект <i>Агранат Т. Б., Додыхудоева Л. Р.</i>	128
Динамика национальных норм немецкого языка и их лексикографическая кодификация <i>Едличко А. И.</i>	129
Социолингвистическое обследование в условиях внутренней дисапоры <i>Куцаева М. В.</i>	130
К вопросу о статусе немецкого языка в Швейцарии. Плюрицентризм vs. плюриареализм <i>Ланских Ю. В.</i>	131
Fluent Speakers And Semi-Speakers Of An Endangered Language. Describing Language Profiles <i>Mankov A. E.</i>	133
Труды А. Д. Швейцера в базе данных «Категоризация миноритарных языков в Европе» <i>Москвичева С. А.</i>	134
Гибралтар: в поисках «своего» языка <i>Саркисян О. С.</i>	135
Социолингвистические характеристики современных диалектов немецкой Швейцарии <i>Юкляева Е. А.</i>	136

СЕКЦИЯ 9 ПЕРЕВОД И КОММУНИКАЦИЯ

Способы достижения адекватности при переводе этномаркированных экклезионимов <i>Бекоева И. Д.</i>	138
Коммуникативная интенция автора vs эмпатия переводчика <i>Богомолова А. В.</i>	139
Перевод как средство совершенствования знания русского языка как родного <i>Бугреева Е. А.</i>	140
Категории лингвистического переводоведения: элиминировать или применять? <i>Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т.</i>	141
О сложных единицах перевода <i>Власенко С. В.</i>	142
Синхронный перевод: интерпретация инварианта смысла или его передача стереотипными конструкциями <i>Коровкина М. Е.</i>	144
Теория перевода в цикле сочинений «De optimo genere ...»: Цицерон, Иероним, Перионий, Гуэций <i>Кошевская А. Ю.</i>	145
Стереотипы как междисциплинарное понятие и проблемы их передачи при переводе <i>Самкова Е. М.</i>	146
Язык – словесность – культура – самосознание – перевод <i>Солдатова Д. Н.</i>	147
Сравнительный анализ уровней эквивалентности, по В. Н. Комиссарову и А. Д. Швейцеру <i>Фролов В. И.</i>	148
Вопросы художественного перевода в трудах В. Г. Белинского и Н. Атача <i>Шенер Лейла</i>	149

СЕКЦИЯ 10 ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В XX–XXI ВЕКАХ

Сопоставление современных территориальных вариантов английского языка (на примере анализа религиозной метафоры) <i>Донина О. В., Исаева П. Д.</i>	150
Социальная вариативность лексических единиц в английском языке через призму современной художественной литературы <i>Ивушкина Т. А.</i>	151

Мультиэтнoлект современного мегаполиса: multicultural London English Казак Е. А.	152
Социальная дифференция языка в песенном дискурсе британской рок-группы «Queen» Николаева М. Н.	153

СЕКЦИЯ 11 ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Архитектура дисциплины «цифровые технологии в переводе». Обучение переводчиков – людей в эпоху машинного перевода Алюнина Ю. М.	155
Пути преодоления межъязыковых асимметрий в обучении переводу общественно-политических текстов с русского на английский язык Давлетшина Д. К., Швец Т. П.	157
Международные терминологические базы данных и проекты: о роли обучения работе с терминологией в процессе подготовки переводчиков для современного рынка Егорова О. Г.	158
Методы дидактической обработки исходного текста при обучении двустороннему переводу (на материале немецкого языка) Пивоварова Е. В., Санжарова И. Э.	159
Роль обучения переводу в подготовке молодых ученых (на материале англоязычной научной прозы) Савинцева С. И.	160

СЕКЦИЯ 12 МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Особенности репрезентации прецедентности в современной испанской публицистике Алдошина С. А.	162
Газетная публицистика как объект контрастивной стилистики в версии А. Д. Швейцера Бабенко Н. С.	163
Маркеры манипулятивного дискурса (на материале СМИ на русском, английском и французском языках) Белякова И. Е., Саккини М. Г.	164
Translation of Abbreviations and Acronyms in Socio-Political Texts from French into Azerbaijani Ulfat Zakir oglu Ibrahim	165
Контрастивная лингвистика в спортивной журналистике Макарова П. В.	166

СЕКЦИЯ 13
КОНТРАСТИВНЫЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ГИПЕРМЕДИАТЕКСТА
ОДНОЙ НОВОСТИ

Редакторская колонка – многоликий жанр?	
<i>Никонова Е. А.</i>	168
Шоуизация современного спортивного медиадискурса	
<i>Стефановская Е. И.</i>	169

Научное издание

**ГРАНИ ЯЗЫКА
ГРАНИ ТЕКСТА
ГРАНИ ПЕРЕВОДА**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
Международной конференции
к 100-летию со дня рождения А. Д. Швейцера
Москва, 8–9 декабря 2023 года**

*Издание подготовлено в авторской редакции
Компьютерная верстка Г. П. Лопатина
Дизайн обложки А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 04.04.2024
Усл. печ. л. 11,3. Формат 60х90/16
Заказ № 13/24

Адрес редакции:
г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел. / факс (8 499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru